Библ. Пушк. Дома
105 1/61
Инв. № 27374
Acr

Поль Гоген

Путешествіе на Таити

ПОЛЬ ГОГЭНЪ
«НОА-НОА»
ПУТЕШЕСТВІЕ НА ТАИТИ

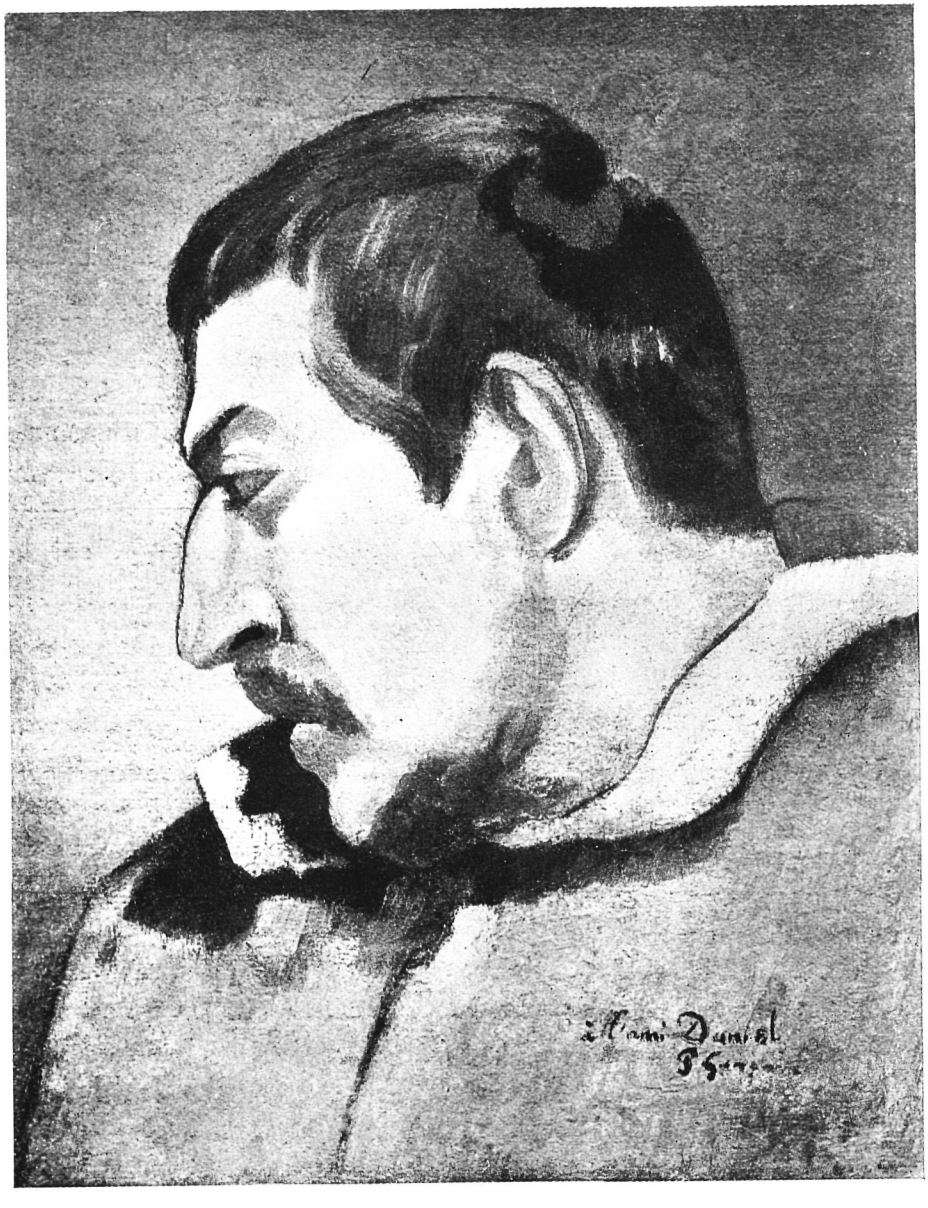
ПЕРЕВОДЪ О. И Ш. РЕДАКЦІЯ
И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
Я. ТУГЕНДХОЛЬДА

ИЗДАНІЕ Д. Я. МАКОВСКАГО

МОСКВА — 1914.
Товарищество типографіи А. И. Мамонтова.
Арбатская пл., Филипповскій пер., д. 11.

29096

Библиотека



П. Гогэнъ. Автопортретъ.

ПОЛЬ ГОГЭНЪ.

О, умчаться туда, гдѣ, наконецъ, достаточно мѣста, достаточно воздуха!

Быть вольнымъ отъ прежнихъ цѣпей и условностей!

Найти неожиданно лучшее, что есть въ Природѣ, и имъ наслаждаться небрежно!

Почувствовать ясно, что нынче или когда бы то ни было я доволенъ собой, я доволенъ...

У. Уитманъ.

Исполнилось десять лѣтъ со дня смерти замѣчательнаго французскаго художника Поля Гогэна—одинокой, загадочной смерти въ добровольномъ изгнаніи вдали отъ Европы, на славномъ посту Красоты. И однако, даже на родинѣ Гогэна далеко еще не исправлена та несправедливость по отношенію къ нему, которая тяготѣла надъ нимъ въ теченіе всей его жизни, далеко еще не учтена его крупная роль въ развитіи современнаго искусства и эстетическаго сознанія. Объясняется это отчасти тѣмъ, что произведенія Гогэна до сихъ поръ замкнуты въ частныхъ коллекціяхъ и лишь изрѣдка показываются молодому поколѣнію художниковъ, а отчасти—наличностью въ его творчествѣ нѣкоего идеологическаго элемента, который отталкиваетъ поверхностныхъ французскихъ эстетовъ. Но эта своеобразная Гогэновская идеологія дѣла-

етъ еще болѣе интереснымъ его искусство. Можно такъ или иначе относиться къ нео-ахраизму въ современномъ художествѣ, но не слѣдуетъ забывать того, что Гогэнъ былъ однимъ изъ его первыхъ пророковъ и жертвъ. И если о Гогэнѣ мало говорятъ въ настоящее время въ Парижѣ, то это не потому, что онъ устарѣлъ, а потому, что онъ сталъ классикомъ того теченія, эпигоны и вульгаризаторы котораго забыли свое родство...

Въ наше время, когда каждый день приноситъ все новыя и новыя художественныя теоріи, особенно цѣнно вспомнить Гогэна, утвердившаго новые вкусы не только властью своего таланта, но и всей своей жертвенной жизнью. Именно въ такой послѣдовательности — жизнь и творчество, а не творчество и жизнь — долженъ быть изученъ Гогэнъ. Въ противоположность многимъ другимъ художникамъ, у которыхъ жизнь затмевается сплошнымъ праздникомъ творчества или протекаетъ въ будняхъ каждаго дня, личная судьба Гогэна органически связана съ его живописью, а живопись была для него эстетической реализаціей его жизненныхъ идеаловъ. Чтобы понять его искусство, надо знать его біографію. Правда, исторія его жизни не алѣетъ кровавыми приключеніями Бенвенутто Челлини, не пестритъ бурными политическими превратностями Гойи или Курбэ, не омрачается душевной драмой Ванъ-Гога или Врубеля. Наоборотъ, она поражаетъ закономѣрностью и цѣльностью описаннаго ею круга — Гогэнъ точно съ дѣтства нашелъ себя и вся его жизнь вплоть до ея досрочнаго трагическаго конца была лишь яркимъ раскрытіемъ какой-то единой, предопредѣленной миссіи. Семейная наслѣдственность, географическая среда, личный темпераментъ со всѣми его несомнѣнными недостатками — все это соединилось воедино, чтобы создать изъ Гогэна того культурнаго „дикаря“, какимъ онъ былъ. Онъ никогда не „наивничалъ“ и не „опрощался“, въ чемъ обвиняла его критика, видѣвшая въ немъ кривлявшагося „декадента“, — онъ отъ природы былъ наивенъ и простъ, подобно другому „варвару“ современности, другому проповѣднику первобытнаго Рая, — Уольту Уитману...

I.

Судьбѣ угодно было, что бы въ жилахъ Гогэна струилась двойная кровь и чтобы жизнь его протекала въ скитаніяхъ отъ Стараго къ Новому Свѣту.

Отецъ художника, сотрудникъ извѣстной газеты „National“, былъ родомъ изъ Орлеана; его мать происходила изъ семьи южно-американскихъ испанцевъ, завоевателей Перу. На дядю своей матери, дона Піо Тристана, который экзальтированному воображенію Гогэна рисовался легендарнымъ „вице-королемъ Перу“ — Гогэнъ былъ очень похожъ лицомъ. Бабушка его съ материнской стороны, Флора Тристанъ, рожденная въ Перу, была выдающаяся женщина, послѣдовательница Сенъ-Симона, писательница и агитаторша; она провела очень бурную жизнь частью въ Южной Америкѣ, частью во Франціи, защищая идеи соціализма и женской эмансипаціи. Гогэнъ очень гордился своей бабушкой и ея древней испанской кровью, и возможно, что именно отъ нея унаслѣдовалъ онъ свой страстный темпераментъ, свое презрѣніе къ буржуазному благополучію и тоску по обѣтованной землѣ.

Впрочемъ, это влеченіе къ бродяжничеству этотъ Бодлэровскій gout de l'infini, вѣчно увлекавшій Гогэна подъ новыя небеса, въ неизвѣданныя дали, навѣяны были и самими условіями его дѣтства и отрочества.

Онъ родился въ Парижѣ въ мятежные іюньскіе дни 1848 года и уже трехлѣтнимъ мальчикомъ узналъ Атлантическій и Тихій океаны — coup д'Etat Наполеона III заставилъ его отца эмигрировать изъ Парижа на родину матери, въ Перу. Гогэнъ-отецъ умеръ въ пути, а маленькій Поль остался съ матерью въ Лимѣ, перуанской столицѣ. Здѣсь, въ странѣ древнихъ Инковъ, въ первобытной обстановкѣ бронзоваго вѣка, среди экзотики индѣйскаго искусства, прожилъ Гогэнъ четыре года, слушая страшныя сказки няни-негритянки, иногда прислушиваясь къ гулу вулкановъ. Эти яркія перуанскія воспоминанія, эти образы тропической природы и

индѣйской фантастики, глубоко запали въ душу художника, взлелѣяли его характеръ — ничто вѣдь не впечатлѣетъ такъ, какъ видѣнія раннихъ лѣтъ.

Въ 1855 году мать Гогэна вернулась въ Орлеанъ. До этого момента семилѣтній Гогэнъ говорилъ только по-инспански. Онъ былъ отданъ въ лицей, гдѣ и пробылъ до шестнадцати лѣтъ; этимъ исчерпывался запасъ тѣхъ знаній, которыя взялъ онъ у европейской культуры. Мечтою мальчика была „профессія" моряка. И вотъ она сбылась. Въ 1865 году онъ поступилъ юнгою на коммерческое судно, объѣздилъ берега Южной Америки, видѣлъ Бразилію и знойное Ріо-де-Жанейро. Двадцати лѣтъ онъ опредѣлился въ качествѣ рулевого на военный крейсеръ, который подъ начальствомъ принца Жерома Наполеона плавалъ между Сѣвернымъ моремъ и Гренландіей. Гогэнъ узналъ то, что было такъ непохоже на южныя воспоминанія его юности — суровые берега Скандинавіи, и уже готовился увидѣть Сѣверный мысъ и Шпицбергенъ, но вспыхнувшая война 1870 г. задержала его въ Копенгагенѣ. Однако, сѣверныя красоты не запечатлѣлись въ его памяти.

Въ 1871 году Гогэнъ взялъ отпускъ и больше уже никогда не возвращался во флотъ. Онъ вернулся въ Парижъ; его жажда скитальчества, его любовь къ океану, казалось, была удовлетворена. Началась осѣдлая жизнь. Лишившись матери, Гогэнъ поступилъ на службу въ одну изъ парижскихъ мѣняльныхъ конторъ; человѣкъ, видѣвшій безмѣрность моря, принужденъ былъ стать однимъ изъ маленькихъ винтиковъ сложнаго финансоваго механизма столицы. Затѣмъ все пошло въ обычномъ порядкѣ — матеріальная обезпеченность, женитьба (на уроженкѣ Копенгагена), дѣти, игра на биржѣ, буржуазный бытъ.

Но одно маленькое обстоятельство вторглось и нарушило эту блестящую финансовую карьеру Гогэна — знакомство съ группой художниковъ-импрессіонистовъ и внезапно вспыхнувшая откуда-то изъ вулкана души любовь къ искусству. Отдѣленіе банка, въ которомъ служилъ Гогэнъ, помѣщалось на rue Laffitte, этомъ средоточіи парижскихъ картинныхъ магазиновъ, откуда буйными артері-

ями расходятся по всему свѣту новые художественные вкусы. Здѣсь въ галлереѣ Дюранъ Рюэлля — быть можетъ, случайно — познакомился Гогэнъ съ первыми славными героями импрессіонизма: Писсарро, Манэ, Монэ, Ренуаромъ, Дега и Сезаномъ. Попалъ въ ихъ среду, захлеснулся волною ихъ интересовъ, накупилъ ихъ картинъ и, наконецъ, попробовалъ и самъ рисовать — по вечерамъ и празникамъ, въ свободные отъ счета купоновъ часы. Ему было уже двадцать семь лѣтъ, когда онъ взялъ въ руки кисть, не имѣя никакого опыта, никакихъ готовыхъ рецептовъ, кромѣ яркихъ записей своей зрительной памяти. Ему не пришлось преодолѣвать академическую тину; наивно и смѣло искалъ своего пути среди моря искусства этотъ бывшій пловецъ: онъ зналъ свою путеводную звѣзду — она мерцала на Югѣ...

Чѣмъ дальше, тѣмъ глубже проникала въ Гогэна сладкая отрава искусства. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ снимаетъ уже спеціальную мастерскую, а въ 81 году критикъ Гэйсмансъ уже отмѣчаетъ рядомъ съ Курбэ Гогэновскій этюдъ нагой женщины (на пятой выставкѣ импрессіонистовъ). Наконецъ, Гогэнъ рѣшаетъ перестать быть диллетантовъ и всецѣло отдать свои дни искусству — вѣдь дни даны солнцемъ для живописи! И вотъ онъ бросаетъ доходное мѣсто въ банкѣ, гдѣ пробылъ одиннадцать лѣтъ, однимъ ударомъ разрушаетъ благополучіе жены и дѣтей. Затѣмъ все идетъ въ фатальномъ порядкѣ — нужда, переѣздъ всей семьи изъ Парижа въ дешевую Нормандію и, наконецъ, какъ послѣднее средство, бѣгство въ Копенгагенъ въ надеждѣ на протекцію родныхъ госпожи Гогэнъ. Но эта надежда обманула. Какъ и слѣдовало ожидать, свободный, безудержный темпераментъ Гогэна пришелся не ко двору въ строгой, размѣренной Даніи — онъ не понравился роднѣ. „Я тоже изучилъ Сѣверъ, — съ горечью говорилъ впослѣдствіи Гогэнъ, — но то, что мнѣ понравилось тамъ больше всего, это — какъ разъ не моя теща, а дичь, которую она изумительно умѣла приготовлять“...

Наконецъ въ 1885 году, послѣ двѣнадцатилѣтней общей жизни супруги разъѣхались: она осталась въ Копенгагенѣ съ дѣтьми, а

онъ вернулся въ Парижъ — въ объятія нищеты. Его единственнымъ заработкомъ стала расклейка афишъ по стѣнамъ парижскихъ домовъ, доставлявшая ему три франка въ день. Впослѣдствіи, вспоминая эти дни испытанія, онъ оставилъ въ своемъ манускриптѣ, посвященномъ любимой дочери, Алинѣ, слѣдующія слова: „Я зналъ нищету, голодъ и все, что вытекаетъ изъ нихъ. Но все это — ничего или почти ничто: съ этимъ можно примириться. Но ужасно то, что это мѣшаетъ работать, развивать интеллектуальныя способности. Правда, страданіе обостряетъ талантъ, но когда его слишкомъ много — оно можетъ его убить. Однако, обладая большимъ честолюбіемъ, я кончилъ большой энергіей и захотѣлъ хотѣть". И, дѣйствительно, этотъ большой ребенокъ умѣлъ хотѣть: несмотря на нужду, онъ успѣлъ приготовить къ выставкѣ 1886 года девятнадцать полотенъ...

Итакъ, жребій былъ брошенъ. Снова сталъ онъ одинокимъ пловцомъ — одинъ со своимъ искусствомъ.

II.

И опять ощутилъ онъ въ себѣ зовъ океана, по которому блуждалъ въ теченіе семи лѣтъ безъ думы о завтрашнемъ днѣ. Распродавъ все что могъ, онъ ѣдетъ въ 1887 году на Мартиникъ (Антильскіе острова). И здѣсь, послѣ каменно-сѣраго Парижа, снова охватываетъ его родная, экзотическая обстановка ранняго дѣтства — синяя густота южнаго неба, пламенное великолѣпіе экзотическихъ растеній, многоцвѣтная пестрота людей. Здѣсь, среди кофейныхъ полей, кокосовыхъ, бананныхъ, и тамариновыхъ деревьевъ, окруженный креолами, индѣйцами, китайцами и черными неграми жилъ и работалъ онъ годъ — пока ядовитое дыханіе тропиковъ не заставило его полу-больного вернуться въ Парижъ. И снова настали мѣсяцы голодной жизни, во время которыхъ онъ изучалъ восточное искусство въ музеѣ Guimet и опять потянуло его прочь изъ города. На этотъ разъ онъ ѣдетъ въ Понтъ-Авенъ, живопи-

сный городокъ Бретани, куда любили съѣзжаться молодые французскіе художники. Гогэнъ сталъ душою этой художнической колоніи, которая впослѣдствіи получила названіе Понтъ-Авенской школы, школы Синтеза. Въ деревнѣ Пульду, ближе къ морю, мы застаемъ Гогэна также окруженнымъ молодежью — это былъ лучшій годъ его жизни, годъ дружескаго общенія съ людьми, вѣры въ будущее и продуктивнаго труда. Здѣсь были Эмиль Бернаръ, Рансонъ, Серюзье, Боннаръ и другіе. Среди первобытной и величественной бретонской природы, съ ея памятниками ранне-христіанской скульптуры, и готическими церквами, передъ этой художественной артелью носилась гордая мысль о преемственности съ великими примитивами прошлаго. Гогэнъ былъ какъ бы мэтромъ этой новоявленной корпораціи, мечтавшей покорить Парижъ.

Единственнымъ чернымъ воспоминаніемъ этого года было пребываніе Гогэна вмѣстѣ съ Винцентомъ ванъ-Гогомъ въ Арлѣ (Провансъ), куда онъ поѣхалъ для совмѣстной работы съ послѣднимъ. Казалось бы, сотрудничество этихъ двухъ крупнѣйшихъ талантовъ эпохи должно было дать блестящіе результаты, но на дѣлѣ идея совмѣстнаго творчества, съ которой ванъ-Гогъ носился со всей пылкостью своей натуры, потерпѣла полное крушеніе. Впослѣдствіи Гогэнъ самъ описалъ свою жизнь съ ванъ-Гогомъ и изъ этого описанія, далеко не чуждаго раздраженности, видно, что онъ и ванъ-Гогъ были полярностями духа. „Онъ весь — вулканъ, я тоже кипѣніе, но не во внѣ, а внутри, и борьба между нами была неибѣжна“,—говоритъ Гогэнъ. И, дѣйствительно, ванъ-Гогъ былъ весь—мятежъ и надрывъ; душа Гогэна была дѣтски цѣльна и безтревожна. Мученикъ современности, переболѣвшій своей пламенной душой ея глубочайшія сомнѣнія и порывы, ванъ-Гогъ всю жизнь мечталъ о такомъ сильномъ человѣкѣ, какимъ былъ Гогэнъ,—вотъ почему онъ такъ упрашивалъ его пріѣхать въ Арль и работать вмѣстѣ. Но Гогэнъ не могъ понять „неистоваго и безалабернаго голландца“ (какъ онъ называлъ Ванъ-Гога), ибо онъ былъ выходцемъ далекаго прошлаго, здоровымъ и жизнерадостнымъ варваромъ. Гогэна раздражала въ ванъ-Гогѣ лихорадочность

его творчества, безпорядочность его палитры, сосѣдство Евангелія и Гонкуровъ на его столѣ. Что же касается ванъ-Гога, то „одной изъ причинъ его гнѣва было то, что при моей интеллигентности у меня былъ низкій, не развитой лобъ“, — говоритъ самъ Гогэнъ. Какъ характерна, какъ человѣчна эта причина гнѣва: ванъ-Гогъ хотѣлъ видѣть Гогэна болѣе гармоничнымъ, чѣмъ тотъ былъ въ дѣйствительности...

При обострявшейся душевной болѣзни ванъ-Гога, эта совмѣстная жизнь не могла не закончиться драмой.

Такъ оборвалось сотрудничество Гогэна съ ванъ-Гогомъ; идея художественной артели, созрѣвавшая въ Бретани, также не привела ни къ какимъ результатамъ — не нашлось мецената, который поддержалъ бы эту ассоціацію. Попрежнему нищимъ вернулся Гогэнъ въ 1889 году въ Парижъ; поселился въ дешевой гостиницѣ, работалъ у знакомаго въ мастерской, ходилъ зимой въ деревянныхъ sabots, вырѣзанныхъ имъ въ Бретани... Правда, теперь онъ уже былъ извѣстенъ и вращался среди избраннаго круга поэтовъ и художниковъ, но жизнь его была тяжела. И чрезъ два года онъ рѣшаетъ эмигрировать въ Океанію, на островъ Таити, чтобы тамъ найти убѣжище отъ жестокости европейскаго города, условности европейской культуры. Распродавъ съ аукціона свои работы, заручившись съ помощью Ари Ренана оффиціальной рекомендаціей къ таитянскимъ колоніальнымъ властямъ, онъ покидаетъ Парижъ въ апрѣлѣ 1891 года.

Чрезвычайно характерно то участіе, которое приняло въ этой поѣздкѣ литературное и художественное общество Парижа. Со временъ Шатобріана, Бодлэра, Леконтъ де Лиля, мечта объ экзотикѣ, тоска по новой далекой странѣ не покидала душу французскихъ поэтовъ и живописцевъ: Пьеръ Лоти побывалъ на Таити, поэтъ Рембо отправился въ Африку...

Вотъ почему многіе какъ бы завидовали рѣшимости Гогэна. Въ честь его отъѣзда былъ устроенъ банкетъ, на которомъ присутствовали Каррьеръ, Жанъ Мореасъ, Шарль Морисъ, Стефанъ

Маллармэ [1]) и многіе другіе, а въ театрѣ Vaudeville былъ данъ спектакль въ бенефисъ его и Верлэна, причемъ Гогэновскія полотна украшали собой фойэ.

Октавъ Мирбо напутствовалъ художника статьей въ Echo de Paris. „Я узналъ, — пишетъ онъ, — что Поль Гогэнъ уѣзжаетъ на Таити съ намѣреніемъ прожить тамъ нѣсколько лѣтъ, чтобы переработать заново свои излюбленные образы. Какъ примѣчательно и трогательно это бѣгство человѣка отъ цивилизаціи, это добровольное исканіе забвенія и тишины для того, чтобы лучше услышать тѣ внутренніе голоса, которые заглушаются въ насъ шумомъ нашихъ споровъ и страстей... Куда бы ни поѣхалъ Поль Гогэнъ— онъ можетъ быть увѣреннымъ, что наше поклоненіе послѣдуетъ за нимъ!“

III.

Поѣзда Гогэна въ Полинезію была уже четвертымъ дальнимъ плаваніемъ его, но на этотъ разъ въ его путешествіе былъ нѣкій особенный смыслъ. Въ Перу онъ былъ ребенкомъ, на Мартиникѣ — въ молодости, на Таити онъ поѣхалъ уже въ полномъ сознаніи своихъ цѣлей. Сорокатрехлѣтнимъ мужемъ, зрѣлымъ художникомъ возвращался онъ къ лону Тихаго океана, на берегахъ которого, въ древней столицѣ Перу, провелъ свое дѣтство. Правда, теперь путь его лежалъ не въ Южную Америку, а на маленькіе острова, затерявшіеся между тремя частями земли, но это была почти та же родная ему, экваторіальная цивилизація. Онъ отправился туда, чтобы отыскать первоистоки художественной культуры вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ — истоки своего собственнаго духовнаго развитія. Онъ не былъ утонченнымъ

---

[1]) Въ числѣ прощальныхъ привѣтствій, полученныхъ Гогэномъ, было письмо Маллармэ, „Avez-vous tirè de la vente un espoir de dèpart? J'ai rêvé cet hiver souvent à la sagacite de votre resolution. Votre main; tout ceci, pas pour que vous répondiez, mais me sochiez votre, de près ou de loin. Stèphane Mallarmé“ Какъ характерно это признаніе Маллармэ,—поэта, творившаго въ четырехъ стѣнахъ своей комнаты и никогда не смогшаго „уѣхать“ отъ келейной замкнутости своего индивидуальнаго „я“.

романтикомъ въ родѣ Теофиля Готье, поѣхавшимъ въ Турцію за внѣшними впечатлѣніями, или пресыщеннымъ Пьеромъ Лоти, искавшимъ на Таити эротическихъ диковинъ — Гогэнъ былъ своего рода „естественнымъ человѣкомъ“ Руссо, которому стало тѣсно въ городѣ современности и который стихійно тяготѣлъ къ своей изначальной, духовной родинѣ — первобытной цивилизаціи. Путешествіе Гогэна на Таити—не partie de plaisir и не искусственное опрощеніе, а пріобщеніе.

Достаточно прочесть Гогэновскую „Ноа-Ноа“, эту исторію пребыванія его на Таити и вмѣстѣ съ тѣмъ коментарій къ его творчеству, чтобы увидѣть внутреннее родство его съ той экзотической и первичной средой, въ которую онъ попалъ. „Ноа-Ноа“— не утопическій романъ; это исповѣдь, это—эстетистическое и моральное credo Гогэна. Правда, его описаніе таитянскаго быта часто впадаетъ въ идеализацію à la Руссо, но каждое слово въ немъ — изъ души. Искренно его проклятіе европейской культурѣ съ ея унизительной „заботой о завтрашнемъ днѣ“, съ ея „казармами, кабаками и тюрьмами“; искренно его влеченіе къ „естественной жизни“, къ „безумному счастью“, къ природѣ и солнцу. Можно сколько угодно иронизировать надъ наивностью растительной и тѣлесной философіи Гогэна, но нельзя забывать того, что это — разбѣгъ той же жгучей волны, которая создала Уитмана [1]) и Гамсуновскаго „Пана“, и Бальмонта — и надъ „Ноа-Ноа“ хочется надписать эпиграфъ:

Будемъ, какъ солнце!

Ибо, дѣйствительно, этотъ новый Робинзонъ Крузо могъ бы тоже сказать о себѣ: „я въ этотъ міръ пришелъ, чтобы видѣть солнце и синій кругозоръ“...

Вотъ почему такъ легко дались ему отреченіе отъ Европы и ассимиляція съ жизнью дикарей — иногда даже слишкомъ легко! И однако „опрощеніе“ Гогэна не было „одичаніемъ“. Вообще,

---

[1]) Разумѣется, я не провожу полной параллели между принципіальнымъ демократизмомъ Уитмана и дѣтскимъ міросозерцаніемъ Гогэна, я указываю только на общность настроенія.

слово „дикарь“ едва ли приложимо къ тому племени, среди котораго жилъ Гогэнъ на Таити. Это презрительное слово не выдерживаетъ критики при свѣтѣ современной этнографической науки, которая открыла въ Океаніи цѣлую древнюю цивилизацію, богатую миѳами и художественными памятниками; таковы, напримѣръ, чудесные полинезійскіе идолы Британскаго и Мюнхенскаго музеевъ. Именно въ Полинезіи, куда направился Гогэнъ, ярче всего отложилась и сохранилась эта древняя Океанійская культура и какъ разъ племя Маори, среди котораго онъ жилъ, — самая красивая и сильная раса Полинезіи, цвѣта темной бронзы или обожженной глины — недаромъ островъ Таити называютъ царицей Полинезіи. Всѣ путешественники отмѣчаютъ пластическую красоту стройной и тонконогой маорійки, напоминающей по своему типу нѣчто среднее между негритянкой и испанкой, а новѣйшія художественно-этнографическія изслѣдованія вполнѣ подтверждаютъ высказанную Гогэномъ мысль о полу-божественномъ ореолѣ, которымъ окружена женщина на Таити. Ридъ и Стольпе доказали, что вся геометрическая полинезійская орнаментика (оружіе и утварь) происходитъ отъ схематическаго изображенія женскаго тѣла. Въ эпоху матріархата, задолго до французской колонизаціи (1842 г.), таитянка была богиней — и таковой мечталась она Гогэну, таковой возсоздалъ онъ ее на своихъ полотнахъ.

Художникъ могъ преувеличить чары своей золотокожей „Вахинэ“, своей Техуры — ея обаяніе не обязательно для насъ; его подходъ къ таитянской женщинѣ можетъ показаться намъ слишкомъ упрощеннымъ. Но какъ не похожа она, его маорійская вдохновительница, на кокетливую Рарахю, возлюбленную Пьера Лори, или на креолку Жанну Дюваль, этого злого генія Бодлэра: таитянка Техура была для Гогэна не эротическимъ гашишемъ, а нѣкимъ, крѣпкимъ, бодрящимъ виномъ, радостнымъ солнечнымъ сокомъ. Культъ „Черной Венеры“, чисто-чувственный у Бодлэра („Parfum exotique“, „La chevelure“ и т. д.), обрѣтаетъ у Гогэна нѣкій мистическій характеръ. Четырнадцатилѣтня дѣвочка Техура рисуется ему не только „шедевромъ природы“, но и стихійной

хранительницей какой-то заповѣдной тайны, первородной Евой, „сохранившей всю свою животную красоту какъ въ первый день творенія“. Черезъ нее хочетъ онъ познать душу древней Океаніи, черезъ нее знакомится онъ съ религіей и исторіей Полинезіи...

Въ этомъ смыслѣ любопытна послѣдующая переписка между Гогэномъ и Стриндбергомъ. Отдавая должное художественному таланту перваго, Стриндбергъ все же называетъ его дикаремъ. „Я не могу понять и полюбить вашего искусства, — пишетъ онъ. — Я вижу у васъ деревья, которыхъ нѣтъ ни въ одной ботаникѣ и звѣрей, о которыхъ никогда не подозрѣвалъ Кювье; я вижу у васъ море, текущее изъ вулкана, и небо, гдѣ не можетъ обитать никакой богъ... Вы создали новую землю и новые небеса, но мнѣ не по себѣ среди Вашего мірозданія — оно слишкомъ солнечно для меня, любящаго свѣтотѣнь. И въ вашемъ раю живетъ Ева, которая не можетъ быть моимъ идеаломъ женщины. Вы — дикарь, ненавидящій стѣснительную цивилизацію, своего рода Титанъ, завидующій Творцу и создающій новый міръ, ребенокъ, разрушающій игрушки для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ новыя“.

„Я получилъ ваше письмо,— отвѣчаетъ ему Гогэнъ,— ваше письмо, которое явится предисловіемъ къ моему каталогу. Идея попросить у васъ это предисловіе пришла мнѣ въ голову, когда я видѣлъ васъ въ своей мастерской и когда ваши голубые сѣверные глаза покоились на моихъ картинахъ. Я тогда уже какъ бы предчувствовалъ ваше возмущеніе—столкновеніе между вашей цивилизаціей и моимъ варварствомъ.

„Цивилизаціей, отъ которой Вы страдаете; варварствомъ, отъ котораго я становлюсь моложе.

„Ваша цивилизованная Ева дѣлаетъ васъ и всѣхъ насъ женоненавистниками; древняя же Ева, столь испугавшая васъ въ моей мастерской, сможетъ когда-нибудь вызвать у васъ менѣе горькую улыбку... Она въ правѣ оставаться обнаженной передъ нашими глазами. Ваша же въ этомъ естественномъ состояніи была бы безстыдной, а если она красива — то къ тому же она была бы источникомъ зла и страданій“.

Но благоуханная идиллія Таити должна была кончиться весьма прозаично: оказалось, что въ колоніи, какъ и въ Парижѣ, нельзя существовать безъ денегъ. Пробывъ два года на Таити, Гогэнъ принужденъ былъ вернуться обратно.

Сурово встрѣтилъ его Парижъ — всѣ друзья Гогэна разъѣхались, и онъ остался наединѣ со своею бѣдностью. Выставка сорока шести таитянскихъ полотенъ, открывшаяся въ 1893 году у Дюранъ Рюэлля, не принесла ему ничего, кромѣ насмѣшекъ. Публика не обратила вниманія на красоты Гогэновской живописи, но зато смѣялась надъ его „четверорукими" женщинами... Правда, вскорѣ судьба послала Гогэну крошечное наслѣдство, и онъ смогъ, наконецъ, нанять свою собственную мастерскую; но не долго продолжался этотъ антрактъ его бѣдствій. Деньги ушли на жизнь, на экзотическія bibelos, на фантастическій костюмъ, пугавшій парижскихъ буржуа...

И снова рѣшаетъ Гогэнъ покинуть Европу, и на этотъ разъ— навсегда. „Тамъ, на Таити, я смогу, по крайней мѣрѣ, кончить свои дни безъ заботы о завтрашнемъ днѣ и вѣчной борьбы съ глупцами; тамъ домъ мой будетъ изъ деревянной рѣзьбы. Прощай же, искусство, если оно — не радость", — пишетъ онъ своему другу. И, распродавъ послѣднее, онъ уѣзжаетъ на Таити въ 1895 году.

Если первое таитянское путешествіе его было похоже на феерію, то эта вторая и послѣдняя поѣздка превратилась въ драму, въ которой одно дѣйствіе слѣдовало за другимъ съ необходимостью рока, увлекая его къ необходимому концу. Все новые и новые долги, незаживающая рана въ ногѣ, томительная служба изъ-за куска хлѣба въ управленіи общественныхъ работъ, извѣстіе о смерти дочери Алины — все это съ каждымъ днемъ омрачало его настроеніе. Теперь ему хочется только одного—чтобы о немъ забыли во Франціи, чтобы ему дали спокойно умереть въ неизвѣстности изгнанія. Среди его таитянскихъ писемъ, относящихся къ этому послѣднему періоду его жизни и проникнутыхъ горечью и желаніемъ смерти, есть только два болѣе свѣтлыя — одно, въ

которомъ онъ благодаритъ друга за присылку сѣмянъ его любимыхъ цвѣтовъ (хризантемъ, анемоновъ, ирисовъ), и другое, въ которомъ, сообщая о рожденіи ребенка отъ таитянки, пишетъ: „ребенокъ, быть можетъ, привяжетъ меня къ жизни, ставшей мнѣ въ тягость“...

Однако, несмотря на болѣзнь ноги и наступающую старость, боевой темпераментъ Гогэна не смирился; наоборотъ, именно послѣдніе годы его жизни озарялись наиболѣе яркой вспышкой его воинствующаго духа: въ немъ вскипѣла, быть можетъ, буйная кровь его бабушки, защитницы негровъ.

Онъ затѣваетъ неравную борьбу съ колоніальными сатрапами — борьбу, въ которой было не мало личнаго озлобленія и даже маніи преслѣдованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не мало и своеобразнаго идеализма. Какъ новый Донъ-Кихотъ, подымаетъ онъ мечъ за невозможное и обреченное—за сохраненіе туземной культуры, золотокожаго человѣчества; онъ издаетъ свой собственный сатирическій листокъ „Le Sourire“, полный памфлетовъ и карикатуръ на мѣстную администрацію, который самъ составляетъ, иллюстрируетъ и печатаетъ на гектографѣ.

Все это, вмѣстѣ съ неприрывной нуждой и угрозой чумы, сдѣлало его жизнь на Таити невыносимой, и онъ переселяется на островъ Доминикъ (Маркизскій архип.),—еще ближе къ экватору, къ открытому морю. Здѣсь въ мѣстечкѣ Атуана находитъ онъ то же самое милое сердцу его племя Маори, лишь болѣе свѣтлой — еще болѣе солнцеподобной — окраски. И еще глубже погружается онъ въ низины первобытной жизни.

„Чѣмъ больше я старѣю, тѣмъ дальше ухожу отъ цивилизаціи“, — признается онъ самъ въ одномъ изъ писемъ. Онъ живетъ въ бамбуковой хижинѣ, покрытой листьями пандана, украшенной деревянной рѣзьбой и маорійскими идолами — хижинѣ, надъ входомъ которой надписываетъ: Maison du Jouir. Онъ живетъ одной жизнью съ желтокожими и татуированными туземцами. Но и здѣсь, на Доминикѣ, натыкается онъ на ненавистныхъ ему миссіонеровъ и культуртрегеровъ.

„Благодаря миссіонерамъ исчезло маркизское искусство,— пишетъ онъ въ Парижъ,—ибо эти господа рѣшили, что занятіе скульптурой и декорированіе, это—фетишизмъ, оскорбленіе христіанскаго бога. Когда молодая дѣвушка украшаетъ голову вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, monsigneur начинаетъ сердиться. Скоро маркизецъ будетъ неспособенъ влѣзть на кокосовую пальму или взобраться на гору за дикими каштанами, а его ребенокъ —запертый въ школѣ, лишенный физическихъ упражненій, спрятанный въ платье — станетъ хилымъ, и ноги его не смогутъ пробѣгать крутыя тропинки, пересѣкать каменистые потоки".

И Гогэнъ ведетъ среди туземцевъ пропаганду противъ христіанской школы и правительственныхъ податей, высмѣиваетъ священника и начинаетъ фанатическую войну съ мѣстной жандармеріей, притѣсняющей желтокожихъ, запрещающей туземцамъ пѣть свои гимны. Онъ пишетъ жалобу на одного изъ жандармовъ и въ результатѣ—якобы за оклеветаніе—присуждается къ тремъ мѣсяцамъ тюрьмы и къ штрафу въ размѣрѣ 1000 франковъ.

„Я попалъ въ ужасную западню,—пишетъ Гогэнъ одному другу въ своемъ послѣднемъ письмѣ.—Неужели всю свою жизнь обреченъ я падать, подыматься и снова падать?.. Все это убиваетъ меня!" Больной, съ разбитою ногою, собирался онъ вернуться на Таити, чтобы обжаловать рѣшеніе маркизскаго судьи. Но было уже поздно—онъ уже не могъ двигаться—и 9 мая 1903 года смерть избавила его отъ гнѣва жандармовъ и страданій экземы...

Замѣчательны двѣ подробности его конца, сообщенныя нѣкимъ европейцемъ, сосѣдомъ Гогэна. Узнавъ объ его смерти, многіе туземцы стали причитать вкругъ его хижины: „Ко-кэ (Гогэнъ, по туземному) умеръ—мы пропали". Они намекали на то, что въ лицѣ бѣлаго художника погибъ ихъ послѣдній защитникъ... Между тѣмъ внутри, въ мастерской Гогэна, уже хозяйничали братья-миссіонеры и самъ епископъ маркизскій. И художникъ, всю жизнь поклонявшійся солнцу, какъ богу, художникъ-борецъ за кумиры, былъ похороненъ, не по гражданскому, а по строго-католическому ритуалу! Такъ отомстили ему миссіонеры...

Одинокая, загадочная и страдальческая смерть, плачущіе дикари и торжествующіе фарисеи—какой это многозначительный, фатальный, почти театральный финалъ жизненной драмы Гогэна! Занавѣсъ опустился надъ нею въ тотъ самый моментъ, когда долженъ былъ опуститься.

Правда, Гогэнъ мечталъ послѣ Таити поѣхать въ Испанію, но это было бы уже слишкомъ для одного человѣка. Подобно Оскару Уайльду, онъ долженъ былъ искупить своимъ страданіемъ, своимъ концомъ то право вседерзанія (droit de tout oser, какъ онъ самъ выражался), которое было паѳосомъ его жизни. И онъ самъ сознавалъ это, когда въ одномъ изъ писемъ, жалуясь на ужасъ чертежной работы, взятой имъ въ колоніальномъ управленіи, писалъ: „Что же дѣлать, я хочу испить чашу моего позора до дна“!

Человѣкъ, тянувшійся къ солнцу, къ беззаботному, яркому счастью; человѣкъ, написавшій на жилищѣ своемъ „Домъ Наслажденія“; безразсудный морякъ, говорившій: „я ненавижу полупутье, мнѣ нужно все“,—долженъ былъ принять вѣнецъ мученика. Какъ Русалка у Бальмонта:

„Я видѣла Солнце—сказала она.—
„Что послѣ—не все ли равно!“

IV.

Познакомившись съ жизнью Гогэна, читателю легче будетъ понять его эстетическіе взгляды и его художественные творенія. Ибо—какъ я уже упоминалъ—творчество Гогэна неразрывно связано съ его жизнью и думами. Когда художникъ говорилъ, что живопись для него лишь „наслажденіе“, то этимъ онъ хотѣлъ только сказать, что она должна быть не источникомъ дохода, а свободной игрой души. Какъ и для „дикарей“ Таити, трудъ былъ для него, прежде всего, „наслажденіемъ“,—но этому наслажденію

онъ отдавалъ свои завѣтныя мысли. И опять-таки, не слѣдуетъ заблуждаться относительно идеологическаго элемента въ творчествѣ Гогэна. Его работы—не иллюстраціи къ маорійскимъ легендамъ, а живописныя ихъ толкованія. „Въ живописи, говорилъ Гогэнъ, надо стремиться къ музыкальному внушенію, а не къ литературному описанію". Именно въ этой музыкальной насыщенности идеями и состоитъ глубокая содержательность его творчества *).

Исторія его искусства,—это исторія его скитаній. Надъ всѣмъ, что онъ создалъ, вѣетъ вольный вѣтеръ, рѣетъ любопытство и безстрашіе моряка. „Научиться заново и, научившись, учиться еще и еще; побѣдить всѣ робости—какъ бы смѣшны ни были результаты", говорилъ онъ, и эти слова — его девизъ, девизъ его скитальческой ладьи.

И дѣйствительно онъ учился всю жизнь, но не у профессоровъ академіи, а какъ Робинзонъ — у природы. Перу, Парижъ,

---

*) Для того, чтобы читатель понялъ это соотношеніе между идеологическимъ и чисто живописнымъ элементомъ у Гогэна, приведу его собственный анализъ картины Manao tourapaou (Бдѣніе духа мертвыхъ) „Молодая дѣвушка лежитъ на животѣ, показывая зрителю часть своего испуганнаго лица. Она покоится на постели, покрытой синимъ pareo и желтымъ одѣяломъ. Пурпурно-лиловый фонъ искрится созвѣздіями цвѣтовъ; какая-то странная фигура стоитъ у постели... Я хотѣлъ воплотить здѣсь духъ Канаковъ, ихъ характеръ и традицію. И такъ какъ pareo неразрывно съ жизнью Конаковъ, я воспользовался имъ какъ покрываломъ постели; поверхъ него я положилъ желтое одѣяло, внушающее мысль о свѣтѣ лампы и позволяющее мнѣ избѣгнуть самой лампы... Но что можетъ дѣлать молодая туземная дѣвушка въ этой, немного рискованной, позѣ, вся голая на постели? Готовиться къ любви? Это, конечно, для нея характерно, но это безстыдно, и этого я не хотѣлъ. Спать, послѣ свершенія любви? Нѣтъ, я хотѣлъ показать ея страхъ. Но какой страхъ? Разумѣется не страхъ Сусанны, застигнутой стариками. Этого не существуетъ въ Океаніи. Tûpapaû, духъ мертвыхъ—вотъ вѣчный страхъ Канаковъ. Ночью у нихъ всегда зажженъ свѣтильникъ, и никто не бродитъ по дорогамъ, если нѣтъ луны. Итакъ, tupapaû—вотъ мотивъ моей картины. Но какъ изобразить привидѣніе? Эта молодая туземка не знаетъ ни театровъ, ни романовъ и, когда она думаетъ о смерти—она вспоминаетъ кого-нибудь уже видѣннаго. Итакъ, мое привидѣніе должно быть какой-нибудь старушенкой. Въ то же время декоративное чувство заставляетъ меня усыпать фонъ цвѣтами. Это цвѣты tûpapaû, фосфорическія знаменья бдящаго духа Смерти, въ которыя вѣрятъ Таитяне. Такимъ образомъ музыкальную часть моей картины составляютъ—горизонтальныя, волнистыя линіи, аккорды синяго и оранжеваго, связанные желтымъ, фіолетовымъ и зеленоватыми искрами цвѣтовъ; литературную—соприкосновеніе духа Смерти съ душою живой женщины, ночи и дня. Этотъ анализъ написанъ мною для тѣхъ, кто всегда добивается почему и зачѣмъ. А въ общемъ это—просто этюдъ Океанійской наготы".

29096

Нормандія, Мартиникъ, Бретань, Провансъ и Таити—вотъ „классы“ его ученія, маршрутъ его исканій, вѣхи его развитія.

Правда, въ началѣ своего пути онъ былъ ученикомъ Писарро, этого славнаго патріарха импрессіонизма, который, кстати сказать, былъ и учителемъ Сезанна. Въ своихъ парижскихъ и нормандскихъ пейзажахъ Гогэнъ отдалъ дань той „научной“ живописи, основанной на разложеніи красокъ, противъ догматизма которой онъ впослѣдствіи возсталъ. Но среди чуждой оттѣнковъ полуденной яркости Мартиника онъ понялъ всю условность дробной техники импрессіонистовъ, навѣянной туманностью пригородной природы. На Мартиникѣ ему открылась впервые вся красота густого, неразложеннаго цвѣта—красота природы, какъ цвѣтистаго ковра.

Эта новая упрощенная манера живописи еще болѣе углубилась у него въ Бретани, подъ вліяніемъ величавыхъ массъ первобытнаго бретонскаго пейзажа. Отъ анализа къ синтезу, отъ детальнаго нюанса къ общему цвѣтовому силуэту, отъ мимолетнаго впечатлѣнія къ монументальной гармоніи—такъ можетъ быть формулированъ переворотъ, происшедшій съ Гогэномъ въ Бретани. Въ его картинахъ, написанныхъ въ Понтъ-Авенѣ и Пульду, вполнѣ опредѣлилась уже та широкая и силуэтная манера живописи, которая потомъ утвердилась на Таити. Недаромъ Понтъ-Авенская группа художниковъ называла себя „Школой Синтеза“.

Болѣе того—если палитра его расцвѣла во всю свою пышную красоту лишь въ Полинезіи, то въ смыслѣ духовности эти бретонскія работы занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ его творчествѣ. Если бы Гогэнъ и не ѣздилъ на Таити, то и тогда онъ былъ бы великимъ художникомъ, поэтомъ Бретани. Таковы его „Желтый Христосъ“, „Борьба Іакова съ Ангеломъ“, „Распятье“ и многія другія картины.

Но откуда это христіанское вдохновеніе у „дикаря“ Гогэна? Ключомъ къ пониманію этой загадки служитъ его картина „Желтый Христосъ“, изображающая грубое деревянное распятіе ранней

Готики, передъ которымъ молитвенно застыли такія же первобытныя крестьянки. Именно эта близость бретонскаго христіанства къ бретонскому язычеству, эта наивная глубина народной религіозности и влекла Гогэна къ Евангельскимъ сюжетамъ. Онъ трактовалъ Бретань сквозь призму того архаизма, которымъ вѣетъ отъ ея природы и людей. Упрощая бретонскія деревья до одного арабеска, Гогэнъ вдохновлялся силуэтами знаменитыхъ обломковъ Карнака, памятниками каменнаго вѣка. Въ его Бретани есть отзвукъ Мартиника и предчувствіе Таити.

Въ Полинезіи язычество окончательно возликовало въ его творчествѣ надъ христіанствомъ — и суровая матовая гамма его бретонскихъ пейзажей засверкала здѣсь всѣми цвѣтами солнца, всѣмъ великолѣпіемъ экзотики. Смиренная наивная нота, звучавшая въ его бретонскомъ циклѣ, смѣнилась здѣсь гордыней дерзостнаго субъективизма. Художникъ, оставшійся одинъ на одинъ съ природой, на которую не посягалъ еще ни одинъ изъ его собратьевъ, почувствовалъ себя полновластнымъ ея господиномъ. Какъ Колумбъ водрузилъ онъ знамя своей творческой воли на новой землѣ и заявилъ, что не признаетъ никакихъ законовъ въ искусствѣ, кромѣ закона внутренней гармоніи, никакой истины— кромѣ „истины художественной лжи“.

Природа—прекрасна, но этого мало: онъ, художникъ, имѣетъ право „преувеличить“ ея красоту. Богъ создалъ яркій міръ, но онъ хочетъ затмить самого Бога. „Вѣдь одно кило краски всегда ярче, нежели половина кило—поэтому и на картинѣ (которая является природой въ миніатюрѣ) стволъ дерева долженъ быть болѣе синимъ, чѣмъ въ дѣйствительности“, говорилъ Гогэнъ. И онъ осмѣливается взглянуть на міръ восторженными глазами большого ребенка, ребенка-народа, для котораго міръ не утратилъ еще своей свѣжей новизны, своей пышной самоцвѣтности. И его дѣтски-экзальтированному взору открываются въ природѣ незримыя для другихъ драгоцѣнности цвѣта—изумруды травы, сапфиры и топазы неба, аметисты солнечной тѣни, рубины цвѣтовъ, червонное золото Маорійской кожи. Его таитянскія картины поистинѣ

яркая, жуткая и радостная сказка „няни-негритянки“. Онѣ не искрятся, не сверкаютъ мишурной роскошью натурализма, но горятъ благородными, матовыми стеклами готическаго собора, отливаютъ царственнымъ великолѣпіемъ византійской мозаики.

Но это—не только музыка цвѣта. Гогэнъ идетъ еще дальше. Вѣдь природа—сложна и хаотична въ безконечномъ разнообразіи своемъ, и вотъ онъ, художникъ, имѣетъ право упростить ее, привести къ одному ансамблю, найти синтезъ между ея отдѣльными частями. Отсюда—Гогэновскій символизмъ, его исканіе живописныхъ аналогій, его лаконизмъ въ рисункѣ и въ краскахъ. Его таитянки похожи на экзотическіе цвѣты, его деревья сплетаются какъ женскія руки, а розовый морской песокъ кажется живымъ тѣломъ. Такъ флора, фауна и человѣкъ сливаются у Гогэна въ одну широкую, полнозвучную симфонію—La Maison du jouir...

Но, однако, подъ этимъ кажущимся ирраціонализмомъ и субъективизмомъ Гогэновскаго міровоспріятія таилась нѣкая объективная основа. Онъ былъ большимъ ребенкомъ, но его творчество—не карточный домикъ. Подъ гордыней его самоувѣренности скрывалось великое смиреніе преемственности. „Ахъ, это подозрительное отыскиваніе родства между художниками! Ахъ, эта манія художниковъ оберегать свою оригинальность, какъ женщины — свою красоту. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ—художникъ не рождается изъ ничего. Пусть онъ вноситъ новое звено въ начатую цѣпь—этого уже много“, говорилъ онъ, котораго публика обвиняла въ кривляніи.

Какимъ же „звеномъ“ былъ онъ самъ? „Всякій истинный художникъ—ученикъ своей модели. Таковымъ хотѣлъ быть и я—я держалъ кисть, а Маорійскіе боги направляли мою руку“ (Ноа-Ноа).

И дѣйствительно: въ Бретани, на Мартиникѣ и на Таити его руку направляла муза народнаго творчества, безымянный геній далекой традиціи. Скульптура древнихъ Инковъ и бретонскія распятія, восточные ковры и полинезійскіе идолы—все это отложилось и претворилось въ его творчествѣ. Воплощая въ краскахъ маорійскія легенды, онъ продолжалъ дѣло, начатое древними Полинезійскими

ваятелями, анонимными создателями Идоловъ; въ древнюю вязь онъ вплеталъ лишь новые цвѣты. Онъ творилъ миѳъ и поэтому былъ искрененъ, когда изъ глубины изгнанія просилъ Европу, чтобы она забыла его, какъ отдѣльную единицу.

Онъ жилъ въ странѣ, насыщенной религіозными миѳами, среди народа, у котораго каждый татуированный на тѣлѣ штрихъ полонъ тайнаго слысла и каждый цвѣтъ—лаконичeнъ; онъ жилъ тамъ, гдѣ природа для человѣка поистинѣ—„лѣсъ символовъ". Вотъ почему онъ нисколько не противорѣчилъ себѣ, когда, будучи самъ символистомъ, смѣялся надъ „символизмомъ" французскихъ художниковъ,—символизмомъ произвольныхъ и индивидуальныхъ аналогій. Ибо его собственный условный языкъ былъ эпосомъ цѣлой расы, какъ символизмъ Вагнера—миѳологіей цѣлаго германскаго міра.

Такимъ образомъ, „опрощаясь" отъ наслоеній европейскаго академизма, Гогэнъ въ то же время пріобщался древняго миѳотворчества. Въ этомъ смыслѣ его искусство было призывомъ не къ художническому одичанію, а къ художественной культурѣ, протестомъ противъ мѣщанскаго индивидуализма. Онъ боролся за право „дерзанія", за право субъективнаго преображенія природы,—но, въ дѣйствительности, его искусство учило обузданію художественной индивидуальности во имя коллективной традиціи. Онъ былъ „индивидуалистомъ", но оказался учителемъ цѣлаго поколѣнія французскихъ художниковъ 90-хъ годовъ. Онъ былъ революціонеромъ, и Стриндбергъ смѣялся надъ нимъ, какъ надъ страннымъ оригиналомъ, одержимымъ маніей величія—но, въ дѣйствительности, теченіе, возникшее подъ его вліяніемъ въ Понтъ-Авенѣ, опредѣлило себя, какъ „нео-традиціонизмъ", а урокъ его живописи послужилъ къ повсемѣстному воскрешенію національнаго стиля. Не будь Гогэна, не было бы, быть можетъ, Аксель Галлена—въ Финляндіи, Рериха—въ Россіи...

Онъ умножилъ грани нашей души, онъ перекинулъ мостъ отъ нашей раціоналистической современности къ таинственной сказкѣ прошлаго. Мы полюбили архаическую Грецію и Италіанскихъ прими-

тивовъ, народныя картинки и дѣтскія игрушки. Наше дряхлѣющее европейское искусство онъ оплодотворилъ новыми живительными соками, подобно тому, какъ тѣло больного оживляется новой молодой тканью.

Онъ—залогъ нашей неизсякшей способности „молодѣнія“, радостный симптомъ все еще не утраченнаго „вѣчно-дѣтскаго“ начала нашей старческой души...

ПОЛЬ ГОГЭНЪ.

«НОА-НОА»

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ТАИТИ.

Сквозь Мечту.

Читатель, передъ тобою полотна изъ Таити, еще обвѣтренныя далекими дуновеніями, занесшими ихъ сюда, еще трепещущія пышной и первозданной жизнью. Чистота атмосферы углубляетъ въ нихъ даль, простота линій выявляетъ среди безконечности формы предметовъ, а неизбывный свѣтъ, излучаясь, открываетъ тайну невѣдомой Расы. Въ рамкѣ вѣчно-праздничной природы, среди окружающаго животнаго и растительнаго великолѣпія, гдѣ лишь чудо тѣни можетъ спорить съ чудомъ солнечнаго блеска—эта раса возникаетъ передъ тобой съ гордымъ трепетомъ своего былого величія, съ роковыми признаками своей теперешней агоніи. Взгляни на примѣръ. Вотъ обнаженныя женскія формы пламенно-темной окраски съ переливами бронзы и золота. Солнце сожгло ихъ, но также и проникло въ нихъ. Оно живетъ въ тѣлахъ, оно лучится изъ нихъ, и эти женщины Тьмы таятъ въ себѣ сильнѣйшій источникъ свѣтозарнаго жара. Въ этомъ сіяніи кажется прозрачной, прежде

всего, самая душа этихъ существъ, проворныхъ, сильныхъ и страстныхъ, какъ большіе въ смѣлыхъ сплетеніяхъ цвѣты вокругъ нихъ,—этихъ существъ беззаботныхъ и шумливыхъ, ласковыхъ и легкомысленныхъ, упрямыхъ и измѣнчивыхъ, веселыхъ утромъ и днемъ, опечаленныхъ и трепетныхъ въ концѣ вечера и ночью: вѣдь свѣтъ чаруетъ, пока онъ горитъ. Солнце выявляетъ всѣ тайны, кромѣ своихъ,—такъ и женщины Маори, эти живые и темные свѣточи, подъ личиной внѣшней доступности, хранятъ въ своихъ душахъ нѣкія тайны. Объ этомъ предупреждаетъ диссонансъ между архитектурной величавостью ихъ красоты и дѣтской граціей ихъ движеній и позъ.

И, дѣйствительно, женщина Маори рано забываетъ ужасы ночи для того, чтобы отдаться сладострастію жизни среди сверкающей свѣжести утра, чтобы беззаботно блуждать и свободно рѣзвиться подъ ласками воздуха, зелени и купаній. Ея жизнь пробуждается утромъ вмѣстѣ съ утреннимъ ликованіемъ земли и солнца. Удовольствіе—великое дѣло, и самая любовь для нея не болѣе, какъ удовольствіе. Она танцуетъ, вѣнчаетъ себя цвѣтами, поетъ, смѣется, играетъ, потомъ снова любитъ въ тѣни деревьевъ и снова смѣется... А рядомъ,—бѣлое побережье, которое она предпочитаетъ кустарникамъ лѣса,—море, красивое своими коралловыми рифами, живое своимъ неумолчнымъ голосомъ, глухо вторящимъ туземнымъ пѣвцамъ,—море, цѣлующее своими вѣтерками ожоги солнца и любви.

Любовь—удовольствіе, и даже трудъ—лишь поводъ для того, чтобы совершить прогулку въ море или въ горы, лишь тщеславная радость проявленія своей силы или сладость дружеской услуги. Трудъ—удовольствіе мужчинъ, раздѣленное съ женщинами и впередъ оплаченное природой. Мудрость также игра,—игра стариковъ во время вечернихъ посидѣлокъ, когда передаются фантастическіе разсказы, когда даже страхи забавляютъ (до тѣхъ поръ, пока солнце не покинуло еще горизонта и собесѣдниковъ много), какъ бы слегка приправляя остротою религіознаго трепета завершенную прелесть дня. Впрочемъ, еще во время полуденнаго отдыха

черныя крылья злыхъ духовъ Тупапау скользятъ по лицамъ спящихъ женщинъ...

Возлѣ хижины, сдѣланной изъ дерева бурао, на нѣкоторомъ разстояніи отъ побережья, горящаго пожаромъ тропическаго утра, начинается лѣсъ, и прохладная тѣнь стелется отъ переднихъ манговыхъ деревьевъ. Тамъ, группами или въ одиночку, занятые какимъ-то дѣломъ или сидя и лежа и уже отдыхая, собрались „тонэ“ и „вахинэ“—мужчины и женщины. Они поютъ, болтаютъ и смѣются.

А дальше—море, оживленное безумно быстрыми пирогами, которыми управляютъ юноши при помощи веселъ или простымъ перемѣщеніемъ своего тѣла. Ихъ синіе и бѣлые пояса—„парэо“, мѣдныя груди и красно-огненный цвѣтъ лодокъ, въ сочетаніи съ лазурью неба и съ зелено-оранжевой краской волнъ, создаютъ широкую и радостную гармонію, съ которой ритмически сочетаются и бѣлый блескъ зубовъ, при частыхъ всплескахъ смѣха, и бѣлая пѣнная бахрома морскихъ волнъ.

На берегу, несмотря на жару, остались послѣ купанья двѣ сестры въ граціозныхъ позахъ отдыхающихъ животныхъ; онѣ говорятъ о вчерашней любви и о завтрашнихъ побѣдахъ. Воспоминаніе рождаетъ въ нихъ ссору:

— Какъ? Ты развѣ ревнива?

Въ глубинѣ залива молодой туземецъ, изумительный по силѣ, равновѣсію и изяществу формъ своего тѣла, ударами топора обтесываетъ стволъ дерева. Въ лодкѣ его жена, размѣщающая принадлежности для недалекой поѣздки. Обнаженная до бедеръ, она стоитъ на колѣняхъ, горизонтально вытянувъ спину и руки, но, несмотря на эту животную позу и свисающія тяжелыя и твердыя груди, въ ней какое-то странное изящество.

Тамъ, дальше, по направленію вглубь страны, въ открытомъ маорійскомъ домѣ сидитъ на корточкахъ передъ дверью женщина, опершись локтемъ на колѣно и гнѣвно надувъ губы; она одинока уже въ теченіе пяти минутъ или еще на пять минутъ, и она

сердится, но никто, да и она сама не знаетъ, зачѣмъ сердится она,—быть можетъ, для удовольствія...

Прошелъ часъ полуденнаго отдыха, долгій часъ угрюмаго зноя, часъ смерти, когда побѣжденная жизнь покидаетъ зачарованный островъ.

Быстро спускаются сумерки, и со всѣхъ сторонъ въ полумракѣ, осеребренномъ луной, растетъ оживленіе, какъ въ огромномъ птичникѣ.

Начинаются пѣсни и танцы.

Мужчины усаживаются на корточки у подножія деревьевъ, женщины остаются на свободномъ пространствѣ и въ тактъ мужскому пѣнію поводятъ своими крѣпкими ногами, сильными плечами, бедрами и грудями, и, играя, гонятся за ними послѣдніе свѣты дня и первые отблески луны. Пѣніе мужчинъ—оркестръ этого балета—монотонно, сурово и почти печально. Къ женскимъ тѣлодвиженіямъ и мимикѣ, зовущимъ къ любви, примѣшивается трепетъ страха, который приходитъ вмѣстѣ съ ночью. Вмѣстѣ со зловѣщей ночью, когда бодрствуетъ и бродитъ демонъ мертвыхъ, и вотъ-вотъ предстанетъ съ блѣдными губами и фосфорическими глазами у ложа, гдѣ не спится спокойно этимъ рано созрѣвшимъ дѣвочкамъ. Ибо мертвые любовники и мертвые боги возвращаются вновь...

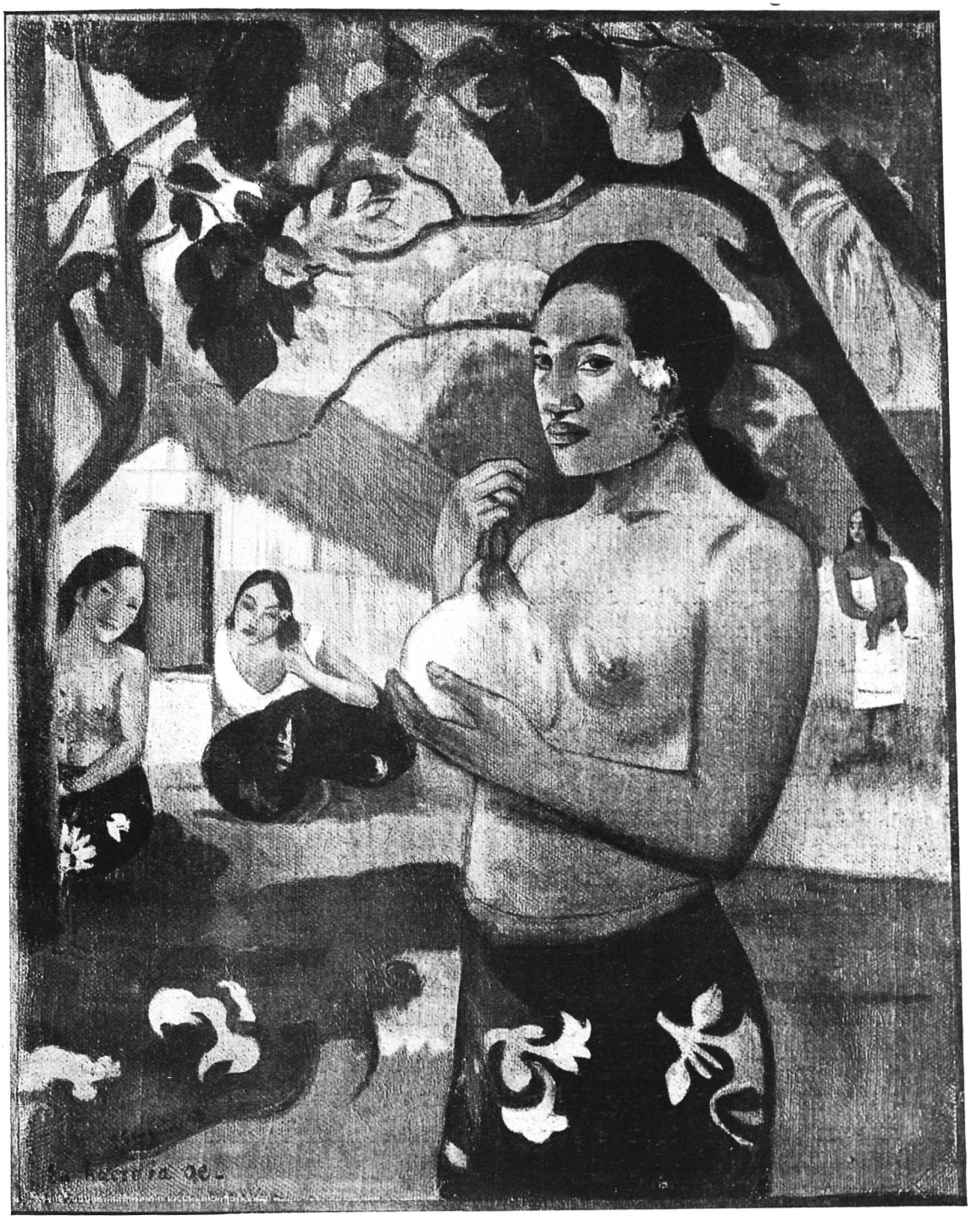
*

„Ноа-Ноа“: Благоуханная Земля!

Безмолвное величіе лѣса встрѣчаетъ путника по дорогѣ къ Арораи, горѣ, касающейся неба.

Здѣсь полное отсутствіе животной жизни, здѣсь никто не летаетъ и не поетъ. Но какая гармонія въ запахахъ, опьяняющихъ художника-путника! Сколько красиваго шума въ многоцвѣтномъ сверканіи листьевъ, плодовъ и цвѣтовъ!

И его глаза, еще зачарованные роскошью человѣческихъ тѣлъ, ищутъ среди этой ликующей природы Женщину, которая была бы душой этого лѣса. Ему чудится золотистая Ева съ гибкими и сильными членами, съ ногами, блестящими, крѣпкими



П. Гогэнъ. Таитянка съ плодомъ.

и круглыми, какъ ліаны, съ волосами, густыми, какъ мохъ, съ губами, цвѣтущими сокомъ шиповника, съ двумя зрѣлыми плодами на груди,—золотокожая Ева, царица-дитя и богиня - дикарка, подъ пышнымъ балдахиномъ зелени, на коврѣ изъ листьевъ и травъ.

И, въ экстазѣ отъ этого видѣнія, медленными шагами пересѣкаетъ онъ рѣдкія лужайки, глубокіе овраги и ручейки; радостный отъ усилія взбирается онъ по крутымъ тропинкамъ, держась за выступы скалъ и вѣтви деревьевъ, пока затаенный шорохъ не привлечетъ его вниманіе къ глубокой расщелинѣ. Здѣсь, за низкой группой деревьевъ свѣтится бѣлая лента источника „Папемоэ",—Чудеснаго Источника, нѣжно журчащаго у холоднаго грота. И вдругъ его видѣніе становится реальностью! На еле замѣтныхъ ступеняхъ, высѣченныхъ временемъ въ слоистой горной стѣнѣ, одѣтой въ пурпуръ лѣса, сидитъ, склонившись, юное существо—прекрасное, нагое существо, которое пригоршнями черпаетъ воду изъ Чудеснаго Источника, столь же дикаго, какъ оно само. И внутренній трепетъ объемлетъ душу художника передъ этимъ явленіемъ, раскрывающимъ ему тайную жизнь, живую тайну Острова, Лѣса и Горы.

Но молодая дѣвушка, братски предупрежденная окрестной природой о присутствіи посторонняго свидѣтеля, оборачивается, замѣчаетъ его и, легко вспорхнувъ, исчезаетъ за завѣсой зелени, открывающейся передъ бѣглянкой и снова замыкающейся молча и непроницаемо.

А Чудесный Источникъ продолжаетъ свою жалобную пѣсню, чистую, какъ женскій голосъ. Среди живыхъ ароматовъ, насыщающихъ воздухъ, все сильнѣе и сильнѣе пробивается и властвуетъ пьянящее благоуханіе самого Блаженнаго Острова, которое туземцы назвали „Ноа-Ноа".

*

„Матамуа"!

Было время, было нѣкогда время національной славы и власти, соціальной силы и богатства, было въ древней ночи время боговъ и героевъ.

„Матамуа“!

Тогда первобытная раса господствовала надъ Островами и Водами, поклонялась вездѣсущимъ великимъ богамъ Атуа,— ихъ отцу Таороа, царю земли Тэфату и богинѣ Луны Хинѣ. Тогда кровавые жрецы брали у щедрой жизни дань, необходимую для Жертвоприношенія. Тогда женщины были въ почетѣ, и многія изъ нихъ были избраны для лобзанія божества, и безчисленныя преданія свидѣтельствуютъ о томъ, что родоначальницы расы выслужили ей небесное происхожденіе цѣною своей собственной жизни и ритуальныхъ убійствъ, которыя съ бѣгомъ временъ не должны были прекращаться, чтобы не прекратилась и самая Раса.

Но протекли вѣка, и однажды появился бѣлый человѣкъ, врагъ Боговъ. Онъ запретилъ кровавыя жертвы, и скоро стало замѣтно, какъ вырождается и чахнетъ сильная раса. И скоро ея больше не станетъ.

Ея послѣднимъ представителямъ христіанскіе миссіонеры стараются создать христіанскую душу и тѣло; торговцы обучаютъ ихъ торговлѣ, каторжному и доходному труду; чиновники декламируютъ имъ кодексъ Наполеона; а знатоки изящныхъ манеръ учатъ ихъ носить крахмальные воротнички, перчатки, корсеты и платья.

Маори слушаютъ, покорные новымъ хозяевамъ, и дѣлаютъ видъ, что подчиняются имъ. Но въ этихъ покорныхъ глазахъ продолжаетъ жить непобѣжденная мечта о Матамуа, и каждый день, словно влекомые тоской по родинѣ, уходятъ Маори туда, гдѣ находятся ихъ предки, къ черной десницѣ отверженныхъ боговъ, которые нѣкогда довольствовались нѣсколькими каплями крови, а теперь потребуютъ всего.

Ибо вся раса должна погибнуть за то, что преступила завѣтъ Матерей.

Нѣтъ, миссіонеры не покорили Христу душу Маори—они внесли въ нее лишь разслабленность и смятеніе. У женщинъ же вліяніе миссіонеровъ,—которому онѣ подвержены сильнѣе, чѣмъ мужчины,—вызвало странное явленіе: оно повысило въ нихъ, на перекоръ доброму и грубому царю Земли, поклоненіе женскому

божеству Хинѣ,—Богинѣ Луны, богинѣ лжи и сентиментальности. Это Хинѣ воздаютъ онѣ охотнѣе всего былыя почести на празднествахъ при лунномъ свѣтѣ, сопровождаемыхъ поцѣлуями, пѣснями, танцами и повтореніемъ слѣдующей легенды:

„Хина говорила Тэфату:

— Воскреси человѣка, когда онъ умретъ.

И Богъ земли отвѣчалъ богинѣ луны:

— Нѣтъ, я не стану его воскрешать. Человѣкъ умретъ; умрутъ растенія вмѣстѣ съ тѣми, кто ими питается; умретъ и кончится вся земля, кончится, чтобы не возрождаться больше.

Хина отвѣтствовала:

— Дѣлай, какъ хочешь. А я воскрешу луну.

И то, чѣмъ владѣла Хина, продолжало жить. А то, чѣмъ владѣлъ Тэфату, погибло, и человѣкъ долженъ былъ умереть“.

Эта наклонность къ состраданію не была лишней, пока она уравновѣшивалась священнымъ обычаемъ кровавыхъ жертвоприношеній, когда мужчины умѣли наслаждаться экстазомъ геройства. И сами женщины чувствуютъ, что въ этой богинѣ луны таится какой-то роковой обманъ. Но ничего больше не остается у нихъ отъ Матомуа, и онѣ довольствуются этимъ пережиткомъ.

Но ихъ красота и душа остались все тѣ же...

Вѣчная молодость жизни цвѣтетъ въ женщинѣ Маори ярче, чѣмъ во всякой другой. Въ ея мысляхъ, въ ея чувствованіяхъ, въ ея словахъ—измѣнчивое порханіе вѣтерка; въ ея взорѣ—встревоженная водная глубь; въ ея чувствахъ—пыланіе солнца. Ея крѣпкія ноги держатся на землѣ такъ же устойчиво, какъ древесные корни. И все это образуетъ какое-то особое существо съ наивными и острыми глазами, полу-ребяческое, полу-величественное, похожее на скульптуру въ рѣдкія минуты своей неподвижности, обладающее тѣмъ неизъяснимымъ и неуловимымъ очарованіемъ, которое путешественники единогласно называютъ (не умѣя опредѣлить точнѣе) Маорійскимъ очарованіемъ...

И вотъ я вижу передъ этимъ существомъ художника. Онъ созерцаетъ это дитя, загадочное, несмотря на то, что его душа столь

же обнажена, какъ и тѣло. Я вижу его, упорствующаго въ страстной охотѣ за тайной и желающаго заставить заговорить само молчаніе. Онъ чувствуетъ, что надъ этой молодой жизнью тяготѣетъ тѣнь древнихъ временъ. На этомъ лицѣ, гдѣ горячность крови едва позволяетъ отпечататься личнымъ воспоминаніямъ, онъ ищетъ слѣдовъ того непроницаемаго прошлаго, которое, благодаря плодородію почвы, не могло быть закрѣплено на землѣ въ прочныхъ памятникахъ предками Маори. Ибо растенія постепенно и настойчиво отняли здѣсь у камня, царство котораго во мракѣ земли, принадлежащую ему земную поверхность. Слѣдуетъ добавить, что „колонизація" западныхъ цивилизаторовъ докончила эту работу растеній.

Женщина Маори позволяетъ овладѣть собой, но она не отдается вполнѣ. Всегда умолкаетъ она на рубежѣ послѣдняго слова, на рубежѣ единственнаго слова, которое договорило бы все. И ея ускользающая улыбка возникаетъ вмѣстѣ съ молчаніемъ, оберегая сокровенную истину отъ человѣческаго приближенія. И никогда не будетъ увѣреннымъ ея обладатель. Но и никогда не будетъ онъ утоленъ: вотъ, вмѣстѣ съ улыбкой обновилось все ея существо и радостно призываетъ оно къ новому изученію и никогда не ослабѣетъ къ нему жгучій интересъ.

Мало-по-малу передъ взоромъ художника вырисовывается физическій и какъ бы растительный типъ послѣдней Евы, мощный расцвѣтъ молодого деревца на истощенной почвѣ вырожденія многихъ поколѣній. На ней священная печать той древней сказочной старины, о которой тоскуютъ ея инстинкты, радости и страхи, которой насыщена ея печаль и гордость. Ея святыня—въ быломъ, и ничто не родится отъ нея, кумира и жрицы умершей религіи.

*

„Парахи-тэ-Мараэ" — тамъ резиденція храма, говорятъ Маори. Ибо храмъ, это открытое мѣсто и вершина горы, которой касаются ноги боговъ, — живое существо. Онъ одинокъ, ибо отъ близости его, въ любви, или въ ужасѣ умираетъ природа, а верхушки вы-

сокихъ деревьевъ безсильно склоняются у порога окружающаго его безплоднаго пространства.

Здѣсь мѣсто величія и ужаса, нагота кладбища. Здѣсь лилась человѣческая кровь; объ этомъ говорятъ черепа на оградѣ, окружающей храмъ.

Видимая съ этой вершины жизнь, протекающая тамъ внизу, въ садахъ побережья, кажется понятной лишь въ вечерніе часы, когда затихаютъ, предчувствуя страхи, хохотуньи полудня.

Не отъ храма ли спускаются, вмѣстѣ съ ночью, Тупапау, эти злотворные духи, чтобы нашептывать страшныя слова на ухо молодой дѣвушки, и уходятъ обратно, когда та пробуждается въ трепетѣ?

Наслѣдственный ли ужасъ священныхъ преступленій или гибель боговъ наложили столько горькой печали на то мѣсто, гдѣ былъ ихъ храмъ?—Кто знаетъ? Но тамъ царитъ смерть и оттуда вѣетъ она по острову.

Раскаяніе въ убійствахъ или грусть о богахъ, грусть о богахъ или боязнь послѣдовать за ними въ черную могилу, куда загнало ихъ забвеніе; вчерашняя ли опасность или завтрашній страхъ—отдаютъ во власть духамъ зла сладостныя ночи Счастливаго Острова?

Не на вершинѣ ли горы, гдѣ пребываетъ храмъ, возразилъ Тэфату на лукавые совѣты Хины:

— Человѣкъ умретъ!

*

Двѣ молодыя таитянки съ красивыми, серьезно-наивными лицами созерцаютъ третью: она немного больше человѣческаго роста и держитъ на плечѣ ребенка, прислонившагося нѣжнымъ движеніемъ своей головки къ головѣ матери. Вокругъ обѣихъ головъ какое-то божественное сіяніе. Позади зрительницъ, скрестившихъ руки, чудится среди цвѣтовъ ангелъ, пышный и спокойный, самъ—царственный цвѣтокъ.

„Ja orana, Maria,“ говорятъ онѣ: „Привѣтъ тебѣ, Марія!“

И вся природа становится похожей на нѣжную и торжественную молитву.—Она отражаетъ собой улыбку Дѣвы, въ которой расцвѣтаютъ вмѣстѣ наслажденіе и благочестіе, мятежность и величіе, Женщина и Богиня, нѣкогда слитыя вмѣстѣ въ сознаніи этихъ простыхъ душъ и обожаемыя ими въ образѣ единой, нѣжной Хины.

— Ia orana, Hina!

*

Такъ, благодаря хитрому зигзагу, который ведетъ черезъ первое удивленіе къ постиженію и допускаетъ легкое и понятное пристрастіе, ты видишь, что тема моего труда трактуетъ о возможности быть счастливымъ безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, а его манера—своего рода литургія, въ которой ритмы радости чередуются съ трепетомъ ужаса.

Читатель, это и есть основная точка зрѣнія данной книги; объ этомъ надо было сказать. Сюжетъ моей книги тотъ же, что и сюжетъ моихъ картинъ; онъ задуманъ сначала, какъ живопись, а затѣмъ изложенъ литературно.

Героемъ человѣческихъ переживаній и здѣсь остается художникъ.

— Но не лжетъ ли онъ намъ? И почему вѣрить ему? Кто дастъ намъ увѣренность въ томъ, что дѣйствительно существуетъ этотъ далекій островъ, на которомъ мы ни разу не бывали, эта восхитительная и обреченная земля? Другой при той же обстановкѣ унесъ бы оттуда, безъ сомнѣнія, другія слова. На основаніи какого ложнаго свободомыслія вмѣсто того, чтобы слушать реальные голоса, искалъ онъ тамъ эхо пустыхъ аналогій? — Другой загасилъ бы на первомъ планѣ тропическій пожаръ, чтобы сберечь его пламя для освѣщенія глубины сцены, и заставилъ бы на свѣтломъ фонѣ передвигаться, подобно фантомамъ, это первобытное человѣчество или поставилъ бы его неподвижно, въ мертвомъ величіи грандіозной статуи: ибо, дѣйствительно, мертва или скоро, по вашимъ словамъ, будетъ

мертвой эта великая раса, истощенная древностью своей крови, нѣгой слишкомъ мягкаго климата и отравленная въ источникѣ своей жизни латинскимъ ядомъ... Третій, вѣрный западному типу красоты, скрылъ бы отъ насъ опасныя чары золотокожей Венеры, такой могучей (или такой неуклюжей?), которая нарушаетъ наши привычныя представленія, плѣненныя изящной слабостью, болѣзненной элегантностью и утонченнымъ благородствомъ... Четвертый, жаждущій только истины...

— И всѣ они одинаково, но каждый по-своему, обманули бы твое желаніе, если ты стремишься свести ихъ роль къ служенію этой истинѣ, которая не существуетъ сама по себѣ, но которая пребываетъ только въ нашихъ душахъ и мѣняется вмѣстѣ съ ними.

— Пусть такъ, я согласенъ, что нѣтъ двухъ людей, которые когда-либо видѣли одинаково одну и ту же вещь. Правда и то, что не существуетъ границы для интерпретаціи въ искусствѣ. Но здѣсь, я это чувствую, она перейдена. Здѣсь больше выдумки, чѣмъ подражанія, больше деспотическаго произвола, чѣмъ вѣрности изображенія, и съ этого момента я имѣю право оспаривать законность твоего каприза, собравшаго фантасмагоріи сновъ подъ этикеткой Таити.

— Нѣтъ!

Художественная интерпретація не имѣетъ другихъ границъ, кромѣ законовъ гармоніи.

Если, глядя на предметъ, увлекшій его, художникъ создаетъ твореніе, гармоничное въ каждой изъ своихъ частей и въ его цѣломъ, то это твореніе будетъ очень вѣрнымъ и очень правдивымъ изображеніемъ даннаго предмета даннымъ художникомъ, какъ бы велика не была съ твоей точки зрѣнія разница между моделью и копіей. Уклоненіе искусства отъ модели можетъ быть болѣе или менѣе замѣтнымъ, но оно происходитъ всегда. Ибо нѣтъ искусства, если нѣтъ преображенія. Даже тотъ, кто думаетъ, что онъ копируетъ, даже онъ, если онъ дѣйствительно художникъ, преображаетъ модель по-своему, потому что предметы,

„скопированные“ имъ, являются намъ окрашенными его личнымъ міро-воспріятіемъ. И ты согласишься, что всякій другой художникъ, равный ему и по таланту, и по той же педантичной точности, изобразилъ бы эти предметы окрашенными иначе. Случается, что наиболѣе вѣрной интерпретаціей природы является интерпретація наиболѣе отдаленная отъ нея. Не полагайся же на свои глаза, прохожій, и подумай о томъ, что художникъ потратилъ большія усилія, стараясь проникнуть въ сокровенную тайну вещей.

Люди всегда брали у природы только то, чѣмъ можно было наполнить кухни и гербаріи, звѣринцы и музеи естественной исторіи. Предметы, похищенные такимъ путемъ у природы,— эти единственно объективныя реальности, попавъ къ намъ въ руки, портятся, быстро мѣняютъ свой обликъ и дѣлаютъ намъ мало чести. Какой Діогенъ сказалъ бы по поводу львовъ, украденныхъ нами у пустыни, что мы ихъ слуги, а не господа? Однако, смерть не замедлитъ отнять ихъ у насъ. Но она не отниметъ ихъ у живописца, и онъ—ихъ единственный владыка.

Природа даетъ намъ только символы. Только этимъ обходнымъ путемъ обладаемъ мы ею и только изъ этихъ фикцій создана наша реальность. Но источникъ этихъ фикцій неистощимъ и непостижимъ: мы всѣ можемъ пріобщаться его богатству; для всѣхъ по разному, но для каждаго во всей своей полнотѣ, всегда многозначительна природа.

И вотъ, Искусство, являющееся частью природы, раздѣляетъ ея божественную особенность. Подобно ей, оно сверкаетъ солнечнымъ свѣтомъ и расцвѣтаетъ многообразіемъ въ зависимости отъ различія творческихъ умовъ. Музыкантъ можетъ окрылить художника, какъ шелестъ листьевъ вдохновляетъ музыканта.

Высшая реализація искусства для меня—сама природа, осознавшая самое себя.

И вотъ съ Таити художникъ привозитъ съ собой не листья тамариса, на которыхъ вырѣзаны красивыя слова, и не горсточку

П. Гогэнъ. Таитійскій пейзажъ.

песку, и не живую женщину, и не солнце. Онъ привозитъ съ собой ту грезу, которую пережилъ тамъ своими глазами, своимъ умомъ и сердцемъ,—Таити, пересозданное его умомъ и чувствомъ, Таити какимъ въ теченіе двухъ лѣтъ блаженнаго труда художнику удалось его понять и воплотить въ гармоническомъ искусствѣ, богатомъ созвучіями, аналогіями и соотвѣтствіями.

Этотъ пейзажъ гарантируетъ тебѣ убѣдительность этого человѣческаго типа, а эта скала убѣждаетъ тебя, что за нею дѣйствительно море. „Вымыселъ", котораго ты такъ опасаешься, есть душа этого творенія, дыханіе его жизни, та текучая теплота, которой не достаетъ срѣзаннымъ листьямъ. Этотъ вымыселъ, всегда предшествующій подражанію природѣ, великой выдумщицѣ, ею навѣянъ въ душу художника. Вотъ передъ тобой вода, которая никогда не изсякнетъ, вотъ листья, которые будутъ вѣчно зелены. Вотъ Таити, очаровательное и обреченное, вотъ Таити подлинное, другими словами—подлинно воображенное.

— И еще одно сомнѣніе, которое я предчувствую въ тебѣ. Послѣ права преображенія,—говоришь ты,—слѣдуетъ еще доказать законность права пристрастія: вѣдь въ этомъ столкновеніи двухъ, если можно такъ выразиться, „обществъ", нашего и таитянскаго, художникъ отдаетъ свое восторженное предпочтеніе второму?—Но, подумай, развѣ способенъ художникъ на откровеніе безъ полнаго и интимнаго сліянія съ объектомъ своего творчества! Да и сможетъ ли художникъ подойти къ этому объекту безъ извѣстнаго подъема любви, безъ нѣкоего радостнаго предчувствія, хотя бы—симпатіи и удивленія къ очаровательной красотѣ внѣшней декораціи, которую ты самъ цѣнишь? Но развѣ оттого, что на этой дивной сценѣ лица актеровъ будутъ менѣе бѣлы, чѣмъ твое, ты рѣшишь, что самая драма банальна и плоха? Подумай объ этомъ! Примирись съ тѣмъ, что другой имѣетъ на искусство иные взгляды, основанные на изученіи и размышленіи. Вотъ этотъ другой, усталый отъ западнаго декаданса, былъ плѣненъ пышнымъ ростомъ людей растеній тамъ, вдалекѣ. Онъ воздалъ свое удивленіе былой роскоши этой страны, свое состраданіе—ея современной агоніи.

Но, скажешь ты, развѣ можетъ быть переданъ этотъ рай чѣмъ-нибудь, кромѣ окрашенныхъ линій? Лишь живописецъ можетъ подойти къ этимъ существамъ, чья загадочная душа притаилась въ глубинѣ глазъ. А ихъ улыбка, не знающая лжи, ибо они знаютъ, что даже изреченная ихъ тайна останется тайной? Такъ, таитянскій лѣсъ не старается оградить себя змѣями и хищными звѣрями, и его великолѣпіе влечетъ къ себѣ путника,—но это чудесное великолѣпіе само защищаетъ себя богатствомъ красокъ и формъ, за ослѣпляющей яркостью которыхъ прячется тайна лѣсныхъ нѣдръ...

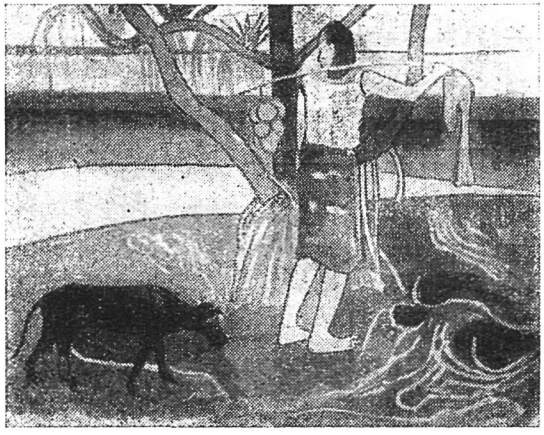
Погоди, прерываетъ тебя художникъ, я помогу тебѣ разгадать эту тайну. Я постараюсь, чтобы картины разсказали тебѣ исторію свою и мою, и тѣхъ мѣстъ такъ, чтобы устному разсказу осталось лишь приподнять надъ ними завѣсу вѣчности, разъединяющую между собою эти отдѣльные эпизоды, и повести тебя путями воспоминаній,—къ цѣлой поэмѣ, къ полной мечтѣ.

Такъ слушай же.

Но не забывай, что всякій искренній художникъ—ученикъ своей модели. Таковымъ хотѣлъ быть и я—я держалъ кисть, а маорійскіе боги направляли мою руку.

Но будь остороженъ: доступъ не легокъ! Густа тѣнь, падающая съ великаго дерева, и страшна пещера, которую она маскируетъ. Очень ловка и проворна, очень горда и мудра золотокожая Ева, и я не выдумалъ то сочетаніе ужаса и радости, которое составляетъ маорійское очарованіе. Ибо едва ли возможна радость тамъ, гдѣ нѣтъ скорби о прошломъ, гдѣ нѣтъ страха за будущее.

— Итакъ, разскажите же, что̀ вы видали?..



ГЛАВА II.

Разсказчикъ говоритъ.

„Dites qu'avez—vous vu?"
Charles Baudelaire.

Ночью, 8 іюня, послѣ шестидесяти-трехъ дневнаго плаванія, шестидесяти-трехъ дневнаго лихорадочнаго ожиданія, мы замѣтили причудливые огни, зигзагами маячившіе надъ моремъ. На темномъ небѣ вырисовывался черный зубчатый конусъ.

Мы обогнули Морэу и увидѣли Таити.

Нѣсколько часовъ спустя, съ наступленіемъ разсвѣта, медленно подвигаясь къ кормовымъ рифамъ, мы вошли въ проливъ и безъ приключеній стали на якорь.

Въ этой части острова на первый взглядъ нѣтъ ничего замѣчательнаго—ничего, что могло бы сравниться, напримѣръ, съ великолѣпной бухтой Ріо-де-Жанейро.

Это,—вершина горы, погруженной въ воду въ древніе дни потоповъ. Надъ водой выступала тогда только высшая точка ея; но одно семейство спаслось тамъ и пустило корни. Кораллы тоже ползли наверхъ, окружая вершину, и въ теченіе вѣковъ создавали новую землю. Скала продолжаетъ расти, но, съ самаго возникновенія своего, носитъ на себѣ печать одиночества и отверженія, еще больше подчеркиваемыхъ безмѣрностью моря.

Въ десять часовъ утра я представился губернатору, негру Лакаскаду, который принялъ меня, какъ очень важную персону.

Этой честью я былъ обязанъ той миссіи, которую возложило на меня,—я хорошо не знаю почему,—французское правительство. Правда, это была художественная миссія, но въ умѣ негра это слово было оффиціальнымъ синонимомъ шпіонства, и я напрасно прилагалъ старанія, чтобъ разубѣдить его въ этомъ. Всѣ его приближенные раздѣляли его ошибку, а когда я сообщилъ, что моя миссія безплатна, то никто не хотѣлъ мнѣ вѣрить.

Жизнь въ Папэтэ *) скоро стала мнѣ въ тягость.

Это была та же Европа, отъ которой я мечталъ избавиться! Европа,—вдобавокъ подъ грубой личиной колоніальнаго снобизма, забавнаго до карикатурности подражанія нашимъ нравамъ и модамъ и смѣшнымъ сторонамъ нашей цивилизаціи.

Совершить такой огромный путь, чтобы найти это—именно то, отъ чего я бѣжалъ!

Впрочемъ, меня заинтересовало одно общественное событіе.

Въ это время былъ смертельно боленъ король Помарэ и каждый день ожидали его кончины.

Мало-по-малу городъ принялъ особенный видъ.

Всѣ европейцы: торговцы, чиновники, офицеры и солдаты продолжали смѣяться и распѣвать на улицахъ, между тѣмъ какъ туземцы съ суровыми лицами, шепотомъ, бесѣдовали вокругъ дворца. На рейдѣ—непрерывное движеніе оранжевыхъ парусовъ по синему морю, частое и внезапное сверканіе серебрящейся подъ лучами солнца линіи рифовъ. Это съѣзжались жители сосѣднихъ острововъ, чтобы присутствовать при послѣднихъ минутахъ жизни своего короля,—присутствовать при окончательномъ захватѣ ихъ государства Франціей.

Знаменія свыше предупредили ихъ объ этомъ: ибо всякій разъ, когда долженъ былъ умереть король, горы при закатѣ солнца, омрачались темными пятнами на нѣкоторыхъ склонахъ.

Король умеръ и въ полномъ адмиральскомъ мундирѣ былъ выставленъ напоказъ всѣмъ, во дворцѣ.

---

*) Главный городъ Таити и острововъ Товарищества, резиденція французскаго губернатора.

Тамъ я увидѣлъ королеву. Марау—таково было ея имя—украшала цвѣтами и тканями королевскую залу. Когда директоръ общественныхъ работъ спросилъ у меня совѣта относительно художественной стороны погребенія, я указалъ ему на королеву, которая, съ врожденнымъ ея расѣ инстинктомъ прекраснаго, распространяла вокругъ себя изящество и превращала въ художественное произведеніе все, до чего ни касалась.

Но при этой первой встрѣчѣ я понялъ ее не вполнѣ.

Разочарованный въ людяхъ и въ вещахъ, слишкомъ далекихъ отъ того, чего я чаялъ, еще не умѣя разобраться въ томъ, что́ въ этой побѣжденной расѣ сохранилось отъ ея національнаго лика и первобытной красоты подъ искусственнымъ и грубымъ наслоеніемъ нашихъ вліяній,—я былъ, до извѣстной степени, слѣпъ. Такимъ образомъ, и въ этой королевѣ, уже зрѣлаго возраста, я видѣлъ только вульгарную, толстую женщину съ остатками былой красоты. Когда же, позднѣе, я снова увидѣлъ ее,—я исправилъ мою первую оцѣнку, поддался власти ея „маорійскаго очарованія". Несмотря на всѣ примѣси, у нея былъ очень чистый таитянскій типъ. А, кромѣ того, воспоминаніе о предкѣ, великомъ вождѣ Тати, придавало ея внѣшности, какъ и ея брату и всему ихъ семейству, поистинѣ внушительное величіе. Она отличалась той величественной и могучей скульптурностью, которая свойственна Маори. Все строеніе ея тѣла съ его ровными и прямыми, какъ колонны храма, руками, съ горизонтальными и широкими плечами и массивностью туловища, какъ бы сходящагося въ одной точкѣ, вызываетъ въ моей памяти треугольникъ св. Троицы. Въ ея глазахъ иногда вспыхивало смутное предчувствіе страстей, которыя внезапно разгораются и тотчасъ же охватываютъ пламенемъ окружающую жизнь. Быть-можетъ, такъ же внезапно возникъ надъ океаномъ и самый островъ и распустились на немъ подъ лучами перваго солнца растенія...

Всѣ таитяне одѣлись въ черное и въ продолженіе двухъ дней пѣли погребальныя „Именэ", пѣсни смерти. Мнѣ казалось, что я слышу „Патетическую Сонату"...

Наступилъ день погребенія.

Въ десять часовъ утра тронулись изъ дворца. Представители арміи и администраціи были въ бѣлыхъ полотняныхъ каскахъ и въ черныхъ фракахъ, туземцы же въ своихъ траурныхъ одеждахъ. Всѣ они шли въ порядкѣ по округамъ, и начальникъ каждаго округа несъ французскій флагъ.

Въ предмѣстьѣ Аруэ шествіе остановилось, здѣсь высился неописуемый памятникъ, составлявшій самый удручающій контрастъ съ декораціей неба и деревьевъ—безформенная груда коралловыхъ камней, скрѣпленныхъ цементомъ. Лакаскадъ произнесъ рѣчь по ходячему трафарету, и толмачъ перевелъ ее тотчасъ же присутствующимъ французамъ. Затѣмъ, протестантскій пасторъ сказалъ проповѣдь; наконецъ, Тати, братъ королевы, произнесъ отвѣтное слово, и это было все. Стали расходиться, а чиновники набились въ повозки; все это нѣсколько напомнило мнѣ возвращеніе со скачекъ...

На обратномъ пути, идя въ безпорядкѣ и не считаясь съ задававшими тонъ французами, туземцы, такіе серьезные въ теченіе многихъ дней, снова стали смѣяться. „Вахинэ“ снова взяли за руки своихъ „танэ“ (мужей), громко разговаривая и покачивая бедрами, межъ тѣмъ, какъ ихъ широкія, голыя ступни тяжело топтали дорожную пыль... Всѣ разсѣялись у рѣки Фатуа. То тамъ, то здѣсь, женщины, прячась между камнями, присѣдали въ водѣ, поднимая свои юбки до пояса и освѣжали ноги и бедра, раздраженныя ходьбой и жарой. Освѣжившись такимъ образомъ и выпятивъ впередъ свои груди, увѣнчанныя двумя раковинами, розовѣющими черезъ кисею корсажа, онѣ продолжали свой путь въ Папэтэ съ граціей и легкостью молодыхъ животныхъ. Какой-то смѣшанный запахъ, животный и растительный, исходилъ отъ нихъ, запахъ ихъ крови и запахъ цвѣтка гарденіи („тіарэ“), бывшаго у нихъ въ волосахъ.

*

— Teiné mérahi noa—noa (теперь хорошо пахнетъ),—говорили онѣ.

...Принцесса вошла въ мою комнату, а я, больной, лежалъ на

постели, одѣтый только въ „paréo“ (поясъ). Недурной костюмъ для пріема знатной женщины!

— Ia orana, Гогэнъ,—сказала она. Ты боленъ, я пришла навѣстить тебя.

— А какъ твое имя?

— Ваитуа.

Ваитуа была настоящей принцессой, если вообще таковыя есть въ этой странѣ, гдѣ европейцы понизили все до своего уровня. Она пришла, какъ простая смертная, съ босыми ногами, съ душистымъ цвѣткомъ за ухомъ и въ черной одеждѣ. Она носила трауръ по королѣ Помарэ, которому приходилась племянницей. Ея отецъ То-матоа, несмотря на неизбѣжныя сношенія съ офицерами и чиновниками, несмотря на пріемы у адмирала, всегда мечталъ лишь о томъ, чтобы быть царственнымъ и жестокимъ Маори, минотавромъ на вечернихъ оргіяхъ. Онъ умеръ. Ваитуа, какъ увѣряли, очень походила на него.

Съ наглостью всякаго европейца, только что пріѣхавшаго на островъ въ своей бѣлой полотняной каскѣ, я со скептической улыбкой смотрѣлъ на эту развѣнчанную принцессу.

Но я хотѣлъ быть вѣжливымъ.

— Это очень мило съ твоей стороны, Ваитуа, что ты навѣстила меня. Не хочешь ли выпить вмѣстѣ со мною абсента?

И пальцемъ я указалъ ей на бутылку въ углу комнаты, которую я какъ разъ передъ этимъ купилъ.

И просто, не выказывая ни удовольствія ни неудовольствія, она подошла къ указанному мною мѣсту и нагнулась, чтобъ взять бутылку. Ея легкое, прозрачное платье натянулось при этомъ движеніи на ея бедрахъ,—бедрахъ, которыя выдержали бы тяжесть міра. О, конечно, это была настоящая принцесса! А ея предки?— Гордые и храбрые гиганты. На ея широкихъ плечахъ была крѣпко посажена твердая, надменная и кровожадная голова. Прежде всего я замѣтилъ ея челюсти людоѣда, ея зубы, готовые рвать, ея косой взглядъ жестокаго и хитраго животнаго и, несмотря на очень красивый и благородный лобъ, я нашелъ ее все-таки безобразной!

— Только бы она не вздумала сѣсть на мою кровать. Никогда такая хрупкая вещь не выдержитъ насъ обоихъ...

Но, какъ разъ, это она и сдѣлала.

Кровать затрещала, но выдержала.

Выпивая, мы обмѣнивались нѣсколькими словами. Разговоръ, однако, не одушевлялся. Онъ сталъ замирать, и водворилась полная тишина.

Украдкой я наблюдалъ за принцессой, а она смотрѣла на меня уголкомъ глаза, и шло время и осушалась бутылка. Ваитуа пила молодецки.

Она скрутила таитянскую папироску и растянулась для куренія на кровати. Ея ноги непрерывнымъ и машинальнымъ движеніемъ поглаживали спинку кровати; выраженіе ея лица смягчилось и стало замѣтно нѣжнѣе, ея глаза мерцали, и равномѣрное посвистываніе вырывалось изъ ея устъ. И слушая ее, я представлялъ себѣ кошку, которая мурлычетъ, обдумывая какую-нибудь сладострастную и кровожадную забаву.

Я перемѣнчивъ и теперь находилъ ее вполнѣ красивой, а когда она съ дрожью въ голосѣ сказала мнѣ „ты мой милый“, меня охватило сильное волненіе. Положительно принцесса была восхитительна...

Она стала декламировать басню (навѣрно для того, чтобы доставить мнѣ удовольствіе), басню Лафонтена „Стрекоза и муравей“,—воспоминаніе своего дѣтства, проведеннаго у монахинь, обучившихъ ее этому...

Папироса вся развѣялась въ дымъ.

— Ты знаешь, Гогэнъ,—сказала, подымаясь, принцесса.—Я не люблю твоего Лафонтена.

— Какъ! нашего добраго Лафонтена?

— Быть можетъ онъ и хорошій, да его мораль плоха. Муравьи... (и ея губы выразили отвращеніе). Ахъ, стрекозы, вотъ это такъ!

И она добавила съ гордостью, не глядя на меня, съ пылающими глазами, обращенными куда-то вдаль:

— Какимъ прекраснымъ было наше царство, когда въ немъ ничѣмъ не торговали. Пѣли круглый годъ... Всегда надо пѣть! Всегда надо отдавать даромъ...

И она ушла.

Я снова опустилъ голову на подушку и долго ласкалъ въ памяти ея привѣтныя слова:

— Ja orana, Гогэнъ.

Этотъ эпизодъ, который вмѣстѣ со смертью Помарэ я нахожу въ своей памяти, оставилъ въ ней больше слѣда, чѣмъ самое событіе и публичный церемоніалъ.

Да и жители Папэтэ, какъ туземцы, такъ и бѣлые, не замедлили забыть покойнаго. Тѣ, кто прибылъ съ сосѣднихъ острововъ, чтобы присутствовать на королевскихъ похоронахъ, уѣхали; еще разъ избороздилось синее море тысячью оранжевыхъ парусовъ, и все вошло въ обычную колею...

Стало только меньше однимъ королемъ.

Вмѣстѣ съ нимъ исчезли и послѣдніе слѣды древнихъ традицій. Вмѣстѣ съ нимъ завершилась исторія Маори. Все было кончено. Увы, цивилизація—солдатчина, торговля и бюрократизмъ—торжествовали!

Глубокая печаль охватила меня. Мечта, приведшая меня на Таити, была жестоко обманута дѣйствительностью. Вѣдь я любилъ Таити былыхъ временъ. А современное Таити внушало мнѣ ужасъ.

Однако, при видѣ неумирающей физической красоты этой расы, я не хотѣлъ вѣрить, что она ничего и нигдѣ не сохранила изъ своего древняго величія, изъ своихъ мѣстныхъ нравовъ, изъ своихъ вѣрованій и легендъ. Но какъ открыть слѣды этого прошлаго (если только оно оставило такіе слѣды)—мнѣ, совсѣмъ одинокому? Какъ возжечь огонь, самый пепелъ котораго уже развѣянъ?

Какъ бы сильно я ни былъ подавленъ, не въ моемъ обычаѣ бросать игру, не испытавши всего, даже „невозможнаго“, чтобы добиться побѣды.

И я скоро принялъ рѣшеніе: я уѣду изъ Папэтэ, удалюсь изъ европейскаго центра.

Я предчувствовалъ, что, живя съ туземцами одной жизнью въ густыхъ заросляхъ ихъ страны, я сумѣю силой терпѣнія добиться довѣрія Маори и буду знать.

И какъ-то утромъ, въ экипажѣ, любезно предоставленномъ мнѣ однимъ офицеромъ, я отправился на поиски за своей хижиной.

Моя „вахинэ“ сопровождала меня; ее звали Тити. Она была смѣшанной, англійской и таитянской, крови и немного говорила по-французски. Для этой прогулки она надѣла свое лучшее платье; за ухомъ у нея былъ цвѣтокъ гарденіи. Шляпа ея изъ тростниковыхъ волоконъ была отдѣлана сверху лентой и уборомъ изъ оранжевыхъ раковинъ; свои длинные черные волосы она распустила вдоль плечъ. Гордая своей элегантностью, и тѣмъ, что ѣдетъ въ экипажѣ и состоитъ „вахинэ“ человѣка, который, по ея мнѣнію, былъ вліятеленъ и богатъ, она была дѣйствительно красива, и во всей ея надменности не было ничего смѣшного—настолько идетъ этой расѣ величественный видъ. Отъ длинной феодальной исторіи и безконечнаго поколѣнія великихъ вождей она сохранила естественный отпечатокъ высокомѣрія.

Я хорошо зналъ, что въ глазахъ парижанъ далеко не безкорыстная любовь Тити не имѣла бы большей цѣны, чѣмъ продажныя ласки проститутки, но въ любовномъ безуміи маорійской куртизанки есть нѣчто иное, чѣмъ пассивность ея парижской подруги—нѣчто совсѣмъ иное! Здѣсь есть пыланіе крови, нуждающейся въ любви, какъ въ своей главной пищѣ, и выдѣляющей ее какъ свое благоуханіе. Эти глаза и этотъ ротъ не могли лгать: безкорыстно или нѣтъ, но именно о любви говорили они...

Путь былъ совершенъ довольно быстро. Немного безразличной болтовни. Пышный и однообразный пейзажъ: справа—море, коралловые рифы и водная поверхность, иногда, при слишкомъ рѣзкой встрѣчѣ волнъ съ утесомъ, вздымающаяся бѣлой дымкой; слѣва—кустарники и перспектива громадныхъ лѣсовъ.

Въ полдень мы закончили свой 45-й километръ и пріѣхали въ округъ.

Я осмотрѣлъ мѣсто и, въ концѣ концовъ, нашелъ довольно красивую хижину, которую ея хозяинъ уступилъ мнѣ въ наемъ. Для своего жилья онъ строилъ себѣ рядомъ другую.

На слѣдующій день, вечеромъ, когда мы возвращались въ Папэтэ, Тити спросила меня, не пожелаю ли я взять ее съ собою:

— Позднѣе, черезъ нѣсколько дней, когда я устроюсь...

У Тити въ Папэтэ была ужасная репутація, такъ какъ она схоронила одного за другимъ многихъ возлюбленныхъ.

Не это, однако, удаляло меня отъ нея—будучи полубѣлой, она, несмотря на остатки очень глубокихъ природныхъ и чисто-маорійскихъ чертъ, все же, изъ-за многочисленныхъ связей утратила свои расовыя отличія. Я чувствовалъ, что она не могла научить меня тому, что я желалъ узнать, и что она совершенно не могла дать мнѣ того особаго счастія, котораго я жаждалъ.

Къ тому же, говорилъ я себѣ, въ деревнѣ я найду то, чего ищу, и мнѣ останется только выбрать.

*

Съ одной стороны—море; съ другой—зіяющая гора: гигантская расщелина, закрывающая громадное манговое дерево, прислоненное къ скалѣ.

Между горой и моремъ стоитъ моя хижина изъ дерева „бурао“.

Рядомъ съ хижиной, въ которой я живу, находится другая—„фарэ аму“ (домъ, гдѣ ѣдятъ).

Утро.

На морѣ, у берега, я вижу пирогу и въ ней полунагую женщину. На берегу—мужчина, тоже раздѣтый. Возлѣ мужчины большая кокосовая пальма, со съеженными листьями, похожая на огромнаго попугая, съ опущеннымъ золотистымъ хвостомъ, кото-

рый держитъ въ когтяхъ своихъ толстую кисть кокосовыхъ орѣховъ. Мужчина гармоническимъ движеніемъ подымаетъ обѣими руками тяжелый топоръ, оставляющій на серебристомъ небѣ свой голубой отблескъ, а внизу, на мертвомъ деревѣ—розовый надрѣзъ, гдѣ въ одно огневое мгновеніе оживаетъ вѣковая теплота, накопленная изо дня на день...

На пурпурной землѣ длинные змѣевидные листья металлической желтизны, напоминающіе мнѣ тайныя священныя письмена древняго востока. Казалось, они явственно образовывали то священное слово, океанійскаго происхожденія—Атуа (Богъ), Таата, Таката или Татхагата—которое изъ Индіи излучилось повсюду.

И я вспоминалъ, какъ мистическій совѣтъ, подходящій къ моему прекрасному уединенію и моей прекрасной бѣдности, слѣдующія слова мудреца:

„...Въ глазахъ Татхагата самая великолѣпная пышность королей и ихъ служителей лишь бреніе и прахъ.

Въ его глазахъ чистота и непорочность подобны пляскѣ шести „нага“.

Въ его глазахъ исканіе пути Будды подобно цвѣтамъ...“

*

Въ пирогѣ женщина укладывала сѣть.

Синяя линія моря часто разрывалась зелеными гребнями валовъ, ударяющихся о коралловые молы.

Вечеръ.

Я ушелъ выкурить папиросу на песокъ, у берега моря.

Солнце, быстро опустившееся на горизонтѣ, уже наполовину спряталось справа за островомъ Морэа; свѣтовые контрасты четко и рѣзко вырисовывали на лиловомъ пыланіи неба черные горы, грани которыхъ казались древними зубчатыми замками.

Не безъ основанія призраки феодальныхъ временъ преслѣдуютъ меня передъ этой архитектурой природы. Тамъ, вдалекѣ, эта вершина имѣетъ видъ гигантскаго шлема. Волны, окружающія ее съ ревомъ безмѣрной толпы, никогда ея не достигнутъ. Не-

П. Гогэнъ. Портретъ.

рушимо и одиноко, среди великолѣпныхъ развалинъ высится этотъ шлемъ, сосѣдъ небесъ,—какъ защитникъ или свидѣтель. И мнѣ чудится, что какой-то тайный взоръ скользитъ съ ея верхушки на воды, гдѣ покоится прошлое, что какая-то улыбка струится изъ устъ ея расщелины,—улыбка ироніи и жалости...

Быстро спустилась ночь. Морэа спала.

*

Молчаніе. Я учился познавать молчаніе таитійской ночи.

Я слышалъ въ этомъ молчаніи только удары своего сердца.

Лежа на кровати, я видѣлъ бамбуковые тростники моей хижины, черезъ ровныя щели которыхъ просачивались лунные лучи. Казалось, что передо мною музыкальный инструментъ, древняя свирѣль, которую Маори знаютъ подъ названіемъ „vivo". Луна и бамбукъ вызываютъ во мнѣ этотъ образъ свирѣли, безмолвной въ теченіе цѣлаго дня. Теперь ночью, благодаря лунѣ, она повторяетъ въ моей памяти любимые напѣвы; подъ эту музыку я погружаюсь въ сонъ.

Между мною и небомъ ничего, кромѣ высокой легкой крыши изъ листьевъ пандана, гдѣ гнѣздятся ящерицы.

Я былъ теперь такъ далекъ отъ этихъ тюремъ,—европейскихъ домовъ!

Маорійская хижина не отъединяетъ человѣка отъ жизни, отъ пространства и безконечности...

Однако, я чувствовалъ себя тамъ очень одинокимъ.

Обѣ стороны, туземцы и я, наблюдали другъ за другомъ, и разстояніе между нами оставалось неизмѣннымъ.

Уже на третій день мои припасы истощились. Что дѣлать? Я воображалъ, что, имѣя деньги, смогу найти все необходимое для жизни. Я ошибся. Здѣсь, за чертой города, чтобы жить, нужно обращаться къ природѣ: она богата, она щедра, она ни въ чемъ не отказываетъ тому, кто попроситъ у нея свою долю изъ

ея сокровищъ, изъ неисчерпаемой житницы деревьевъ, моря и горъ. Но надо умѣть взбираться на высокія деревья, нужно быть въ состояніи уходить въ горы и возвращаться оттуда нагруженнымъ тяжелой ношей, надо умѣть ловить рыбу, умѣть нырять, находить въ морской глубинѣ раковины, крѣпко укрѣпившіяся на камняхъ,— да, надо умѣть, надо мочь!

И вотъ, я, цивилизованный человѣкъ, былъ въ этихъ условіяхъ значительно ниже дикарей. И я завидовалъ имъ. Я видѣлъ, что они живутъ вокругъ меня счастливые и безтревожные, не дѣлая бо́льшихъ усилій, чѣмъ это нужно для каждаго дня, безъ малѣйшей заботы о деньгахъ—да и кому продавать, когда дары природы находятся подъ руками?

И вотъ, когда, сидя съ пустымъ желудкомъ на порогѣ моей хижины, я съ печалью думалъ о своемъ положеніи и о непредвидѣнныхъ и, быть можетъ, непреодолимыхъ препятствіяхъ, которыя природа для самозащиты выдвинула между собою и тѣмъ, кто приходитъ къ ней изъ цивилизованнаго міра,—я замѣтилъ туземца—онъ жестикулировалъ въ моемъ направленіи и что-то кричалъ. Его выразительные жесты истолковывали слова, и я понялъ: мой сосѣдъ приглашалъ меня пообѣдать. Я сдѣлалъ отрицательный знакъ головой. Затѣмъ, одинаково пристыженный тѣмъ, что мнѣ предложили милостыню, и тѣмъ, что я отвергъ ее, я укрылся въ хижину.

Нѣсколько минутъ спустя маленькая дѣвочка, не сказавъ ничего, поставила передъ моей дверью вареные овощи и фрукты, аккуратно обложенные только-что сорванными зелеными листьями. Я былъ голоденъ. И, также ничего не сказавъ, я принялся ѣсть.

Немного погодя, мимо моей хижины прошелъ человѣкъ и, не останавливаясь, съ улыбкой спросилъ:

— Пайа (Paia)?

Я догадался: „доволенъ ли ты“?

Это было, для меня и для этого дикаря, началомъ взаимнаго знакомства.

„Дикари“—это слово машинально приходило на мои уста, когда я разглядывалъ эти черныя существа съ зубами каннибаловъ. Однако, я уже предчувствовалъ ихъ дѣйствительную, странную кротость. Эта маленькая темная голова съ ясными глазами, жавшаяся къ землѣ подъ густой кущей широкихъ листьевъ жиромона *), этотъ маленькій ребенокъ, изучавшій меня, какъ-то утромъ, безъ моего вѣдома и убѣжавшій, когда мой взглядъ встрѣтился съ его взглядомъ...

Такъ же, какъ и они для меня, я былъ для нихъ предметомъ наблюденія и удивленія: человѣкъ ничего не умѣющій, ничего не знающій! Ибо я не зналъ ни языка, ни обычаевъ, ни ремесла, даже самаго простого, самаго необходимаго. Какъ каждый изъ нихъ для меня, такъ и я для каждаго изъ нихъ былъ „дикаремъ“.

И кто же изъ насъ былъ неправъ—они или я?

Я постарался работать: дѣлалъ всякаго рода замѣтки и наброски.

Пейзажъ, съ его варварскими, рѣзкими красками, плѣнялъ и ослѣплялъ меня, но я не былъ достаточно увѣренъ въ себѣ и искалъ, и искалъ...

А, между тѣмъ, было такъ просто изображать все такъ, какъ я видѣлъ, класть безъ всякаго размышленія пурпуровую краску рядомъ съ синей! У потоковъ, у берега моря восхищали меня золотистыя тѣла—почему же колебался я излить на полотно всю эту солнечную радость?

О, старая европейская рутина, о робость выраженія вырождающихся расъ!

Чтобы познакомиться съ совершенно особеннымъ характеромъ таитянскаго лица, я уже давно желалъ написать портретъ одной изъ моихъ сосѣдокъ, молодой женщины чистаго таитянскаго происхожденія.

Однажды, она расхрабрилась до того, что пришла въ мою хижину взглянуть на снимки картинъ, которыми я украсилъ одну

*) Родъ тыквы.

изъ стѣнъ. Она долго, съ особеннымъ интересомъ, смотрѣла на „Олимпію“ Эдуарда Манэ.

— Что ты о ней думаешь?—спросилъ я ее (я выучилъ нѣсколько таитянскихъ словъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, когда вовсе не говорилъ по-французски).

Моя сосѣдка отвѣтила мнѣ:

— Она очень хороша.

Я улыбнулся этому замѣчанію и былъ имъ тронутъ. Неужели у нея было чувство прекраснаго? Но что сказали бы о ней профессора нашей Академіи Художествъ.

Послѣ того долгаго молчанія, которое предшествуетъ какому-нибудь логическому выводу, она вдругъ добавила:

— Это твоя жена?

— Да.

Я сказалъ эту ложь! Да, я, „*танэ*“ (мужъ) прекрасной Олимпіи!

Въ то время, какъ она съ любопытствомъ разсматривала нѣкоторыя религіозныя картины итальянскихъ примитивовъ, я торопился, тайкомъ отъ нея, набросить ея портретъ.

Она замѣтила это, сдѣлала сердитую гримасу и рѣзко сказала:

— Аита (нѣтъ)!—и скрылась.

Часъ спустя, она вернулась въ красивомъ платьѣ и съ гарденіей за ухомъ.

Что это было? Кокетство? Удовольствіе уступки послѣ оказаннаго сопротивленія? Или просто всеобщее влеченіе къ запретному плоду, хотя бы запрещенъ онъ былъ ею самою? Или еще проще—капризъ безъ всякихъ иныхъ побужденій, чистый капризъ, который такъ обыченъ для Маори?

Немедленно, съ лихорадочной поспѣшностью, приступилъ я къ работѣ.

Мой анализъ художника давалъ мнѣ право какъ бы на физическое и моральное овладѣніе моделью, на молчаливое, неуклонное и властное проникновеніе въ нее. Она была мало красива съ точки зрѣнія нашихъ эстетическихъ понятій.

Но она была прекрасна!

Всѣ черты ея лица, благодаря сочетанію дугообразныхъ линій, слагались въ Рафаэлевскую гармонію, а ротъ былъ вылѣпленъ скульпторомъ, умѣющимъ одной линіей выявить разомъ всю гамму радости и страданія.

Я работалъ торопливо и страстно, не увѣренный въ твердости ея согласія.

Многое читалъ я въ ея глазахъ: страхъ и любовь къ безконечности, меланхолію испытанной горечи, неразрывной съ наслажденіемъ, и безсознательно-гордое чувство владѣнія собой. Когда эти существа отдаются, кажется, что они уступаютъ намъ, а, между тѣмъ, они уступаютъ самимъ себѣ. Въ нихъ живетъ какая-то сдержанная сверхчеловѣческая сила и, быть можетъ, какая-то божественная животность.

*

Отнынѣ я работалъ свободнѣе и лучше.

Но одиночество не переставало тяготить меня.

Я видѣлъ вокругъ много молодыхъ женщинъ, много молодыхъ дѣвушекъ, настоящихъ таитянокъ со спокойнымъ взоромъ, и нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, охотно раздѣлили бы со мною жизнь,—но я не рѣшался подступиться къ нимъ. Онѣ меня положительно запугивали своимъ увѣреннымъ взглядомъ, достоинствомъ своей осанки и гордостью своей походки.

А между тѣмъ, всѣ онѣ желаютъ быть „взятыми“, взятыми въ буквальномъ смыслѣ этого слова (mau—брать)—грубо и безъ разговоровъ. Всѣ онѣ мечтаютъ втайнѣ о насиліи. Этимъ проявленіемъ власти самца, снимающимъ отвѣтственность съ женской воли—ибо она не давала своего согласія—начинается здѣсь прочная любовь. Возможно, что въ основѣ этого насилія, съ перваго взгляда столь возмутительнаго, таится глубокій смыслъ. Возможно, что оно имѣетъ и свое дикое очарованіе. Я много мечталъ объ этомъ, но я не дерзалъ...

А, кромѣ того, про многихъ изъ нихъ говорили, что онѣ

были больны,—больны той язвой, которую приносятъ дикарямъ европейцы, въ видѣ первой ступени пріобщенія цивилизованной жизни.

И когда старики говорили мнѣ, указывая на какую-нибудь изъ женщинъ:

— „Mau tena“ (возьми вотъ эту),—я не чувствовалъ въ себѣ необходимой смѣлости и довѣрія.

Я далъ знать Тити, что съ удовольствіемъ приму ее.

Она не замедлила пріѣхать.

Попытка новаго сближенія не удалась, и по скукѣ, которую я испытывалъ въ обществѣ этой женщины, привыкшей къ банальной роскоши чиновниковъ, я могъ убѣдиться въ томъ, какого дѣйствительнаго прогресса достигъ я въ моемъ прекрасномъ одичаніи.

По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, мы съ Тити́ разстались навсегда.

Я былъ снова одинокъ.

ГЛАВА III *).

Vivo.

Замкнулось море; не нарушаютъ душевнаго покоя удары волнъ о прибрежные рифы; затаила звуки свои жизнь вокругъ и внутри моей хижины изъ „бурао“, и быстро падаетъ ночь, словно необъятный занавѣсъ безмѣрнаго театра,—темная завѣса съ узоромъ звѣздъ.

Жалуясь оба, сердце мое и vivo, вблизи и вдали поютъ свирѣльною трелью.

Это съ берега, оттуда, гдѣ обрывается заливъ, вѣетъ унылая музыка; о чемъ мечтаетъ этотъ дикій музыкантъ и кому возноситъ онъ свои жалобы? О чемъ мечтаетъ и мое столь же дикое, израненое сердце, и для кого, скажите, такъ трепетно бьется оно въ одиночествѣ, такъ сильно желанномъ?

Одинокіе оба, сердце мое и vivo, вблизи и вдали, поютъ свирѣльною трелью.

И смѣется вкрадчивая и коварная луна сквозь бамбуковые тростники моей хижины, Хина-Луна; вторитъ ея личистой игрѣ далекая музыка съ берега, и чудится въ этой, овѣянной воспоминаніями, тихой ночи, что бамбукъ — инструментъ, а мелодія— луна.

Въ тишинѣ, сердце мое и vivo, вблизи и вдали поютъ свирѣльною трелью.

---

*) Эта глава написана Гогэномъ сообща съ Ш. Морисомъ.

О, нѣтъ! То не прохожій напѣваетъ свою пѣсню, то сердце мое стонетъ воспоминаніями при лунномъ свѣтѣ,—при лунномъ свѣтѣ, что мелодично струится черезъ тростники моей хижины, аккомпанируя эхо былыхъ сказаній и плясокъ.

Это во мнѣ поютъ сердце мое и vivo.

Пусть же дальше уйдетъ мое сердце—дальше къ морю, чей гулъ окружаетъ стѣною этотъ островъ изгнанія; пусть же смѣнятся воспоминанія надеждами съ моря и протянутся руки мои навстрѣчу простору.

Оба вдали, оба вдали, поютъ сердце мое и vivo.

*

Мое нетерпѣніе, кипѣвшее среди безстрастія пространствъ, мои надежды, обманутыя каждой пристанью—вотъ, наконецъ, претворяетесь вы въ реальности неожиданныхъ очарованій, невѣдомыхъ радостей!

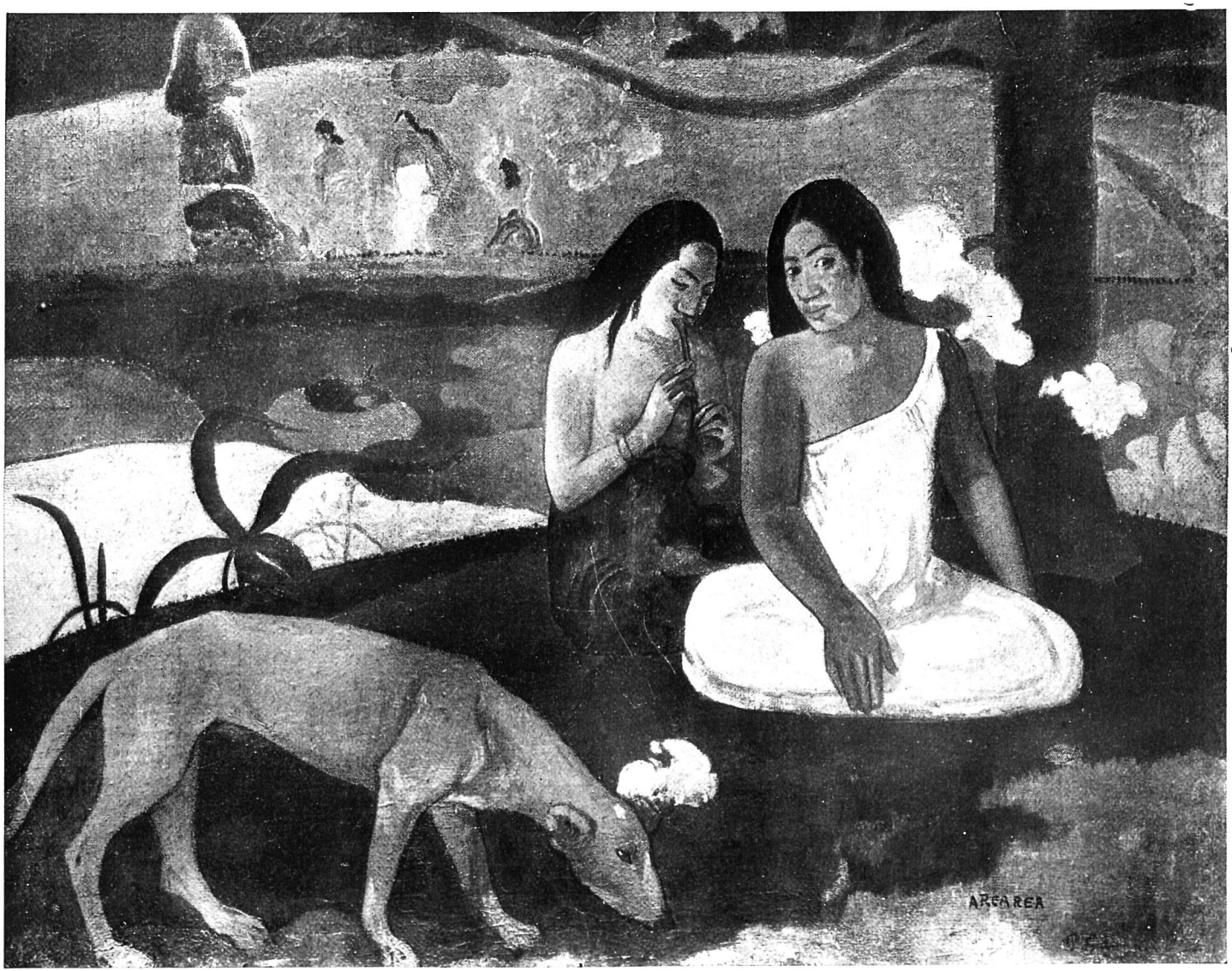
Вѣдь я искалъ и желалъ васъ, о волны, цвѣты и лѣса, обезумѣвшіе отъ радости жизни, и тебя золотистая раса,—какъ возрожденія искалъ я душу твою, этотъ вольный, прекрасный, душистый цвѣтокъ. Но ты сторонишься меня, ты сторожишь свою тайну. Откроешь ли ты ее мнѣ хоть однажды?

— Да, можетъ быть, тамъ, въ тѣни гигантскаго дерева Манго.

*

Моя раса тоже была великой и своими твореніями доказывала силу своихъ чувствъ и ума. Какъ въ саду, расцвѣтала слава въ очахъ моихъ предковъ, и въ сокровищницѣ ихъ мысли имѣла она свой неистощимый источникъ.

Хотя божественное солнце,—отъ котораго все исходитъ и къ которому все вернется,—не удѣляло имъ своихъ самыхъ жгучихъ лучей, все же люди были счастливы подъ тѣнью дворцовъ, воздвигнутыхъ моими древними предками. Каждый день бывали веселыя или трагическія празднества, благоухавшія прекраснымъ



П. Гогэнъ. Флейтистка.

запахомъ крови и любви, и красота царила въ малѣйшихъ потребностяхъ жизни, и не приходилось дѣлать усилій, чтобы достичь или удержать ее.

Но скупые наслѣдники этихъ „Великолѣпныхъ“ утратили, вмѣстѣ съ экстазами доблести и самопожертвованія, и искусство обладанія красотой. Въ прочныхъ сундукахъ схоронили они богатства, завоеванныя героями минувшихъ дней, и, не стыдясь, удовольствовались въ повседневной жизни подобіями чести и любви, и безыменными, безобразными, хотя и прочными предметами промышленности! Но печальной стала земля вокругъ нихъ...

Въ томъ климатѣ, гдѣ настоящіе цвѣты распускаются только въ умахъ людей, не стало больше цвѣтовъ, потому что новыхъ человѣчество больше не производило, а старые оно скрыло въ желѣзные гербаріи сундуковъ. И когда я захотѣлъ вынести эти былые цвѣты на свѣтъ и на воздухъ, чтобы освѣжить и обновить ихъ и зажечь въ глазахъ людей желаніе новыхъ весенъ, я увидѣлъ, что они засохли и поблекли, подобно муміямъ,—о, жалкіе цвѣты, обезчещенные ночью забвенія, пыльной ночью сундуковъ, жалкіе цвѣты изъ бумаги!—и я увидѣлъ, что мои современники жадно и скупо дорожатъ этой ветошью, обреченной огню, этой сегодняшней ветошью и завтрашнимъ пепломъ...

О, волны, лѣса и цвѣты, обезумѣвшіе отъ радости жизни!

Не прошлое ли это преслѣдуетъ меня? Неужели не изгладятся изъ моей памяти образы минувшихъ переживаній?—Вотъ они снова тутъ!

Призраки былыхъ привычекъ, старыхъ горестей, пережитыхъ антипатій, моихъ собственныхъ ошибокъ и чужихъ заблужденій, призраки прошлаго притаились на камняхъ моего новаго пути, вызывая въ памяти любимыя покинутыя лица и слезы ихъ, и угрызенія совѣсти...

О, тоска и скука увидѣть и услышать снова то, отъ чего, уѣзжая, думалъ избавиться,—все прошлое, воскресающее здѣсь въ старой затасканной внѣшности фальшивыхъ радостей и суетнаго труда...

Снова городъ—деньги, конторы, казармы, кабаки, больницы и тюрьмы. Снова городъ — публичныя женщины. Снова городъ!...

И здѣсь, какъ и тамъ вдалекѣ, мнѣ придется съ ужасомъ видѣть, какъ по утрамъ лѣнивыя руки служанокъ вытряхиваютъ пыль отъ семи грѣховъ изъ савановъ дней и ночей,—пыль накопленную за ночи и дни, за часы бодрствованія и сна, за часы наживы и разврата!

А надъ всѣмъ этимъ, надъ этимъ зрѣлищемъ обычаевъ, лжи и пошлости—древняя чистота неба, въ глубинахъ котораго чудится сіяніе утеряннаго счастія.

О, волны, лѣса и цвѣты, обезумѣвшіе отъ радости жизни и ты, златокожая раса,—о твоей душѣ, этомъ прекрасномъ, душистомъ и вольномъ цвѣткѣ, мечталъ я, какъ объ единственной мести!

— Откроешь ли ты мнѣ когда-нибудь твою тайну?

— Да! Быть можетъ, вдали отъ города, въ свободномъ смѣхѣ золотокожихъ рыбаковъ! Быть можетъ, вдали отъ города, въ свободномъ поцѣлуѣ золотокожихъ возлюбленныхъ, на морскомъ берегу!

*

Такъ прочь же отъ города къ морю! Къ морю, гдѣ замрутъ шумы города и прошлаго! Къ морю, гдѣ вечеромъ нѣжно поетъ дикое vivo.

Но скорѣе, скорѣе туда: замираетъ свирѣльная трель подъ угрозою городского гула, вотъ онъ подымается и почти заглушаетъ ее, тихую пѣсню vivo, тихую пѣсню взморья.

Какъ печальны вздохи вѣтра среди вѣтокъ, среди черныхъ, мертвыхъ вѣтокъ, чьи отравленные корни въ прошломъ въ городѣ во мнѣ самомъ...

О, vivo, я хочу не знать всего того, чего ты не знаешь!

Научи же меня твоему всевѣдущему невѣденію.

Покорный, я прихожу къ тебѣ, о, учитель незнанія и простоты, и улыбка недалека отъ моихъ устъ.

*

Пѣсня vivo замирала въ ночи, на морскомъ берегу и вмѣстѣ съ ней замиралъ въ моей душѣ, на отмели временъ, голосъ воспоминаній, и самые недавніе образы изглаживались первыми подъ смутный шумъ плывущаго корабля, корабля забвенія и надежды.

Вотъ уже едва слышно vivo въ ночи, на морскомъ берегу, все дальше уходитъ оно, и также все дальше обгонялъ я свои воспоминанія на кораблѣ моей души, плывущемъ вверхъ по рѣкѣ времени, оставляя за собой сложное наслоеніе соціальной грязи и все мое уныніе...

Теперь пѣсня vivo стала лишь слабымъ дуновеніемъ,— скорѣе вспоминалась, чѣмъ слышалась она,—и внезапно потухли вслѣдъ за зрѣлымъ прошлымъ дни моей юности, этой утерянной дикости, рано поблекшей въ тяжелой атмосферѣ городовъ.

И затѣмъ vivo смолкло; лишь вѣтеръ вѣялъ въ таитійской ночи, широко развернувъ надъ моремъ свои крылья, — смолкли также голоса моей души, и я почувствовалъ, что тихо и сладостно теряюсь въ молчаніи природы и въ себѣ самомъ, одинъ на одинъ съ безмолвіемъ зеленой и синей безпредѣльности,—одинъ въ мгновеніи вѣчности, безъ будущаго и прошлаго, безъ надеждъ и тоски...

ГЛАВА IV.

Мои сосѣди стали моими друзьями. Я одѣваюсь, и питаюсь, какъ они; когда же я не работаю, то раздѣляю ихъ безпечную и радостную жизнь съ ея рѣдкими вторженіями серьезности.

По вечерамъ, у густыхъ кустарниковъ, надъ которыми высится лохматая голова кокосовой пальмы, собираются отдѣльными группами мужчины и женщины, старики и дѣти. Одни изъ Таити, другіе съ острововъ Тонго, наконецъ, третьи съ Маркизскихъ острововъ. Матовые тона ихъ тѣлъ образуютъ прекрасную гармонію съ бархатомъ листвы, а изъ ихъ мѣдныхъ грудей струятся переливныя мелодіи, которыя смягчаются, ударяясь о морщинистые стволы кокосовыхъ пальмъ. Это таитянскія пѣсни—Именэ.

Начинаетъ ихъ какая-нибудь женщина; ея голосъ возносится словно летящая птица, и уже съ первой ноты доходитъ до самаго конца гаммы, затѣмъ въ сильныхъ модуляціяхъ, то понижаясь, то повышаясь, начинаетъ парить ровно и увѣренно, между тѣмъ, какъ вокругъ него взвиваются въ свою очередь голоса другихъ женщинъ и вторятъ ему. Наконецъ, всѣ мужчины разомъ, горловымъ и дикимъ крикомъ, заканчиваютъ пѣсню однимъ аккордомъ.

Иногда, для пѣнія и разговоровъ, они собираются въ общей хижинѣ. Въ этомъ случаѣ начинаютъ съ молитвы; сперва какой-нибудь старикъ читаетъ ее съ чувствомъ, а затѣмъ все собраніе повторяетъ ее, какъ бы въ видѣ припѣва. Послѣ этого поютъ или, чаще, разсказываютъ смѣшныя исторіи. Содержаніе этихъ разсказовъ очень тонко, почти неуловимо; забавляютъ главнымъ образомъ детали, вышитыя на этой тонкой и наивной канвѣ.

Рѣже разсуждаютъ о серьезныхъ вопросахъ и дѣлаютъ разумныя предложенія.

Вотъ одно изъ нихъ, слышанное мною какъ-то вечеромъ, и которое не могло не поразить меня.

— Въ нашей деревнѣ, говорилъ одинъ старикъ, видишь то тамъ, то сямъ разрушающіеся дома, развалившіяся стѣны, прогнившія, полураскрытыя крыши, сквозь которыя проникаетъ вода, когда идетъ дождь. Почему это? Вѣдь каждый имѣетъ право на убѣжище. И нѣтъ недостатка ни въ деревѣ, ни въ листьяхъ, чтобы изготовить кровлю. Я предлагаю выстроить общими усиліями большія и крѣпкія хижины вмѣсто тѣхъ, которыя сдѣлались нежилыми. Всѣ мы поочередно приложимъ къ этому дѣлу свои руки.

Всѣ, безъ исключенія, присутствующіе одобряютъ его:

— Это хорошо!

И предложеніе старика было принято всѣми.

„Вотъ это, — подумалъ я, возвращаясь въ тотъ вечеръ домой,— благоразумный и хорошій народъ“.

Но на другой день, когда я пошелъ узнать, когда же они приступятъ къ выполненію работъ, рѣшенныхъ наканунѣ, я замѣтилъ, что никто уже объ этомъ не думалъ. Повседневная жизнь вошла въ свою колею, а хижины, на которыя указывалъ мудрый совѣтчикъ, какъ и раньше оставались въ развалѣ.

На мои вопросы отвѣчали только бѣглыми улыбками.

Однако, эти большіе мечтательные лбы бороздились выразительными линіями, когда хмурились брови.

Я ушелъ, полный путаницы въ мысляхъ, но съ сознаніемъ, что получилъ отъ моихъ дикарей большой урокъ. Конечно, они были правы, рукоплеща предложенію старика. Но, можетъ быть, они были также правы, не исполняя принятаго рѣшенія.

Да и зачѣмъ работать? Вѣдь тутъ есть боги, которые расточаютъ своей паствѣ дары природы.

— Завтра?

— Можетъ быть! Но что бы ни случилось, и завтра солнце взойдетъ, какъ оно взошло сегодня, ясное и живительное.

Что это? Беззаботность, легкомысліе или непостоянство? Или же, — кто знаетъ, — самая глубокая философія? Берегись роскоши! Берегись стѣснять ею, подъ предлогомъ предусмотрительности, свои вкусы и потребности...

*

Моя жизнь съ каждымъ днемъ становится лучше.

Я сталъ довольно хорошо понимать маорійскій языкъ, скоро я буду говорить на немъ безъ стѣсненія.

Мои сосѣди — трое наиболѣе близкихъ и другіе изъ разныхъ мѣстъ, — уже считаютъ меня своимъ.

Отъ постоянной ходьбы по камнямъ мои ноги огрубѣли и привыкли къ землѣ. Мое почти всегда обнаженное тѣло не страдаетъ больше отъ солнца.

Цивилизація мало-по-малу уходитъ отъ меня.

Я начинаю мыслить просто, испытываю мало ненависти къ моему ближнему, — лучше того, я начинаю любить его.

Я имѣю всѣ радости свободной жизни — животной и человѣческой. Я разстаюсь съ ложью, условностями и старыми привычками. Я приближаюсь къ истинѣ, къ природѣ. Вмѣстѣ съ увѣренностью въ томъ, что послѣдующіе дни будутъ подобны дню сегодняшнему, будутъ такіе же свободные и такіе же прекрасные, миръ нисходитъ на мою душу, и я развиваюсь нормально, не имѣя пустыхъ заботъ.

У меня появился другъ.

Онъ пришелъ ко мнѣ самъ, и здѣсь я могу быть увѣреннымъ въ томъ, что, придя ко мнѣ, онъ не руководился никакимъ низкимъ, корыстнымъ побужденіемъ.

Это — одинъ изъ моихъ сосѣдей, молодой человѣкъ, очень простой и очень красивый.

Мои картины въ краскахъ и мои работы по дереву заинтриговали его, а мои отвѣты на его вопросы просвѣтили его. Не проходитъ дня, чтобы онъ не являлся посмотрѣть, какъ я рисую или рѣжу по дереву.

Еще и теперь, долгое время спустя, я испытываю удовольствіе, вспоминая тѣ настоящія и реальныя чувства, которыя я вызывалъ въ этой настоящей и реальной натурѣ.

По вечерамъ, когда я отдыхалъ отъ своихъ дневныхъ работъ, мы бесѣдовали. Онъ задавалъ мнѣ вопросы съ любопытствомъ молодого дикаря, интересующагося обычаями Европы, особенно вопросомъ любви, и не разъ онъ ставилъ меня въ тупикъ.

Но отвѣты его были еще наивнѣе его вопросовъ.

Однажды я далъ ему въ руки мои инструменты и обрубокъ дерева: я хотѣлъ, чтобы онъ попробовалъ рѣзать по дереву. Въ смущеніи онъ сначала молча смотрѣлъ на меня, а потомъ возвратилъ мнѣ дерево и инструменты и сказалъ просто и искренно, что я не таковъ, какъ всѣ, что другіе люди не способны дѣлать то же, что и я, и что, поэтому, я полезенъ для другихъ.

Я думаю, что этотъ Жотефа, былъ первымъ человѣкомъ въ мірѣ, говорившимъ со мной такимъ языкомъ, — языкомъ дикаря или ребенка, такъ какъ, неправда ли, надо быть тѣмъ или другимъ, чтобы вообразить, что художникъ,—полезный человѣкъ!

Случилось, что для моихъ будущихъ скульптурныхъ работъ мнѣ понадобилось розовое дерево. Я хотѣлъ имѣть обрубокъ цѣльный и широкій и посовѣтовался съ Жотефой.

— Надо пойти на гору,—сказалъ онъ.—Я знаю въ одномъ мѣстѣ много хорошихъ деревьевъ. Если желаешь, я сведу тебя туда. Мы срубимъ дерево по твоему вкусу и вдвоемъ снесемъ его сюда.

Мы отправились рано утромъ.

Горныя тропинки на Таити очень трудны для европейца, и это цѣлое путешествіе на гору требуетъ даже отъ туземцевъ такихъ усилій, на которыя они рѣшаются только при необходимости.

Между двумя неприступными горами, — двумя высокими отвѣсными базальтовыми стѣнами, врѣзывается расщелина, по которой среди обломковъ скалъ змѣится вода.

Подпочвенная вода оторвала со склона горы эти обломки скалъ, чтобы дать дорогу источнику; источникъ, ставши ручьемъ, толкалъ и увлекалъ ихъ все ниже; позднѣе, когда ручей превратится въ бурный потокъ, онъ снова захватитъ ихъ и понесетъ вплоть до моря. По обѣимъ сторонамъ этого ручья, часто прерываемаго настоящими водопадами, вьется нѣчто въ родѣ дороги среди лѣсной чащи изъ хлѣбныхъ и желѣзныхъ деревьевъ, пандановъ, бурао, кокосовыхъ пальмъ, гуявъ, чудовищныхъ папоротниковъ, — всей этой безумной растительности все болѣе и болѣе дикой, густой и непроходимой по мѣрѣ того, какъ подымаешься къ центру Острова.

Мы шли, оба нагіе, съ бѣлымъ и голубымъ „Парэо" на бедрахъ и топоромъ въ рукѣ, часто пересѣкая ручей, чтобы воспользоваться намекомъ на тропинку, которую мой проводникъ замѣчалъ, казалось, скорѣе нюхомъ, чѣмъ зрѣніемъ,—настолько трава, листья и цвѣты завладѣли пространствомъ и покрыли почву роскошной безпорядочной зарослью.

Тишина была полная, несмотря на жалобное журчаніе горной воды, монотонную жалобу, столь тихую и нѣжную, точно она аккомпанировала безмолвію.

И въ этомъ лѣсу, въ этомъ уединеніи, въ этой тишинѣ насъ было двое,—онъ, совсѣмъ молодой человѣкъ, и я, почти старикъ, съ душой, схоронившей столько иллюзій, съ тѣломъ, утомленнымъ столькими усиліями, съ этой длинной и роковой наслѣдственностью пороковъ, унаслѣдованныхъ отъ общества, больного морально и физически.

Съ животной гибкостью своего граціознаго тѣла андрогина шелъ онъ впереди меня. И мнѣ казалось, что я вижу, какъ олицетворяется въ немъ, трепещетъ и живетъ все то растительное великолѣпіе, которымъ мы были окружены. Властное благоуханіе красоты словно отдѣлялось и вѣяло отъ него.

Человѣкъ ли это шелъ передо мной? Былъ ли это мой наивный другъ, производившій на меня впечатлѣніе такой простой и въ то же время сложной натуры? Не былъ ли это, скорѣе, самъ лѣсъ, живой, безполый—и манящій.

У этихъ нагихъ племенъ, какъ и у животныхъ, разница между полами значительно меньше замѣтна, чѣмъ въ нашемъ климатѣ. Благодаря искусственности поясовъ и корсетовъ, намъ удалось сдѣлать изъ женщины неестественное существо, аномалію, которую сама природа, покорная закону наслѣдственности, помогаетъ намъ обезличить и утончить, и которую, на закатѣ нашей расы, мы заботливо поддерживаемъ въ состояніи нервной и мускульной слабости, освобождая ее отъ труда, то-есть отъ возможности развитія. И вылѣпленныя соотвѣтственно этому странному идеалу граціозности, наши женщины не имѣютъ больше ничего общаго съ нами, что не обходится безъ тяжкихъ моральныхъ и соціальныхъ послѣдствій.

На Таитѣ воздухъ моря и лѣса одинаково укрѣпляетъ всѣ легкія, дѣлаетъ широкими всѣ плечи, всѣ бедра, а солнечные лучи и береговые камешки не щадятъ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ. Они выполняютъ вмѣстѣ однѣ и тѣ же работы съ одинаковымъ усердіемъ или одинаковой лѣнью. Здѣсь нѣчто мужеское есть въ женщинахъ и нѣчто женственное въ мужчинахъ.

Это сходство половъ упрощаетъ ихъ отношенія, а вѣчная нагота, удаляя изъ мыслей опасное влеченіе къ тайнѣ, къ наградѣ, которую даритъ она при „счастливыхъ случайностяхъ", а также къ порочнымъ или садическимъ оттѣнкамъ цивилизованной любви,— придаетъ нравамъ естественную непорочность, совершенную чистоту. Мужчины и женщины, будучи товарищами и друзьями, въ такой же степени, какъ и любовниками, почти непрерывно соединены вмѣстѣ какъ для труда, такъ и для удовольствія, и самое понятіе порока имъ чуждо.

Почему же это смягченіе половыхъ отличій, среди опьяненія свѣтомъ и ароматами, внушило вдругъ старому цивилизованному человѣку, склонному къ новому и неизвѣстному, эту странную иллюзію андрогина?

Кровь приливала къ вискамъ, и колѣни мои подкашивались.

Но тропинка кончилась; чтобы перейти ручей, мой спутникъ обернулся и этимъ движеніемъ показалъ мнѣ свою грудь; андрогинъ

исчезъ. Это былъ дѣйствительно молодой человѣкъ, шедшій передо мною, и его спокойные глаза напоминали прозрачность тихихъ водъ.

Миръ снизошелъ на меня.

Мы остановились на минуту, и я испыталъ безконечное наслажденіе, наслажденіе скорѣе ума, чѣмъ чувства, при погруженіи въ свѣжую воду ручья.

— Тоё, toё (холодно), — сказалъ мнѣ Жотефа.

— О, нѣтъ! — отвѣтилъ я.

И это восклицаніе, которымъ я мысленно какъ бы завершилъ только-что происходившую во мнѣ борьбу противъ всей извращенной цивилизаціи и только-что сдѣланный мною выборъ между истиной и ложью, пробудило въ лѣсу звонкое эхо. И я подумалъ, что природа видѣла мою борьбу, слышала и понимаетъ меня, такъ какъ она отвѣтила на мой побѣдный крикъ своимъ великимъ голосомъ. Теперь, послѣ испытанія, она охотно приметъ меня въ лоно своихъ дѣтей.

Мы снова тронулись въ путь, и я проворно углубился въ чащу, проворно и страстно, словно надѣялся проникнуть въ самое сердце этой необъятной матери-природы и слиться съ ея живыми элементами.

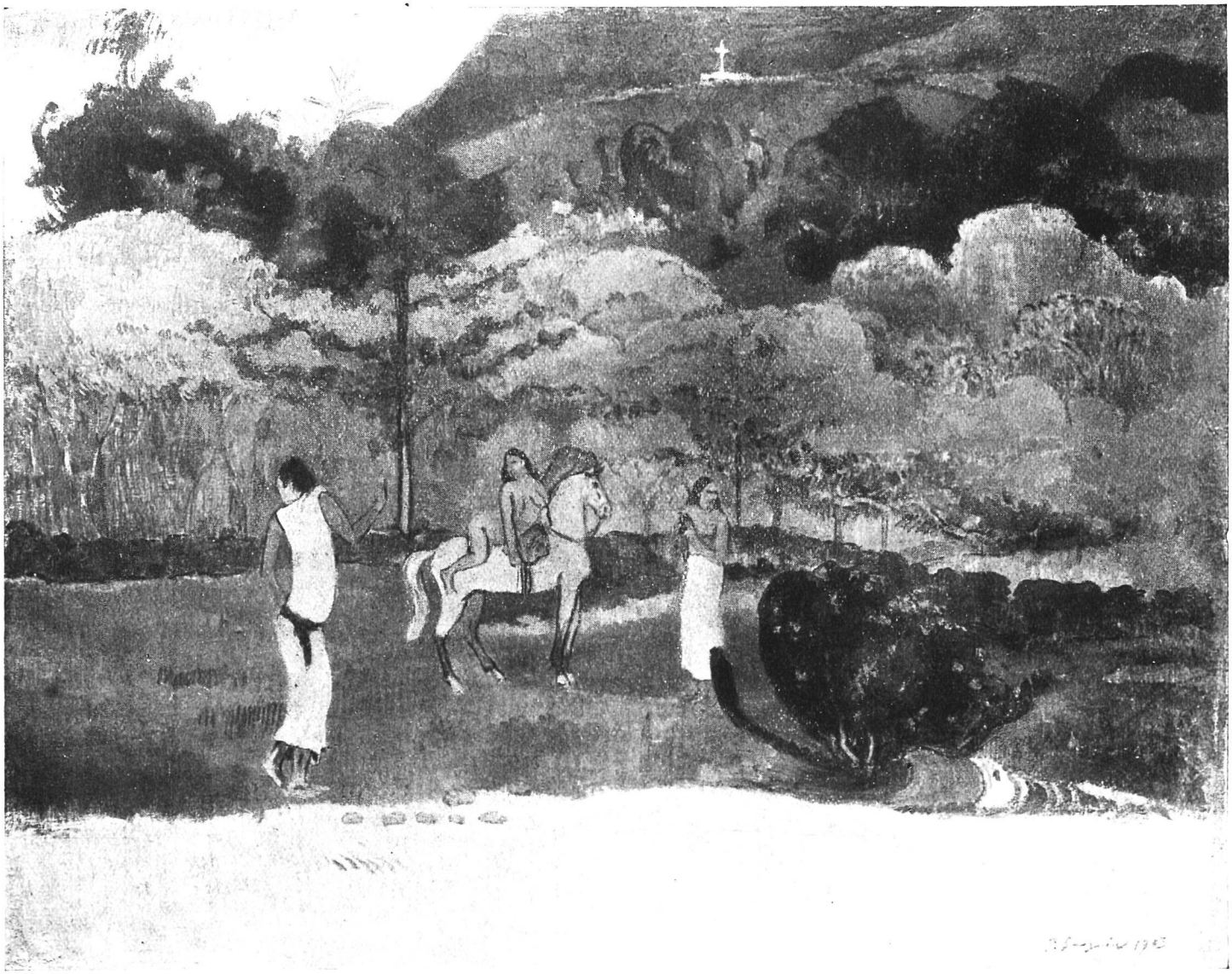
Мой спутникъ продолжалъ идти своимъ ровнымъ шагомъ, и его глаза были все время спокойны. Онъ ничего не заподозрилъ; я одинъ несъ тяжесть дурного соблазна...

Мы достигли цѣли.

Крутыя стѣны горы мало-по-малу раздались, и, позади глубокой завѣсы изъ деревьевъ, притаилось плоскогорье; но Жотефа зналъ мѣсто и привелъ меня къ нему съ удивительной увѣренностью.

Десятокъ розовыхъ деревьевъ раскинулъ тамъ свои широкія вѣтви.

Мы набросились съ топоромъ на лучшее изъ всѣхъ, и пришлось обречь его цѣликомъ, чтобы похитить у него одну вѣтку, подходящую для моего замысла.



П. Гогэнъ. Таитійскій пейзажъ.

Я рубилъ съ радостью, окровавляя свои руки, съ яростной радостью, съ великимъ наслажденіемъ, точно утоляя въ себѣ какую-то божественную жестокость. Это не по дереву ударялъ я, это не его думалъ я сразить. И я охотно бы услышалъ пѣсню моего топора еще и на другихъ стволахъ, когда этотъ приникъ къ землѣ.

И, казалось, говорилъ мнѣ топоръ въ тактъ звучащимъ ударамъ:

„Выруби съ корнемъ весь лѣсъ цѣликомъ,
„Весь уничтожь ты лѣсъ зла,
„Чьи сѣмена въ тебя нѣкогда брошены были дыханіемъ смерти!
„Самовлюбленность въ себя уничтожь!
„Вырви и зло уничтожь, какъ осенней порой обрываешь руками ты лотосъ!“

Да, былъ совсѣмъ уничтоженъ, совсѣмъ мертвъ во мнѣ съ той поры старый цивилизованный человѣкъ. Я возродился,—или, скорѣе, во мнѣ зародился другой человѣкъ, — другой, чистый и сильный.

Эта жестокая вспышка была послѣднимъ „прости“ цивилизаціи и злу. И это послѣднее проявленіе развращенныхъ инстинктовъ, которые дремлютъ на днѣ всѣхъ упадочныхъ душъ, вызвало по контрасту ощущеніе какого-то упоенія здоровой простотой жизни, у которой я уже прошелъ курсъ ученія. Я жадно вдыхалъ яркую чистоту свѣта. Другой человѣкъ! я былъ съ той поры хорошимъ дикаремъ, настоящимъ Маори.

И мы,— Жотефа и я,— возвратились въ Матаіэа, съ трудомъ и потихоньку неся нашъ тяжелый грузъ розоваго дерева.

Солнце еще не спряталось, когда мы, сильно утомленные, подошли къ моей хижинѣ:

Жотефа сказалъ мнѣ:

— Раїа? (ты доволенъ?).

Я ему отвѣтилъ:

— Да!

И въ глубинѣ своего сердца я повторилъ самому себѣ:

— Да!

Я не сдѣлалъ ни одного удара рѣзцомъ по этой вѣтви розоваго дерева безъ того, чтобы не вдыхать съ каждымъ разомъ все сильнѣе, благоуханіе побѣды и обновленія: Ноа-Ноа!

*

По долинѣ Пунару, — этой глубокой впадинѣ, которая раздѣляетъ Таити на двѣ части, — доходишь до плоскогорья Таманау. Оттуда можно видѣть Діадэмъ, Орофену, Арораи, — средоточіе острова.

О немъ мнѣ очень часто говорили, какъ о восхитительномъ мѣстѣ, и я рѣшилъ пойти туда и тамъ провести нѣсколько дней.

— А ночью, что ты будешь дѣлать?

— Тебя будутъ мучить Тупапау!

— Нехорошо безпокоить духовъ горы... Должно быть, ты сошелъ съ ума! — говорили мнѣ.

Я, вѣроятно, дѣйствительно сошелъ съ ума, такъ какъ эти тревожные уговоры моихъ таитянскихъ друзей только разожгли мое любопытство.

Какъ-то ночью, до зари, я направился къ Арораи.

Около двухъ часовъ подъ рядъ я могъ слѣдовать по тропинкѣ, которая тянется вдоль рѣчки Пунару. Но затѣмъ мнѣ пришлось много разъ переходить черезъ нее вбродъ. Съ обѣихъ сторонъ вздымались стѣны горы, совершенно отвѣсныя. Мнѣ пришлось въ концѣ-концовъ продолжать свой путь, идя въ рѣкѣ. Вода доходила по временамъ до колѣнъ, по временамъ до плечъ.

Между двумя стѣнами, которыя снизу казались мнѣ удивительно высокими и очень узкими въ своей верхней части, едва проникалъ солнечный свѣтъ среди бѣлаго дня. Въ полдень на пламенно синемъ небѣ я различалъ мерцаніе звѣздъ.

Около пяти часовъ, на склонѣ дня, я началъ уже подумывать о ночлегѣ, когда замѣтилъ справа почти ровный участокъ земли въ гектаръ величиной, гдѣ расли вперемежку папоротники, дикія

банановыя деревья и бурао. Мнѣ удалось найти нѣсколько зрѣлыхъ банановъ. Наспѣхъ я разложилъ костеръ, чтобы испечь ихъ, и это было моимъ обѣдомъ.

Затѣмъ, кое-какъ я улегся у подножья дерева, въ нижнія вѣтви котораго вплелъ банановыя листья, чтобы защитить себя на случай дождя.

Было холодно, и мое странствованіе по водѣ вызвало у меня дрожь.

Я спалъ плохо.

Но я зналъ, что заря не замедлитъ явиться и что мнѣ нечего бояться ни людей, ни животныхъ. На Таити нѣтъ ни хищныхъ звѣрей, ни пресмыкающихся. Единственными „дикими звѣрями" на островѣ являются свиньи, которыя, будучи выпущены въ лѣсъ, размножались тамъ въ полной дикости. Самое большее, чего мнѣ приходилось бояться, это какъ бы онѣ не пришли грызть мои ноги, и я зажалъ въ кулакъ веревку отъ своего топора.

Ночь была глубока. Немыслимо было что-либо различить, за исключеніемъ, совсѣмъ близко отъ моей головы, какой-то фосфорически свѣтящейся пыли, которая въ высшей степени заинтриговала меня. Я улыбнулся, думая о разсказахъ Маори про Тупапау, этихъ злыхъ духовъ, которые пробуждаются вмѣстѣ съ мракомъ для того, чтобы терзать уснувшихъ людей. Ихъ резиденція находится въ центрѣ горы, которую лѣсъ окружаетъ вѣчной тѣнью. Тамъ кишатъ они, и ихъ легіоны безпрерывно пополняются душами умершихъ...

Горе живому, который рискнетъ попасть въ мѣста, наводненныя демонами!

И я былъ этимъ смѣльчакомъ!

Такимъ образомъ, дрема моя была довольно тревожна...

Послѣ я узналъ, что эта свѣтящаяся пыль исходитъ отъ маленькихъ грибковъ особой породы; они вырастаютъ въ сырыхъ мѣстахъ мертвыхъ вѣтвей, въ родѣ тѣхъ, что послужили мнѣ для разводки огня.

На другой день, на разсвѣтѣ, я двинулся въ путь.

Рѣчка, все болѣе и болѣе прихотливая, то въ видѣ ручья, то въ видѣ потока или водопада, описывала удивительно капризныя излучины, и казалось по временамъ, что она возвращается вспять. Тропинка безпрерывно исчезала, и часто приходилось двигаться впередъ при помощи рукъ, перебираясь съ вѣтки на вѣтку силою мышцъ и едва касаясь земли.

Изъ глубины воды на меня смотрѣли раки необычайной величины и, казалось, говорили: „Что́ собираешься ты дѣлать тутъ?“— а столѣтніе угри ускользали при моемъ приближеніи...

Вдругъ на крутомъ поворотѣ я замѣтилъ молодую голую дѣвушку, прислонившуюся къ скалѣ, которую она, скорѣе, ласкала своими руками, чѣмъ придерживалась за нее. Она пила изъ источника, который безмолвно билъ среди камней. Кончивъ пить, она набрала себѣ въ руки воды и стала лить ее между грудями. Затѣмъ,— хотя я не произвелъ ни малѣйшаго шума,— словно пугливая антилопа, которая инстинктивно угадываетъ посторонняго, она наклонила голову, всматриваясь въ чащу, гдѣ я неподвижно стоялъ. Мой взглядъ не встрѣтился съ ея взглядомъ, но едва она замѣтила меня, какъ тотчасъ же нырнула, воскликнувъ:

— Taëhaë (злой!)...

Я заглянулъ въ рѣчку: никого,—только огромный угорь вьется змѣей между мелкими камешками дна.

Не безъ труда и усталости дошелъ я, наконецъ, совсѣмъ близко до Арораи, вершины острова, горы страшной и священной.

Былъ вечеръ, всходила луна, и, глядя, какъ она нѣжно обволакиваетъ своимъ легкимъ сіяніемъ грубое чело горы, я вспомнилъ знаменитую легенду:

— Paraü Hina Téfatou (Хина говорила Тэфату)—легенду, очень древнюю, которую молодыя дѣвушки охотно декламируютъ по вечерамъ на посидѣлкахъ и мѣстомъ дѣйствія которой онѣ избираютъ то самое мѣсто, гдѣ былъ я.

И мнѣ чудилось, что я вижу мощную голову человѣко-бога, голову героя, которую Природа наградила величавымъ сознаніемъ всѣхъ своихъ силъ, гордое лицо гиганта, разбивающаго на порогѣ

міра послѣднія линіи горизонта; женщина, ласковая и слабая, нѣжно прильнувъ къ нему, говоритъ ему:

— Воскреси человѣка, когда онъ умретъ.

И гнѣвныя, но не жестокія уста Бога открываются для отвѣта:

— Человѣкъ **умретъ!**

ГЛАВА IV.

Разсказчикъ продолжаетъ.

Съ нѣкотораго времени я сталъ хандрить. Моя работа страдала отъ этого. Правда, мнѣ не хватало многихъ существенныхъ матеріаловъ; меня раздражало мое безсиліе передъ лицомъ наиболѣе пылкихъ художественныхъ замысловъ.

Но больше всего мнѣ не хватало радости!

Уже прошло много мѣсяцевъ, какъ я разстался съ Тити; уже много мѣсяцевъ я не слышалъ больше дѣтскаго и пѣвучаго лепета этой „вахинэ", безпрерывно задающей мнѣ по поводу одного и того же одни и тѣ же вопросы, на которые я неизмѣнно отвѣчалъ тѣми же самыми разъясненіями.

И это молчаніе не было хорошо для меня.

Я рѣшилъ уйти, совершить вокругъ острова путешествіе, конечной цѣли котораго не преставлялъ себѣ ясно.

Въ то время, какъ я укладывался и приводилъ въ порядокъ свои этюды, мой сосѣдъ и хозяинъ, другъ Анани, смотрѣлъ на меня безпокойными глазами. Послѣ долгаго колебанія и нерѣшительной жестикуляціи, очень ясный смыслъ которой меня одновременно и забавлялъ и трогалъ, онъ, наконецъ, рѣшился спросить меня, не собираюсь ли я уѣхать совсѣмъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я ему, — я совершу лишь прогулку и вернусь черезъ нѣсколько дней.

Онъ не повѣрилъ мнѣ и сталъ плакать.

Его жена присоединилась къ нему и сказала мнѣ, что она меня любитъ, что мнѣ не надо денегъ для жизни среди нихъ, что, если бы я пожелалъ, то въ одинъ прекрасный день я смогъ бы навсегда найти покой—тамъ: она указала мнѣ на холмикъ около ея хижины, украшенный молодымъ деревцомъ.

И вдругъ у меня дѣйствительно явилось желаніе найти навсегда покой — тамъ. По крайней мѣрѣ, никто въ теченіе цѣлой вѣчности тамъ не безпокоилъ бы меня...

— Вы и ваши европейцы, — добавила жена Анани, — странные люди. Вы приходите, обѣщаете остаться, а когда васъ полюбятъ, вы уходите! Мы вернемся, увѣряете вы; но не возвращаетесь никогда...

— Нѣтъ, я могу поклясться, что въ этотъ разъ я намѣренъ вернуться. Послѣ (я не рѣшался лгать), послѣ мы посмотримъ...

Наконецъ, меня отпустили.

Свернувъ съ дороги, идущей вдоль берега моря, я направился по узкой тропинкѣ, между густыми кустарниками. Тропинка заводитъ меня довольно далеко на гору, и, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, я достигаю небольшой долины, жители которой живутъ по старо-маорійскому закону.

Они счастливы и спокойны. Они мечтаютъ, они любятъ, они видятъ сны, они поютъ, — они молятся, и кажется, что христіанство не проникло къ нимъ. Я ясно вижу передъ собой статую ихъ боговъ, хотя въ дѣйствительности они уже давно исчезли. Чудится статуя Хины, и празднества въ честь лунной богини. Идолъ изъ цѣльной глыбы, десяти футовъ отъ одного плеча до другого и сорока футовъ вышиной. На головѣ, вмѣсто чепца — огромный камень красноватаго цвѣта. Вокругъ — древняя ритуальная пляска— matamua—и переливы vivo, то радостные и свѣтлые, то меланхолическіе и томные, сообразно съ окраской часовъ...

Но я продолжаю свой путь.

Въ Таравао — мѣстечкѣ, наиболѣе отдаленномъ отъ Матаіэа, на другомъ концѣ острова, — одинъ жандармъ одалживаетъ мнѣ

свою лошадь, и я пробираюсь по восточному берегу, мало посѣщаемому европейцами.

Въ Фаонэ, маленькой деревнѣ, какъ бы предмѣстьи Итіа, я слышу, какъ меня окликаетъ туземецъ:

— Эй, Человѣкъ, дѣлающій людей! (онъ знаетъ, что я художникъ). Haëré maï ta maha! („иди поѣсть съ нами“ — таитянская формула гостепріимства).

Я не заставляю себя просить, настолько улыбка, сопровождающая приглашеніе, привѣтлива и ласкова.

Я слѣзаю съ лошади. Мой хозяинъ беретъ ее за поводъ и привязываетъ къ вѣткѣ дерева, ловко и просто, не выказывая никакихъ признаковъ раболѣпія.

И мы вмѣстѣ входимъ въ хижину, гдѣ собрались мужчины и женщины, сидя на землѣ, разговаривая и куря. Вокругъ нихъ играютъ и болтаютъ дѣти.

— Куда ты ѣдешь? — спрашиваетъ меня красивая маорійка, лѣтъ сорока.

— Я ѣду въ Итіу.

— Зачѣмъ?

Я не знаю, что́ за идея явилась у меня въ головѣ, а, быть можетъ, я дѣйствительно высказалъ настоящую цѣль моей поѣздки, скрытую до той поры для меня самого.

— Чтобы найти тамъ жену, — отвѣтилъ я.

— Но ихъ достаточно въ Фаонэ, и есть красивыя. Хочешь одну изъ нихъ?

— Да.

— Отлично! Если она тебѣ понравится, я тебѣ дамъ одну изъ нихъ. Это моя дочь.

— Она молода?

— Да.

— Она красива?

— Да.

— Она здорова?

— Да.

— Отлично, приведи мнѣ ее.

Женщина вышла.

Четверть часа спустя, въ то время, какъ принесли ѣду, — майорэ, дикіе бананы и раки, — она вошла въ сопровожденіи молоденькой дѣвушки, державшей въ рукахъ маленькій пакетъ.

Сквозь платье, изъ розовой, очень прозрачной кисеи, просвѣчивала золотистая кожа плечъ и рукъ. Двѣ крѣпкія почки выступали на грудяхъ. Это было большое, сильное и порывистое, съ чудесными пропорціями, дитя. Но въ ея красивомъ лицѣ я не узналъ того типа, который господствовалъ на островѣ. Ея волосы также были совершенно особенные, слегка вьющіеся и густые, словно кустарникъ. На солнцѣ все это образовывало настоящую оргію желтыхъ красокъ. — Мнѣ сказали, что она была родомъ съ острововъ Тонга.

Я поздоровался съ ней, она улыбнулась и сѣла рядомъ со мной.

— Ты не боишься меня? — спросилъ я ее.

— Aïta (нѣтъ).

— Хочешь ты жить въ моей хижинѣ, всегда?

— Eha (да).

Это было все.

Сердце мое билось, въ то время, какъ молодая дѣвушка раскладывала на землѣ, на большомъ банановомъ листѣ, пищу, предложенную для меня. Я ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, но былъ озабоченъ и глубоко взволнованъ. Это дитя, имѣвшее приблизительно тринадцать лѣтъ (18 или 20 лѣтъ Европы), восхищало и дѣлало робкимъ и почти страшило меня. Чтó могло происходить въ моей душѣ? И это я, я такой старый, колебался въ моментъ заключенія договора, въ которомъ всѣ выгоды были на моей сторонѣ...

Быть можетъ,—думалось мнѣ, — это мать ей приказала, вынудила ее. Быть можетъ, это—сдѣлка, изъ-за которой онѣ ссорились другъ съ другомъ... Но я успокоился, замѣтивъ на лицѣ молодой дѣвушки, въ ея жестахъ, въ ея осанкѣ ясные признаки независимости и гордости, столь характерные для ея расы. И моя увѣрен-

ность стала полной и непоколебимой, когда, изучивъ ее хорошо, я подмѣтилъ у нея выраженіе того свѣтлаго спокойствія, которымъ сопровождается всегда у юныхъ существъ какое-нибудь благородное, похвальное дѣйствіе. — Но насмѣшливая складка ея рта, въ общемъ, добраго, чувственнаго и нѣжнаго, предупреждала меня о томъ, что всѣ опасности предпріятія грозятъ мнѣ, а не ей...

Я не стану отрицать того, что когда я переступалъ порогъ хижины, мое сердце было сдавлено какимъ-то страннымъ и очень щемящимъ безпокойствомъ...

Часъ отъѣзда насталъ. Я сѣлъ на лошадь.

Молодая дѣвушка слѣдовала за мной сзади. Ея мать, одинъ мужчина, двѣ молодыхъ женщины,—ея тетки, какъ она говорила,—слѣдовали также за нами.

Мы возвращались въ Таравао, что лежитъ въ девяти километрахъ отъ Фаонэ.

Послѣ перваго километра мнѣ сказали:

— Parahi téié (здѣсь остановись).

Я слѣзъ съ лошади, и мы вшестеромъ вошли въ большую и опрятную хижину, почти богатую,—богатствомъ земли: красивыми цыновками на сѣнѣ.

Тамъ жила еще молодая и удивительно привлекательная чета. Моя невѣста сѣла рядомъ съ хозяйкой и представила ее мнѣ:

— Вотъ, моя мать.

Затѣмъ, въ молчаніи наполнили кубокъ свѣжей водой, которую мы всѣ поочереди пили съ торжественнымъ видомъ, словно дѣло шло о какомъ-то обрядѣ семейной религіи.

Затѣмъ та, на которую моя невѣста указала, какъ на свою мать, сказала мнѣ съ растроганнымъ видомъ и влажными глазами:

— Ты добрый?

Я отвѣтилъ, не безъ смущенія, экзаменуя свою совѣсть:

— Надѣюсь, что да.

— Ты сдѣлаешь мою дочь счастливой!

— Да.

П. Гогэнъ. Женщины Маори.

— Черезъ недѣлю она вернется сюда. Если она не будетъ счастливой, она покинетъ тебя.

Я согласился жестомъ. Водворилось молчаніе. Казалось, никто не осмѣливался нарушить его.

Наконецъ, мы вышли, и снова, верхомъ на лошади, я продолжалъ свой путь, все время въ сопровожденіи моего эскорта.

По пути мы встрѣтили много лицъ, знавшихъ мое новое семейство. Они уже были освѣдомлены о событіи и, привѣтствуя молодую дѣвушку, говорили ей:

— Какъ? Ты теперь вахинэ француза? Будь же счастлива.

Одинъ вопросъ безпокоилъ меня. Какимъ образомъ Тэхура (такъ называлась моя жена) имѣла двухъ матерей?

Поэтому я спросилъ ту, которая первая предложила мнѣ ее:

— Зачѣмъ ты мнѣ сказала неправду?

Мать Тэхуры отвѣтила мнѣ:

— Я не солгала. Другая тоже ея мать, — это ея кормилица.

*

Въ Таравао я вернулъ жандарму его лошадь, и тамъ произошелъ непріятный случай. Жена жандарма, француженка, безъ злого умысла, но и безъ всякаго такта, замѣтила мнѣ:

— Какъ? Вы привозите съ собой такую „потаскуху“?

И ея насмѣшливые глаза раздѣвали молодую дѣвушку, которая противопоставила гордое равнодушіе этому оскорбительному экзамену.

Одно мгновеніе наблюдалъ я это символическое зрѣлище двухъ женщинъ, олицетворявшихъ собою зеленые побѣги и безплодіе, вѣру и кононъ, природу и искусственность. Передо мною были двѣ расы, и мнѣ было стыдно за свою! Я страдалъ, когда увидѣлъ ее такой мелкой, такой нетерпимой, такой ограниченной,— и я быстро отвернулся отъ нея, чтобы отогрѣть и оживить свои взоры на блескѣ другой,—этого живого золота, которое я уже любилъ.

Прощаніе съ семействомъ произошло въ Таравао, у одного китайца, который продаетъ все, — поддѣльные ликеры и фрукты, ткани и оружіе, мужчинъ, женщинъ и животныхъ.

Мы, моя жена и я, сѣли въ наемный экипажъ, который насъ доставилъ за 25 километровъ въ Матаіэа,— ко мнѣ.

*

Моя жена говорила немного, но любила посмѣяться и поострить, и въ то же время была меланхолична.

Мы не переставали изучать другъ друга, но она оставалась непроницаемой для меня, и я былъ скоро побѣжденъ въ этой борьбѣ.

Хотя я и давалъ себѣ обѣщаніе наблюдать за собой и держать себя въ рукахъ, чтобы оставаться проницательнымъ наблюдателемъ, но мои нервы не сдерживали моихъ рѣшеній, и въ короткое время я сталъ для Тэхуры открытой книгой.

За свой счетъ и на своей собственной особѣ я увидѣлъ, такимъ образомъ, глубокую пропасть, которая отдѣляетъ океанійскую душу отъ латинской, и особенно отъ французской. Душа Маори не раскрывается сразу. Надо много терпѣнія и изученія, чтобы добиться обладанія ею. Даже тогда, когда кажется, что знаешь ее всю до дна, она сбиваетъ съ толку внезапными и самыми непредвидѣнными скачками. Это — сама Тайна или, скорѣе, безконечное сцѣпленіе тайнъ. Въ тотъ самый моментъ, когда думаешь, что постигъ ее, — она уже далека, недоступна, неуловима, закутана смѣхомъ и капризностью. Потомъ, когда она желаетъ этого сама, она приближается снова, — чтобы снова ускользнуть, какъ только увидитъ въ васъ малѣйшіе признаки увѣренности. И въ то время, какъ, заинтригованные ея личиной, вы ищете ея истинную сущность, она сама изучаетъ васъ со спокойной увѣренностью, изъ подъ маски своего постояннаго смѣха и этого беззаботнаго легкомыслія, быть можетъ, менѣе реальнаго, чѣмъ оно кажется...

Что касается меня, то я скоро отказался отъ этихъ задачъ, мѣшавшихъ мнѣ наслаждаться жизнью. Я сталъ жить просто, съ

довѣріемъ ожидая отъ вереницы дней тѣхъ откровеній, въ которыхъ мнѣ отказывали первыя минуты.

Такъ протекла недѣля, въ теченіе которой я пережилъ „дѣтство“, бывшее мнѣ самому незнакомымъ.

Я любилъ Тэхуру, и я говорилъ ей это, что заставляло ее смѣяться — она сама знала это очень хорошо!

Въ свою очередь, и она, повидимому, любила меня и совершенно не говорила мнѣ этого: — но иногда, по ночамъ, молніи сверкали изъ золота ее кожи...

*

На восьмой день—мнѣ казалось, что мы только что впервые вошли вмѣстѣ въ мою хижину, — Тэхура попросила у меня разрѣшеніе повидать свою мать въ Фаонэ. Это было обѣщано.

Я покорился съ грустью и, завязавъ въ платокъ нѣсколько піастровъ, чтобы она могла оплатить путевыя издержки и купить рому своему отцу, я проводилъ ее до повозки.

У меня было чувство прощанія навѣки.

Тягостны были послѣдующіе дни. Одиночество гнало меня изъ хижины, а воспоминанія звали меня обратно въ нее. Я не могъ сосредоточить своихъ мыслей ни на какой работѣ.

Прошла еще недѣля, и Тэхура вернулась.

*

Тогда началась вполнѣ счастливая жизнь. Блаженство и трудъ подымались вмѣстѣ съ солнцемъ, лучистые, какъ оно.

Золото ея лица затопляло радостью и свѣтомъ внутренность жилища и весь окрестный пейзажъ. Она больше не изучала меня, я больше не изучалъ ее. Она больше не скрывала отъ меня, что любитъ меня, я ей больше не говорилъ, что люблю ее.

Мы жили оба въ совершенной простотѣ.

Какъ хорошо было пойти утромъ освѣжиться въ сосѣднемъ ручьѣ,—такъ навѣрно, дѣлали въ Раю первый мужчина и первая женщина!

Таитянскій Рай—Navé Navé Fénua,—Восхитительная Земля!

И Ева этого Рая отдается мнѣ все болѣе и болѣе, покорная и любящая. Я весь пропитанъ ея ароматомъ: „ноа-ноа“! Она вовремя вошла въ мою жизнь. Нѣсколько раньше, быть можетъ, я не понялъ бы ея, а нѣсколько позже—было бы слишкомъ поздно. Теперь же я понимаю ее такъ, какъ я ее люблю, и черезъ нее проникаю я, наконецъ, въ тайны, бывшія до сихъ поръ недоступными для меня. Но, пока, мой разумъ не анализируетъ еще моихъ открытій и не распредѣляетъ ихъ въ своей памяти. Это моимъ чувствамъ ввѣряетъ Тэхура все, что она говоритъ. Это въ моихъ впечатлѣніяхъ и въ моихъ ощущеніяхъ найду я потомъ записанными ея слова. Такъ ведетъ она меня (болѣе вѣрно, чѣмъ я смогъ бы достичь этого инымъ методомъ) къ полному пониманію своей расы,—ежедневными уроками жизни.

И я не различаю больше ни дней и часовъ, ни зла и добра. Счастье настолько чуждо времени, что оно упраздняетъ понятіе о немъ. Я знаю только, что все хорошо, потому что все красиво.

И Тэхура совершенно не мѣшаетъ мнѣ, когда я работаю или отдаюсь мечтамъ. Тогда инстинктивно она умолкаетъ. Она хорошо знаетъ, когда можно говорить со мной, не мѣшая мнѣ,—и мы бесѣдуемъ объ Европѣ и Таитѣ, о Богѣ и о богахъ: я учу ее; она учитъ меня.

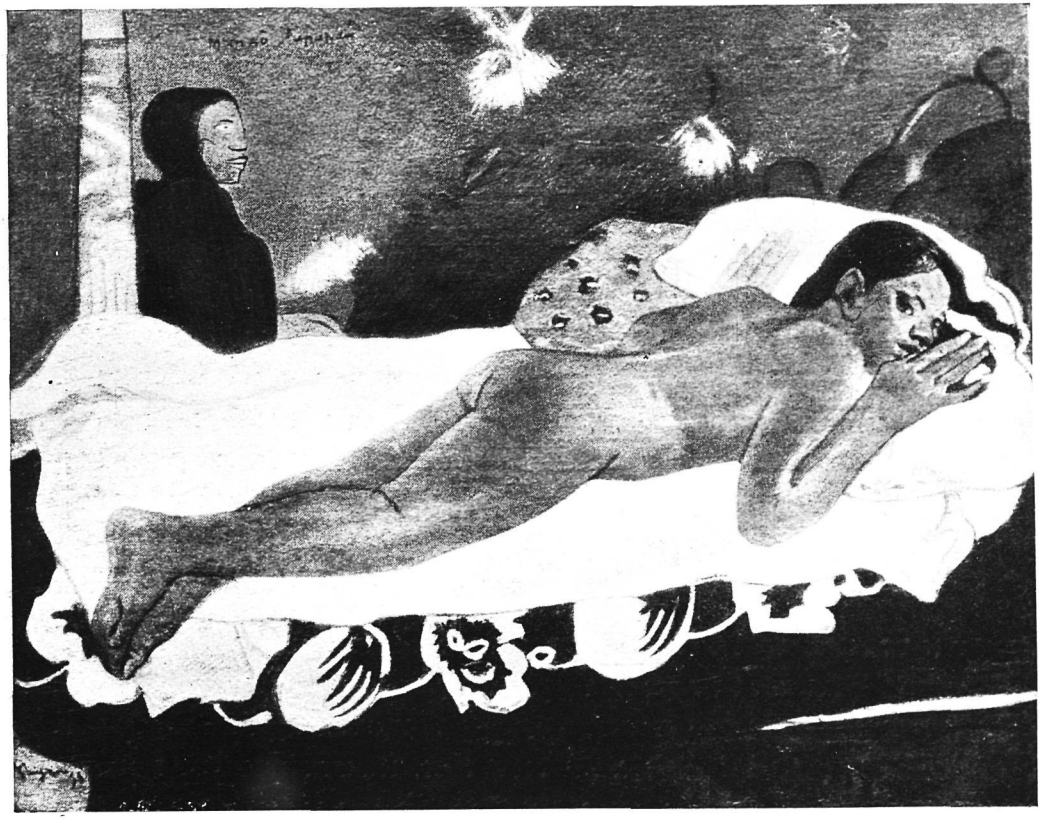
*

Однажды мнѣ надо было отправиться въ Папеэте.

Я обѣщалъ вернуться вечеромъ же; но повозка, которую я нанялъ, оставила меня по серединѣ дороги, и остальную часть пути я долженъ былъ совершить пѣшкомъ, и былъ уже часъ ночи, когда я вернулся домой.

Открывая дверь, я замѣтилъ съ тревогой въ сердцѣ, что свѣтъ былъ потушенъ. Въ этомъ, однако, не было ничего страннаго; по временамъ у насъ было мало матеріала для освѣщенія, и необходимость пополнить наши запасы была однимъ изъ мотивовъ моей отлучки. Но я содрогнулся отъ какого-то остраго ощущенія страха, словно предчувствія: навѣрно, птичка упорхнула...

Торопливо чиркнулъ я спичкой и увидѣлъ...



П. Гогэнъ. Духъ Мертвыхъ.

Неподвижная, голая, лежа животомъ на кровати, съ глазами, непомѣрно расширенными страхомъ, Тэхура смотрѣла на меня и, казалось, не узнавала меня. Я самъ въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній оставался въ странной неувѣренности. Ужасъ Тэхуры заражалъ и меня. Мнѣ мерещилось, что какой-то фосфорическій свѣтъ изливался изъ ея глазъ съ остановившимся взглядомъ. Никогда еще не видалъ я ее красивой такой потрясающей красотой. Кромѣ того, въ этомъ полумракѣ, навѣрно насыщенномъ для нея грозными призраками, многозначительными видѣніями, я боялся сдѣлать движеніе, которое могло бы довести до пароксизма ея ребяческій ужасъ. Развѣ я зналъ, чѣмъ въ этотъ моментъ я казался ей? Не приметъ ли она меня, съ моимъ встревоженнымъ лицомъ, за какого-нибудь изъ демоновъ или духовъ Туппапау, которыми легенды ея расы заселяютъ безсонныя ночи? Интенсивность ужаса, которымъ она была охвачена, подъ физическимъ и моральнымъ вліяніемъ суевѣрій, преобразила ее въ существо, столь чуждое мнѣ, столь отличное отъ всего, что я видѣлъ до тѣхъ поръ!

Наконецъ, она пришла въ себя, и я постарался образумить и успокоить ее.

Она слушала меня, надувъ губы, и, затѣмъ, голосомъ, въ которомъ дрожали слезы, сказала мнѣ:

— Не оставляй меня больше безъ свѣта...

Но едва затихъ страхъ, какъ пробудилась ревность:

— Что ты дѣлалъ въ городѣ? Ты ушелъ смотрѣть на женщинъ,—тѣхъ, что приходятъ на рынокъ пить и танцовать, и которыя отдаются офицерамъ, матросамъ и всякому встрѣчному...

Я не далъ разгорѣться ссорѣ, и эта ночь была тихой,—тихой и пламенной, тропической ночью...

*

Тэхура была иногда очень умной и очень любящей, иногда же очень безразсудной и легкомысленной. Въ одномъ существѣ жили двѣ различныхъ натуры,—не считая много другихъ ея ликовъ, безконечно разнообразныхъ,—которыя противорѣчили другъ другу

и смѣняли другъ друга съ ошеломляющей быстротой. Она не была измѣнчива, она была двойная, тройная, многоединая—дитя старой расы.

Однажды въ наше мѣстечко приходитъ вѣчный жидъ—разносчикъ (онъ попадается на островахъ, какъ и на континентѣ) съ коробомъ „драгоцѣнностей“ изъ позолоченной мѣди.

Онъ раскладываетъ свой товаръ; его окружаютъ.

Пара сережекъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Глаза всѣхъ женщинъ горятъ, всѣ жаждутъ ихъ получить.

Тэхура морщитъ брови и смотритъ на меня. Ея глаза говорятъ мнѣ очень ясно, но я притворяюсь, что не понимаю.

Она увлекаетъ меня въ сторону.

— Я ихъ хочу.

Я замѣчаю ей, что во Франціи эта побрякушка не имѣетъ никакой цѣны, что онѣ мѣдныя.

— Я ихъ хочу!

— Но, послушай! Платить двадцать франковъ за подобную гадость! Это было бы безуміемъ. Нѣтъ!

— Я ихъ хочу!

И со страстной лихорадочностью, съ глазами, полными слезъ:

— Какъ! Тебѣ не будетъ стыдно увидѣть эту драгоцѣнность въ ушахъ другой женщины? Вотъ одинъ говоритъ, что онъ продастъ свою лошадь, чтобы подарить эту пару сережекъ своей вахинэ!

Я не могу обречь себя на эту глупость и отказываю вторично.

Тэхура смотритъ еще разъ на меня, упорно, не говоря больше ни слова, и плачетъ.

Я ухожу, я возвращаюсь, даю еврею 20 франковъ, и солнце восходитъ снова.

Два дня спустя было воскресенье. Тэхура разодѣлась по праздничному. Ея волосы, вымытые съ мыломъ, высушенные на солнцѣ, были натерты благовоннымъ масломъ. Въ красивомъ платьѣ, съ

однимъ изъ моихъ платковъ въ рукѣ, съ цвѣткомъ за ухомъ,— босикомъ она отправляется въ храмъ.

— А серьги?—говорю я ей.

Тэхура дѣлаетъ презрительную гримасу:

— Вѣдь онѣ мѣдныя!

И, заливаясь смѣхомъ, она переступаетъ порогъ хижины и уходитъ, внезапно сдѣлавшись серьезной.

Въ часъ послѣобѣденнаго отдыха, раздѣтые, мы дремлемъ и въ этотъ день, такъ же, какъ и въ остальные дни, рядышкомъ,— дремлемъ или мечтаемъ. Быть можетъ, въ своей грёзѣ Тэхура видитъ сверкающія другія серьги.

Я же хотѣлъ бы забыть все, что я знаю, и вѣчно жить въ этой дремѣ...

*

Богъ вѣдаетъ, въ какой день года—была хорошая погода, чѣмъ не разнится одинъ день отъ другого въ таитійскомъ году,— намъ пришло въ голову, какъ-то утромъ, посѣтить друзей, хижина которыхъ была приблизительно въ десяти километрахъ отъ нашей.

Отправившись въ шесть часовъ, мы по холодку совершили свой путь довольно быстро и прибыли уже въ восемь часовъ.

Насъ не ждали: страшно обрадовались и, когда кончились объятія, то, чтобы порадовать насъ, пустились на поиски за поросенкомъ. Къ нему присоединили двухъ куръ. Великолѣпный осминогъ, только что пойманный утромъ, нѣсколько taro и банановъ дополнили меню обильнаго и вкуснаго угощенія.

Я предложилъ, въ ожиданіи полудня, отправиться въ гроты Мара, которые я часто видѣлъ издали и посѣтить которые мнѣ еще ни разу не представлялось случая.

Три молодыхъ дѣвушки, молоденькій мальчикъ, Тэхура и я, цѣлой маленькой веселой ватагой, живо совершили путь.

Со стороны дороги можно было бы принять этотъ гротъ, почти весь закрытый гуявами, за простую трещину въ скалѣ, за расще-

лину, нѣсколько болѣе явную, чѣмъ другія. Но раздвиньте вѣтки, проскользните на метръ вверхъ: солнца нѣтъ, вы находитесь въ нѣкой пещерѣ, задній фонъ которой вызываетъ у васъ мысль о маленькой сценѣ театра, а полъ ея, ярко краснаго цвѣта, кажется длиною въ сотню метровъ. По обѣимъ ея сторонамъ медленно вытягиваются какія-то огромныя змѣи, чтобы напиться воды на глади внутренняго озера: это корни, выростающіе изъ трещинъ скалы.

— А что, если мы выкупаемся?

Мнѣ возражаютъ, что вода слишкомъ холодна; затѣмъ, долгіе тайные переговоры въ сторонѣ и смѣхъ, щекочущій меня.

Я настаиваю: наконецъ, молодыя дѣвушки рѣшаются, сбрасываютъ свои легкія одежды и, лишь въ „парэо" на поясницѣ, мы уже въ водѣ.

Раздается дружный крикъ: toë-toë! (холодно).

Вода бурлитъ, и ея шумы отражаются тысячью эхо, вторящимъ также: toë-toë!

— Поплывешь со мной? — сказалъ я Тэхурѣ, указывая ей вглубь грота.

— Ты съ ума сошелъ? Туда, такъ далеко! А угри? Туда никогда не плаваютъ!

И, гибкая и граціозная, она шалитъ у берега, какъ молодая особа, очень гордая тѣмъ, что умѣетъ такъ хорошо плавать. Но вѣдь и я также умѣю очень хорошо плавать и, чего бы мнѣ ни стоило подвергнуться риску совсѣмъ одному, я направляюсь къ концу грота.

Но по какому-то странному обману зрѣнія онъ все удалялся отъ меня по мѣрѣ того, какъ я старался достичь его. Я двигался все впередъ, а съ обѣихъ сторонъ большія змѣи иронически поглядывали на меня. Разъ даже мнѣ показалось, что плыветъ толстая черепаха; ея голова вынырнула изъ воды, и я различалъ два блестящихъ неподвижныхъ глаза, смотрѣвшихъ на меня съ недовѣріемъ.—Глупости!—подумалъ я,—морскія черепахи не водятся въ прѣсной водѣ. Однако (неужели я дѣйствительно сталъ Маори?),

у меня являются сомнѣнія, и немногаго надо, чтобы я задрожалъ отъ страха. А что это тамъ за широкія, молчаливыя струи,—тамъ предо мной? Угри?.. Нѣтъ, надо стряхнуть съ себя это парализующее ощущеніе страха!

Я нырнулъ внизъ головой, чтобы достичь дна. Но мнѣ пришлось вынырнуть, не коснувшись его. Съ берега Тэхура кричитъ мнѣ:

— Возвращайся!

Я оборачиваюсь и вижу ее совсѣмъ вдалекѣ, совсѣмъ маленькой... Почему разстояніе и въ этомъ направленіи также уходитъ въ безконечность? Тэхура теперь только черная точка въ свѣтящемся кругѣ.

Я упорствую въ бѣшенствѣ. Уже цѣлыхъ полчаса я плыву, но конецъ грота рисуется мнѣ все также далеко...

Пунктъ отдохновенія, какой-то небольшой выступъ, а дальше все еще зіяющая дыра, которая уходитъ... но куда же? Тайна, которую я отказываюсь понять! И, наконецъ, сознаюсь: я дѣйствительно испытываю страхъ...

Мнѣ понадобился слишкомъ часъ, чтобы вернуться назадъ.

Тэхура одна поджидала меня. Ея подруги преспокойно ушли.

Тэхура произнесла молитву, и мы вышли изъ грота.

Я еще немного дрожалъ—отъ холода. Но на свѣжемъ воздухѣ я постарался овладѣть собой, особенно когда Тэхура съ улыбкой, въ которой мнѣ чудилось лукавство, спросила меня:

— Ты не боялся?

И съ безстыдствомъ я отвѣтилъ ей:

— Мы, французы, никогда не боимся!

Тэхура не выказала ни сожалѣнія, ни удивленія. Но я замѣтилъ, что она наблюдала за мной исподтишка, когда я отошелъ на нѣсколько шаговъ, чтобы сорвать ей душистыя „тіарэ“ и посадить ихъ въ чащу ея шевелюры.

Дорога была красива, море великолѣпно. Прямо передъ нами Морэа раскинула свои гордыя и величественныя вершины.

Какъ хорошо жить! И съ какимъ бодрымъ аппетитомъ пожи-

раешь, по возвращеніи съ двухчасового купанья, искусно приготовленнаго поросенка, поджидающаго васъ дома!

Богатая свадьба справлялась въ Матаіэа,—настоящая свадьба, свадьба церковная и законная, какъ стремятся установить это миссіонеры у обращенныхъ таитянъ.

Я былъ приглашенъ на нее, и Тэхура пошла туда вмѣстѣ со мной.

Угощеніе составляетъ на Таити—какъ и въ другихъ мѣстахъ, полагаю,—основу празднества. На Таити, по крайней мѣрѣ, на этихъ торжествахъ проявляютъ величайшую кулинарную роскошь. Поросята, жареные на горячихъ камняхъ, невѣроятное обиліе рыбъ, майрэ, банановъ и плодовъ гуявы, таро и т. д.

Столъ, за которомъ сидѣло значительное число приглащенныхъ гостей, былъ поставленъ подъ импровизированной крышей, изящно украшенной листьями и цвѣтами.

Всѣ родственники и всѣ друзья обоихъ супруговъ были налицо.

Молодая дѣвушка—учительница мѣстечка, полубѣлая,—выходила замужъ за подлиннаго маори, сына начальника округа, Пунааиіа. Она была воспитана въ „монастырскихъ школахъ“ Папеэтэ, и протестантскій епископъ, интересовавшійся ею, самъ содѣйствовалъ заключенію этого брака, который многіе находили немного поспѣшнымъ.—Но тамъ, чего хочетъ епископъ, того хочетъ и Богъ...

Въ теченіе цѣлаго часа ѣдятъ и пьютъ. Послѣ этого начинаются рѣчи. Ихъ много. Ихъ произносятъ въ порядкѣ и методично, и это очень любопытный конкурсъ краснорѣчія.

Затѣмъ выдвигается важный вопросъ: которое изъ обоихъ семействъ дастъ новое имя новобрачной? Этотъ національный обычай, восходящій къ глубокой древности, составляетъ драгоцѣнную прерогативу, которой очень завидуютъ и которую сильно оспариваютъ. Не рѣдкость, что споры изъ-за этого вопроса переходятъ въ драку.

Ничего подобнаго не было въ этотъ день. Все обошлось весело и мирно. По правдѣ сказать, весь столъ былъ довольно пьянъ. Сама моя бѣдная вахинэ (я не могъ наблюдать за ней), увлеченная общимъ примѣромъ, вышла оттуда, увы, совершенно опьяненной! И не безъ труда я доставилъ ее до дому...

Въ центрѣ стола возсѣдала жена начальника Пунааулa, съ изумительно достойной осанкой. Ея платье изъ оранжеваго бархата, претенціозное и яркое, придавало ей видъ лубочной красавицы. Но природное изящество ея расы и сознаніе своего положенія сообщало всей этой мишурѣ какое-то величіе. На таитянскомъ праздникѣ, среди испареній отъ яствъ и благоуханія цвѣтовъ, присутствіе этой величественной женщины, очень чистаго типа, добавляло, казалось мнѣ, благоуханіе, еще болѣе сильное, чѣмъ всѣ другія, и всѣхъ опьянявшее...

Рядомъ съ ней сидѣла столѣтняя бабка, отвратительная въ своей дряхлости, которую еще болѣе страшной дѣлалъ двойной рядъ сохранившихся каннибальскихъ зубовъ.

Она мало интересовалась совершавшимся вокругъ нея, неподвижная, застывшая, почти мумія. Но татуировка на ея щекѣ,— темный знакъ, напоминавшій очертаніе латинской буквы,—говорила за нее моимъ глазамъ и разсказала мнѣ ея исторію.

Эта татуировка ничѣмъ не походила на татуировку дикарей: она безусловно была сдѣлана рукой европейца.

Я навелъ справки.

Нѣкогда, сказали мнѣ, миссіонеры со свирѣпостью разыскивая развратъ, клеймили нѣкоторыхъ женщинъ знакомъ безчестья, „адской печатью“,—что̀ покрывало ихъ позоромъ: вовсе не по причинѣ совершеннаго грѣха, но потому, что подобный „отличительный знакъ“ былъ смѣшенъ и безславенъ.

Я понялъ, въ этотъ день лучше, чѣмъ когда-либо, недовѣріе Маори къ европейцамъ, недовѣріе, которое существуетъ еще и понынѣ, несмотря на то, что оно умѣряется благородными и гостепріимными инстинктами океанійской души.

Сколько лѣтъ прошло между бабкой, заклейменной миссіонеромъ, и молодой дѣвушкой, повѣнчанной священникомъ! Но клеймо остается неизгладимымъ, свидѣтельствуя и о пораженіи расы, получившей его, и о подлости расы, его наложившей...

Пять мѣсяцевъ спустя, молодая новобрачная произвела на свѣтъ хорошо сформировавшагося ребенка. Ярость родителей, требующихъ развода! Молодой человѣкъ воспротивился этому:

— Разъ мы любимъ другъ друга, что̀ за дѣло до этого? Развѣ не въ нашихъ обычаяхъ усыновлять дѣтей другихъ? Я усыновляю этого.

Но почему такъ старался епископъ ускорить церемонію бракосочетанія? Объ этомъ много шептались; злые языки сообщали, что... Да, есть злые языки даже и на Таити!..

ГЛАВА V.

Navé navé Fénua.

(Восхитительная земля).

Въ моей душѣ, мало-по-малу освободившейся отъ великихъ заблужденій подъ наплывомъ божественныхъ радостей, всегда однѣхъ и тѣхъ же и мѣняющихся лишь согласно часамъ, — воцарились просвѣтленіе и простота. Съ непрерывнымъ успѣхомъ восхожу я до осознанія моей внутренней правды и уже провижу ее.

На берегу моря или подъ деревьями, на лѣсной опушкѣ, я усаживаюсь, иногда одинъ, но гораздо чаще рядомъ съ той, чьи твердыя и гладкія ноги подобны молодымъ стволамъ крѣпкихъ кокосовыхъ пальмъ, рядомъ съ той, чьи уста знаютъ смѣхъ, имена боговъ и мое имя,—и мы живемъ въ простотѣ и въ солнечномъ блескѣ.

Когда она серьезна, а я мечтателенъ,—то, въ дѣйствительности, мы лишь отражаемъ: я—солнечный свѣтъ, а она—его лучи, которыми полны мои глаза. Наша простота расцвѣтаетъ въ солнечномъ свѣтѣ—онъ открываетъ намъ все, что только нужно знать отнынѣ.

Однако, случается, что мы трепещемъ, когда чувствуемъ, что нашихъ душъ коснулся отблескъ потерянной Тайны, одной изъ глубочайшихъ тайнъ, которыми владѣли предки Тэхуры. Болѣе близкіе, чѣмъ мы, къ Великому Сердцу, они не нуждались во всемъ томъ, что знаемъ мы. Ибо солнце, которое выше педантичныхъ и мало надежныхъ изысканій разума, открывало предкамъ Тэхуры тайну и смыслъ жизни. Намъ же оно посылаетъ лишь жизнь, свѣтлую и простую. По крайней мѣрѣ, это—подлинная жизнь,—неограниченное владѣніе тѣмъ мгновеніемъ, въ которомъ я живу, со своимъ счастливымъ тѣломъ и своимъ очарованнымъ духомъ.

Съ высоты этой Сладостной Земли какими жалкими казались мнѣ старыя докучныя воспоминанія, эти сложныя заботы о будущемъ, въ которыхъ изнываетъ городская Европа, лишенная здѣшняго солнца и здѣшнихъ богатствъ, угрюмая, желѣзная, пустая,—и этотъ звукъ монетъ, презрѣнный звукъ убѣгающаго времени, единственный припѣвъ, которымъ отмѣчается тамъ ужасъ или удовольствіе его бѣга. Такъ какъ Европа утратила понятіе о вѣчности, то она не знаетъ настоящаго. Дѣятельность людей поглощается тамъ заботой о неуловимомъ „завтра", и когда они имѣютъ немного отдыха, — прошлое со злобной горечью воскресаетъ въ ихъ мысли, испепеляемой сожалѣніями. Сожалѣнія и угрызенія, надежды и желанія: они были и они будутъ. Но ихъ, европейцевъ, никогда нѣтъ.

Я же, на этой Сладостной Землѣ—подлинный я, обожающій всѣ мельчайшія ежедневныя перемѣны, во всей ихъ глубинѣ. Съ непосредственностью наслаждаюсь я свѣтомъ, пока онъ горитъ. Я умѣю жить сегодня.

Мнѣніе другихъ меня вовсе не интересуетъ, а другихъ не интересуетъ мое мнѣніе: но видишь ли качающуюся тѣнь тамариска на порогѣ моей хижины?—Какъ онъ счастливъ и красивъ! Какъ онъ пышенъ! Какъ онъ щедръ! Какъ раздѣляетъ онъ радость, которую доставляетъ мнѣ.

Меня не интересуетъ ни то, что̀ я буду дѣлать сегодня вечеромъ, ни дѣла завтрашняго дня; еще меньше—проклятые вопросы, тревожащіе общество.

Я гляжу на грудь женщины, я восхищаюсь ею и въ ней я нахожу важныя откровенія; я слушаю ее и, покорный, повинуюсь ей, если она повелитъ.

И я знаю также, какое знаніе исходитъ изъ трясущейся головы старика или изъ свѣжаго ротика ребенка, который смѣется.

И я знаю, что это знаніе есть все знаніе, все искусство и вся жизнь.

Съ его помощью понимаешь то, что есть, любишь то, что есть: ребенка—въ ребенкѣ. Зачѣмъ любить будущаго человѣка?

Съ его помощью приближаешься къ вѣчности, которая не имѣетъ будущаго,—и съ помощью этого знанія радости и любви, которое расцвѣтаетъ въ твоихъ садахъ, о, Сладостная Земля, я постигъ счастье и излѣчился отъ западнаго недуга—надежды.

*

Ласки и бурности, задумчивость и капризы, вся—измѣнчивость и, вмѣстѣ съ тѣмъ—всегда одна и та же!

Это—противорѣчивая и постоянная гармонія свѣжести жизни, и яснаго утра съ предосторожностями и страхами вечера, полнаго угрозъ.

Это—быстрая пирога на волнахъ, безпрерывно подымающаяся и ныряющая.

Это — мудрость, это — человѣческій смѣхъ, ибо онъ всегда близокъ къ слезамъ ребенка.

Это—игра, подчинившаяся логикѣ вѣтровъ,—чьи неизвѣстны законы,—игра тѣни, длинной и гибкой тѣни папоротника, ласкающей траву.

Это—гамма, перебираемая однимъ головокружительнымъ движеніемъ пальцевъ, разрѣшающаяся единымъ аккордомъ всѣхъ

чувствъ и ощущеній жизни; это—укусъ въ поцѣлуѣ и рана въ опьяненіи побѣдой.

Это—Блаженный Островъ, это—Сладостная Земля!

— И это—Тэхура!

*

Я, теперь—подлинный я, вольный изгнанникъ и пріемный сынъ Сладостной Матери, я знаю многое,—я знаю, какъ подобаетъ почитать Луну (послѣ Солнца, верховнаго Бога и неизмѣнной сущности Великихъ Боговъ)—какъ подобаетъ рисовать ея образъ и лѣпить, чтобы люди любили Богиню, боялись ея и воздавали ей почести.

Она измѣнчива, но одинаково прекрасна въ своемъ гнѣвѣ и въ своей нѣжности.

Надо возславить сначала Хину Охотницу: Хину крови и смерти.

Въ ужасающей ночи лѣсныхъ чащъ, гдѣ змѣятся красныя ліаны,—обитаетъ она.

Никогда не вторгается день въ это убѣжище, и ни одинъ звукъ жизни ни раздается оттуда, не одинъ звукъ, даже тогда, когда Богиня быстро подымается, отправляясь въ свой путь, и исчезаетъ въ кустарникахъ. Она нѣма, и подъ ея жесткими ногами замолкаетъ устрашенная земля.

Если ты долго вглядывался въ глубь мрака,—Она тамъ; ты увидалъ бы, по мѣрѣ того, какъ свѣтъ неба убѣгалъ бы отъ твоихъ глазъ, въ ночи лѣсной чащи ея тѣло, страшное и гигантское, испускающее свѣтъ.

Безплоднымъ свѣтомъ, который горитъ, не порождая тепла, и который освѣщаетъ только ея собственные шаги, въ ужасающей ночи лѣсныхъ чащъ, сіяетъ она, Хина Лѣсовъ.

Гляди подольше въ темную глубь—Она тамъ...

*

Но возславимъ же и Хину благосклонную и добрую! Чествуйте Хину жизни и любви!

Подъ вѣтвями развѣсистаго манговаго дерева, которое прикрываетъ расщелину большого оврага,—усѣлись юноши съ свирѣлью въ рукахъ.

Наверху угрожающе грохочутъ небеса, гдѣ бодрствуетъ Таароа.

Передъ юношами, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ идолъ высѣченной изъ камня гигантской Хины,—неподвижныя, обнаженныя, со сверкающей бронзою кожей и сверкающими, въ послѣднихъ лучахъ солнца, глазами, стоятъ группы дѣвушекъ.

Въ ожиданіи, всѣ они, и юноши и дѣвушки, молитвенно молчатъ.

И вдругъ, вмѣстѣ съ звонкимъ вскрикомъ женскаго голоса, за которымъ быстро несутся острые звуки vivo, танцовщицы отдаются священной игрѣ любовнаго танца. И Богиня, которой посвященъ этотъ праздникъ, возбуждаетъ танцующихъ затишьемъ вечера и нѣгой тѣлъ.

И все ускоряется темпъ пѣсенъ. Горячій запахъ человѣческаго тѣла примѣшивается къ сильному благоуханію растеній, говорящихъ свое прости знойнымъ ласкамъ умирающаго дня. Острый и крѣпкій ароматъ жизни вѣетъ въ этомъ замкнутомъ кругѣ разгорающагося праздника. И вотъ сладострастное и мистическое опьяненіе доходитъ до безумія. Мало-по-малу смолкаютъ пѣсни и звуки vivo. Но танецъ, послушный все ускоряющемуся такту, который слышенъ даже въ тишинѣ, развертывается все быстрѣе и быстрѣе. Въ нѣмомъ смѣхѣ ртовъ, въ смѣхѣ забвенія, на судорожно скорченныхъ губахъ, сверкаютъ широкіе зубы еще ярче, чѣмъ зрачки. Какое-то чувственное ожесточеніе возникаетъ въ зовахъ повелительно протянутыхъ рукъ, въ быстрыхъ взлетахъ ногъ—пока, наконецъ, не опускается ночь,—ночь, полная вздоховъ и вскриковъ...

Отъ такихъ ночей могло бы возродиться Прошлое съ его раздольной дикостью, съ его подлинными Богами (которые родились отъ подобныхъ же ночей), съ его привилегіями священной проституціи и героическаго экстаза.

И я вѣрю въ это религіозное безуміе и въ это любовное бѣшенство: Хина—богиня любви и Хина—богиня смерти—это, ко-

нечно, одна и та же Богиня, чудовище съ головой дикаго звѣря и грудями женщины.

Я прислушиваюсь къ своимъ мыслямъ теперь, когда ночь глубока и тиха, я иду по берегу, среди воздуха, еще напоеннаго людскими и растительными испареніями.

Цвѣты умерли, попранные ногами любовниковъ. Сладостно вдыхаю я этотъ властный ароматъ, эти концентрированные духи смерти и любви.

Не торопясь, добираюсь я до моей хижины. Уже окрашивается востокъ, и тамъ вверху, словно огромный изумрудъ, сверкаетъ лѣсъ въ зеленомъ апоѳеозѣ своей листвы, хранящей вѣчный свѣтъ,— а еще выше—Арораи, голая, одинокая, угрюмая вершина, гдѣ бодрствуетъ Таароа.

ГЛАВА VI.

Вечеромъ, въ постели, мы ведемъ долгіе разговоры, долгіе и часто очень серьезные.

Теперь, когда я могу понимать Тэхуру, въ которой дремлютъ и иногда мечтаютъ ея предки, я стараюсь смотрѣть и мыслить сквозь призму этой дѣтской души и находить въ ней слѣды далекаго прошлаго, умершаго соціально, но пережившаго себя въ смутныхъ воспоминаніяхъ.

Я разспрашиваю ее, и мои вопросы не остаются безъ отвѣта.

Быть можетъ, мужчины, болѣе порабощенные нашимъ завоеваніемъ или искушенные нашей цивилизаціей, и позабыли о прошломъ. Боги былыхъ временъ нашли себѣ убѣжище въ памяти женщинъ. И какое трогательное зрѣлище являетъ Тэхура, когда, по моему внушенію, воскресаютъ постепенно въ ея мысляхъ національныя божества, освобождаясь отъ искусственныхъ покрововъ, въ которыхъ думали похоронить ихъ миссіонеры. Въ общемъ, дѣятельность законоучителей была крайне поверх-

ностной. Ихъ вліяніе, особенно на женщинъ, мало соотвѣтствуетъ ихъ ожиданіямъ. Ихъ ученіе подобно тонкому слою лака, который трескается и быстро уступаетъ малѣйшему умѣлому воздѣйствію.

Тэхура регулярно посѣщаетъ службу и выполняетъ устами и пальцами предписанія офиціальной религіи. Но она знаетъ наизусть,—и это немалый багажъ,—имена всѣхъ боговъ маорійскаго Олимпа. Она знаетъ ихъ исторію, она разсказываетъ мнѣ, какъ создали они міръ, какъ они управляютъ имъ, какъ они любятъ почести. Строгости христіанской морали ей чужды — она о нихъ не заботится и, напримѣръ, совершенно не думаетъ каяться въ томъ, что состоитъ любовницей,—какъ они говорятъ,—„танэ"-мужчины.

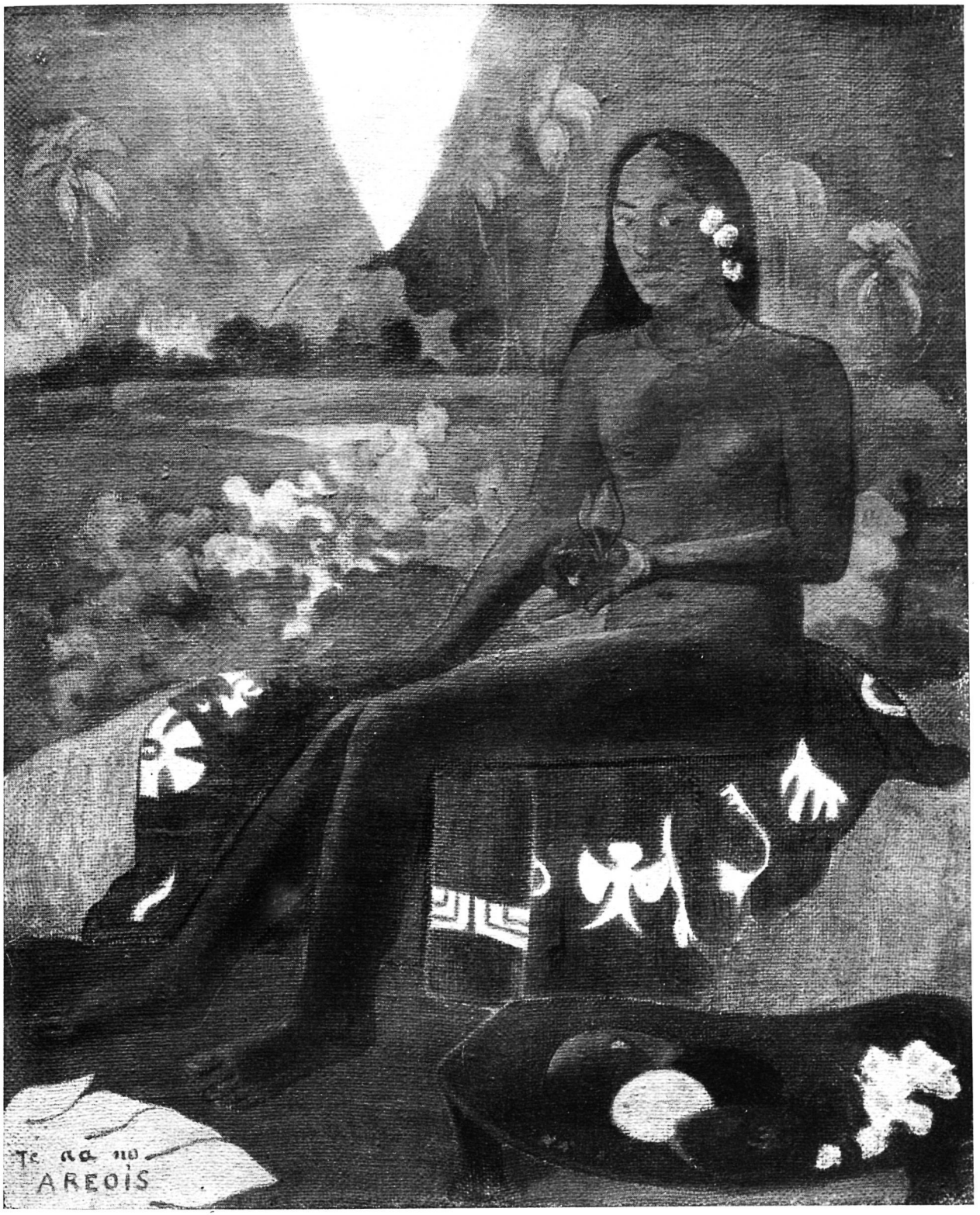
Я не вполнѣ понимаю, какъ сочетаетъ она въ своей душѣ Таароа и Христа. Я думаю, что она боготворитъ ихъ обоихъ.

Случайно, она прочла мнѣ полный курсъ таитянской теологіи. Въ свою очередь, я стараюсь объяснить ей, сообразно основамъ европейской науки, нѣкоторыя явленія природы.

Звѣзды интересуютъ ее очень сильно. Она меня спрашиваетъ, какъ называютъ по-французски утреннюю звѣзду, звѣзду вечернюю и другія звѣзды. Ей трудно понять, что земля вращается вокругъ солнца...

Она называетъ мнѣ звѣзды на своемъ языкѣ, и въ то время, какъ она говоритъ, я различаю по сіянію звѣздъ священныя формы маорійскихъ владыкъ воздуха и огня, острововъ и водъ.

Жители Таити давно уже (насколько можно проникнуть въ ихъ исторію) обладаютъ довольно широкими познаніями въ астрономіи. Періодическія празднества Арэоевъ — членовъ тайнаго общества, одновременно религіознаго и военнаго, которое господствовало надъ островами и о которомъ мнѣ еще придется говорить,—основывались на перемѣщеніяхъ созвѣздій. Маори, повидимому, не были незнакомы съ природой луннаго свѣта. Они предполагали, что луна есть шаръ, весьма похожій на землю и, подобно ей, населенный и богатый растительностью.



П. Гогэнъ. Таитянка.

Они вычисляли разстояніе отъ земли до луны слѣдующимъ способомъ: сѣмя дерева Ора было принесено съ луны на землю бѣлымъ голубемъ. Ему понадобилось двѣ луны, чтобы достичь спутника, и когда, послѣ двухъ другихъ лунъ, онъ свалился обратно на землю, онъ былъ безъ перьевъ. Эта птица, изъ всѣхъ, какихъ только знаютъ Маори, считается способной къ самому быстрому полету.

И вотъ таитянская классификація звѣздъ. Я пополняю урокъ Тэхуры при помощи обрывка очень древней надписи, найденной въ Полинезіи.

Развѣ слишкомъ смѣло видѣть въ этомъ—набросокъ продуманной астрономической системы, а не простую игру воображенія?

Роуа—самаго высокаго происхожденія—спалъ со своей женой, землей Мрака.

Она родила короля—Солнце,—затѣмъ Сумерки и Ночь.

Тогда Роуа отвергъ эту жену.

Роуа спалъ съ женой, называемой Великое Соединеніе.

Она родила царицъ неба, созвѣздія, затѣмъ звѣзду Таити, звѣзду вечернюю.

Король золотого неба, единственный король, спалъ со своей женой Фаноуи.

Отъ нея родилась звѣзда Тауроуа (Венера), утренняя звѣзда,—король Тауроуа, который даетъ законы ночи и дню, другимъ звѣздамъ, лунѣ и солнцу и служитъ проводникомъ морякамъ.

Тауроуа поплылъ налѣво, къ сѣверу, и тамъ прижилъ съ женой сына, Красную звѣзду, ту звѣзду, что сверкаетъ вечеромъ съ двухъ сторонъ.

Красная звѣзда, улетѣвъ на востокъ, приготовила свою пирóгу, пирóгу свѣтлаго дня, которую и направила къ небесамъ. Она поплыла на восходъ солнца.

Рехоуа движется въ пространствѣ. Онъ спитъ со своей женой Оура Танеипа.

Отъ нихъ родились короли Близнецы, что напротивъ Плеядъ.

Эти Близнецы, конечно, тѣ же самые, что наши Касторъ и Поллуксъ.

Эта первая версія полинезійскаго „Бытія“ усложняется варіантами, которые, быть можетъ, являются только дальнѣйшимъ ея развитіемъ.

Таароа спалъ съ женой, которая называется Богиней Внѣшняго Пространства (или моря).

Отъ нихъ родились облака бѣлыя, облака черныя и дождь.

Таароа спалъ съ женой, которая называется Богиней Внутренняго Пространства (или земли).

Отъ нихъ родился Первый Зачатокъ.

Родилось все, что растетъ на поверхности земли.

Родился горный туманъ.

Родился тотъ, кто называется Сильный.

Родилась та, которая называется Прекрасной или „Украшенной, чтобы нравиться“.

Махоуи *) готовится ѣхать на своей пирóгѣ.

Онъ садится на дно. Съ праваго боку у него виситъ рыболовный крючекъ, прикрѣпленный къ удилищу волосяной леской.

И это удилище, которое онъ держитъ въ своей рукѣ, и этотъ крючекъ онъ спускаетъ въ глубину міра, чтобы выудить большую рыбу (землю).

Крючекъ зацѣпилъ.

Уже показываются оси, уже Богъ чувствуетъ страшную тяжесть міра.

Тэфату (Богъ земли и сама земля), пойманный на крючекъ, выплываетъ изъ ночи,—изъ безконечности.

Махоуи поймалъ большую рыбу, которая плаваетъ въ пространствѣ, и которую онъ можетъ теперь направлять по своему желанію.

Ее онъ держитъ въ своей рукѣ.

Махоуи направляетъ, кромѣ того, бѣгъ солнца такимъ образомъ, чтобы день и ночь были одинаковой длительности.

---

*) Этотъ Махоуи, повидимому, совпадаетъ съ Таароа, какъ и Роуа, создавшій звѣзды. Это, можетъ быть, различныя имена одного и того же бога.

Я попросилъ Тэхуру назвать мнѣ Боговъ:

— Спалъ Таароа съ женой Охина, Богиней воздуха.

Отъ нихъ родились Радуга, Свѣтъ Луны, затѣмъ красныя облака, красный дождь.

Спалъ Таароа съ женой Охина, Богиней нѣдръ земныхъ.

Родился отъ нихъ Тэфату, геній, одухотворяющій землю, который проявляетъ себя подземными гулами.

Спалъ Таароа съ женой, которую называютъ „По ту сторону всей земли".

Отъ нихъ родились Гнѣвъ и Буря, Сердитые Вѣтры, а также Миръ, который наступаетъ послѣ нихъ.

Источникъ этихъ духовъ находится въ томъ мѣстѣ, откуда посылаются Вѣстники.

Но Тэхура признаетъ, что эта родословная—спорная.

Вотъ классификація наиболѣе ортодоксальная:

Боги подраздѣляются на Атуа и Ороматуа.

Всѣ высшіе Атуа—дѣти и внуки Таароа.

Ихъ резиденція въ небесахъ, которыхъ всего семь.

Таароа и его жена Феіи-Феіи-Маитораи имѣли слѣдующихъ сыновей: Оро (главный изъ Боговъ, послѣ своего отца, который самъ имѣлъ двухъ сыновей — Тетаи Мати и Оуроу Тэтэфа), Раа (отецъ Тэтоуоа-Оуроу-Оуроу, Фэоито, Тэхэмэ, Роа-Роа, Тэху-Раи-Тіа-Хоту, Тэмоуріа), Танэ (отецъ Пэуроураи, Піата-Хоуа, Піатіа-Ророа, Парара-Ити-Матаи, Патіа-Таура, Танэ-Хаэрираи), Роо, Тіэри, Тэфату, Роуа-Ноуа, Тома-Хора, Роуа-Отіа, Моэ, Тоупа, Паноуа, Тэфату-Тірэ, Тефату-Тоутау, Пэураи, Махоуи, Харана, Паумоури, Хиро, Роуи, Фаноура, Фатоухоуи, Ріи.

Каждый изъ этихъ боговъ имѣетъ свои собственные аттрибуты.

Мы уже знаемъ дѣянія Махоу и Тэфату...

Танэ имѣетъ своимъ ртомъ седьмое небо; это значитъ, что ртомъ этого Бога, который далъ свое имя мужчинѣ, является край неба, откуда свѣтъ начинаетъ озарять землю.

Ріи отдѣлила небо отъ земли.

Роуи взволновалъ воду въ океанѣ, разслоилъ твердь земного материка и раздѣлилъ ее на безчисленныя частицы, являющіяся современными островами.

Фаноура, голова котораго касалась облаковъ, а ноги — дна морского, и Фатоухоуи, другой гигантъ, спустились вмѣстѣ въ Эива — невѣдомую землю, — чтобы побѣдить и уничтожить чудовищную свинью, которая пожирала людей.

Хиро, Богъ похищенія, продѣлалъ своими пальцами отверстія въ скалахъ. Онъ освободилъ одну дѣвушку, которую прятали гиганты въ зачарованномъ мѣстѣ; однимъ ударомъ вырвалъ деревья, скрывавшія отъ дневного свѣта темницу дѣвушки, и чары были разбиты...

Низшіе Атуа заботятся преимущественно о жизни и трудѣ людей, но они находятся внѣ жилищъ.

Это: Ауа-Махо (Боги-акулы), покровители мореплавателей; Пэхо, Боги и Богини долинъ, покровители земледѣлія; Но-Тэ-Оупа-Оупа, покровители пѣвцовъ, комедіантовъ и плясуновъ; Рааоу-Пава-Маи, покровители знахарей; Но-Апа, Боги, которымъ приносились жертвы для защиты отъ порчи и колдовства; О-Таноу, покровители земледѣльцевъ; Танэ-Итэ-Хаа, покровители плотниковъ и строителей; Миніа и Папэа, покровители кровельщиковъ; Матаитни,—покровители вязальщиковъ сѣтей.

Ороматуа—это домашніе Боги, пенаты.

Есть собственно Ороматуа и геніи.

Ороматуа наказываютъ зачинщиковъ ссоръ, поддерживаютъ миръ въ семьяхъ. Это: Варна-Таата, души мужчинъ и женщинъ, умершихъ въ каждой семьѣ; Эріоріо, души дѣтей, умершихъ въ раннемъ возрастѣ и притомъ естественной смертью; Поуара, души дѣтей, которыхъ убили при ихъ рожденіи, и которыя переселились въ тѣла саранчи.

Геніи—это воображаемыя божества или, скорѣе, умышленно придуманныя человѣкомъ. Человѣкъ придаетъ божественное, фетишистское значеніе тому или иному животному или предмету,

напримѣръ дереву, и начинаетъ совѣтоваться съ нимъ во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни.—Тутъ, быть можетъ, скрывается слѣдъ индусскаго ученія о переселеніи душъ, съ которымъ маори были очень хорошо знакомы. Ихъ историческія пѣсни и легенды изобилуютъ сказаніями, въ которыхъ видно, что великіе Боги принимаютъ видъ животныхъ и растеній.

Послѣ Атуа и Ороматуа послѣднее мѣсто въ небесной іерархіи занимаютъ Тіи.

Эти дѣти Таароа и Хины очень многочисленны.

Духи, низшіе по сравненію съ Богами и чуждые людямъ, они въ маорійской космогоніи являются посредниками между органическими существами и предметами неорганическими, защищая отъ узурпаціи первыхъ права и преимущества послѣднихъ.

Вотъ ихъ происхожденіе:

Спалъ Таароа съ Хиной, и отъ нихъ родился Тіи.

Спалъ Тіи съ женой Ани (желаніе), и отъ нихъ родились: „Желаніе Ночи“, вѣстникъ мрака и смерти; „Желаніе Дня“, вѣстникъ свѣта и жизни; „Желаніе Боговъ“, вѣстникъ небесныхъ велѣній; „Желаніе Людей“, вѣстникъ людскихъ интересовъ.

Родились затѣмъ: „Тіи-внутренній“, который наблюдаетъ за животными и растеніями; „Тіи-внѣшній“, который оберегаетъ существа и предметы, находящіеся въ морѣ; „Тіи-песковъ“ и „Тіи - береговъ“ и „Тіи - подвижныхъ земель“; „Тіи - скалъ“ и „Тіи-неподвижныхъ земель“.

Родились еще позднѣе: „Конецъ Ночи“ и „Конецъ дня“, „Уходъ и Возвратъ“, „Приливъ и Отливъ“, „Даяніе и Полученіе удовольствія“.

Изображенія Тіи были поставлены по краямъ храмовъ и образовывали ограду священныхъ земель. Эти идолы были видны также на прибрежныхъ скалахъ и имѣли назначеніе указывать границу между землей и моремъ, поддерживать гармонію между двумя элементами, препятствуя ихъ обоюднымъ захватамъ. Современные путешественники могли еще видѣть на островѣ Пасхи нѣсколько статуй Тіи. Колоссальные обрубки, человѣческой и животной формы,

они отличались особенной красотой и обнаруживали въ Маори подлинное умѣніе обтачивать камень, архитектурно сочетать цѣлыя глыбы съ оригинальными комбинаціями и замысловатыми красками.

Европейское вторженіе и монотеизмъ разрушили эти памятники нѣкогда величественной цивилизаціи. Въ настоящее же время, когда Таитяне пытаются воздвигнуть декоративный памятникъ, они проявляютъ чудеса дурного вкуса—въ жанрѣ могилы Помарэ. Они утратили врожденное имъ чувство единства между твореніями человѣка и животно-растительной жизнью, долженствующей быть рамой и декораціей послѣднихъ, — то чувство, которымъ раньше были такъ щедро надѣлены. Столкнувшись съ нами, съ нашей школой, они дѣйствительно стали „дикарями", въ томъ смыслѣ, какой латинскій западъ придаетъ этому слову. Оставшись сами прекрасными, какъ chefs-d'oeuvre'ы искусства, они стали безплодными (это мы ихъ сдѣлали такими) въ моральномъ и физическомъ отношеніи.

Существуютъ кое-какіе слѣды мараэ (храмовъ). Это были параллелограммы, нарушенные отверстіями: три стороны составляли каменную стѣну отъ четырехъ до шести футовъ высотой; пирамида, меньшая въ вышину, чѣмъ въ ширину, образовывала четвертую стѣну. Въ цѣломъ было около ста метровъ ширины и сорока метровъ длины. Изображенія Тіи украшали эту простую архитектуру.

Луна занимаетъ важное мѣсто въ метафизическихъ воззрѣніяхъ Маори. Я уже сказалъ, что въ ея честь совершались большія празднества. Хина часто появляется въ легендарныхъ разсказахъ объ Ареояхъ.

Но ея участіе въ гармоніи міра, ея роль скорѣе отрицательны, тѣмъ положительны.

Это уже ясно было видно въ тревожномъ діалогѣ, приведенномъ выше, между Хиной и Тэфату.

Подобные тексты дали бы прекрасный матеріалъ для комментаріевъ, если бы нашлись истолкователи океанійской Библіи. Тамъ они усмотрѣли бы прежде всего принципы религіи, основанной на

поклоненіи силамъ природы,—черта, общая всѣмъ первобытнымъ религіямъ. Большая часть маорійскихъ боговъ, дѣйствительно, является олицетвореніемъ различныхъ стихій. Но внимательные взоры того, кого не сбивало бы и кому не вредило бы желаніе показать превосходство нашей философіи надъ философіей этихъ „народцевъ",—не замедлили бы открыть въ этихъ легендахъ интересныя и замѣчательныя особенности.

Я хочу намѣтить двѣ изъ нихъ. Дѣло ученыхъ провѣрить эти гипотезы.

Это, прежде всего, та опредѣленность, съ которой намѣчаются и различаются между собой два единственныхъ и всеобщихъ начала жизни, сливаемыя потомъ въ одно высшее единство. Одно изъ нихъ, душа и разумъ, Таароа, есть начало мужеское; другое, такъ сказать матерія, и тѣло того же Бога, есть начало женское; это—Хина. Къ ней направляется вся любовь мужчинъ, къ ней относится ихъ поклоненіе.—Хина—имя не только одной луны: есть также Хина воздуха, Хина моря, Хина внутренности дома; но эти два слога характеризуютъ только низшія стороны матеріи. Солнце и небо, свѣтъ и его сфера, словомъ, всѣ благородныя стороны матеріи—или, еще лучше, всѣ духовные элементы ея—представлены Таароа. Это категорически формулировано во многихъ текстахъ, гдѣ можно узнать опредѣленіе духа и матеріи.—Итакъ, какъ же слѣдуетъ понимать съ этой точки зрѣнія основное положеніе маорійской книги „Бытія": „Великій и священный міръ есть только раковина Таароа"?

Не слѣдуетъ ли въ этомъ положеніи констатировать изначальную вѣру въ единство субстанціи? Какъ бы рѣдко ни было такое философское предвидѣніе у первобытныхъ народовъ, все же изъ этого не слѣдуетъ, что его нужно отвергнуть. Ясно, что въ дѣяніи Бога, который создалъ міръ и который его охраняетъ, океанійская теологія усматриваетъ два положенія: творящее начало и оплодотворяемую матерію, движущую силу и движимое вещество, духъ и матерію. Ясно также, что въ постоянно встрѣчающемся параллелизмѣ между свѣтоноснымъ духомъ и свѣточув-

ствительной матеріей, которую онъ оживляетъ, въ этихъ послѣдовательныхъ соединеніяхъ Таароа съ различными образами Хины, слѣдуетъ усмотрѣть постоянное и разнообразное вліяніе солнца на вещество, а въ плодахъ этихъ соединеній — тѣ измѣненія, которыя вызываются въ этомъ веществѣ свѣтомъ и тепломъ. Но, вотъ, явленіе, ради котораго соединяются эти двѣ міровыхъ силы, совершилось: сила творящая и вещество оплодотворенное слились въ плодѣ, сила движущая и вещество движимое соединились въ движеніи, духъ и матерія—въ жизни, и созданный міръ есть не что иное, какъ раковина Таароа!

Далѣе, согласно діалогу Тэфату съ Хиной, человѣкъ и земля погибаютъ, тогда какъ луна и родъ, ее населяющій, продолжаютъ жить. Если вспомнить, что Хина представляетъ собою матерію,— въ которой, по научной формулѣ, „все измѣняется и ничто не исчезаетъ", — то мы увидимъ, что древній маорійскій мудрецъ, авторъ этой легенды, зналъ о томъ не меньше насъ. Матерія не погибаетъ, то-есть она не перестаетъ обладать своими ощущаемыми свойствами. Напротивъ, духъ и эта „духовная матерія" подвержены перерывамъ: есть ночь, есть смерть, когда закрываются глаза, изъ которыхъ, казалось, лучился свѣтъ, отражаемый ими.—Духъ или наиболѣе высокое современное проявленіе духа, это—человѣкъ: „Человѣкъ умретъ... Онъ умретъ, чтобы не воскреснуть... И человѣкъ долженъ былъ умереть"... — Но если человѣкъ и земля, эти плоды соединеній Таароа и Хины, и погибнутъ, то самъ Таароа — вѣченъ, и мы предупреждены о томъ, что матерія, Хина, будетъ продолжать существовать. Поэтому, находясь вѣчно вмѣстѣ, Духъ и Матерія, свѣтъ и объектъ, будутъ съ фатальностью обоюдно желать новаго соединенія, изъ котораго родится новая „ступень" безконечной эволюціи жизни.

Эволюція!.. Единство вещества!.. Кто бы могъ ожидать найти въ мысляхъ этихъ каннибаловъ признаки такой высокой культуры!? Однако, я увѣряю, что ничего не добавилъ къ истинѣ.

Правда, Тэхура вовсе и не подозрѣвала этихъ абстракцій; она упорно видѣла въ падающихъ звѣздахъ блуждающихъ Тупапау, несчастныхъ геніевъ... Подобно и предкамъ своимъ, которые думали, что небо это самъ Таароа и что Атуа, родившіеся отъ Таароа, являются одновременно и Богами, и небесными тѣлами, она приписывала звѣздамъ человѣческую чувствительность. Я не знаю, чѣмъ эти поэтическія представленія могли бы стѣснить прогрессъ самой позитивной науки. Я не знаю, почему наука, наиболѣе высокая, могла бы ихъ не одобрить.

Съ другой стороны,—чтобы покончить съ діалогомъ Тэфату и Хины,—можно было бы дать и другія истолкованія. Совѣтъ луны, которая является женщиной, можно разсматривать, какъ опасный совѣтъ слѣпой жалости, сантиментальной слабости: ибо луна и женщины, выразительницы (по понятіямъ маори) матеріи, могли не знать, что одна смерть таитъ тайны жизни. Отвѣтъ же Тэфату является какъ бы строгимъ, но дальновиднымъ и безкорыстнымъ рѣшеніемъ, — высшей мудростью, которая знаетъ, что индивидуальныя проявленія нынѣшней жизни должны изгладиться передъ высшимъ существомъ, дабы оно могло появиться, и должны пожертвовать собой во имя его торжества.

Не менѣе глубокое значеніе этотъ отвѣтъ могъ имѣть въ качествѣ національнаго пророчества: великій умъ древности изучилъ и учелъ жизненность своей расы, почуялъ въ ея крови зародыши смерти и, не видя возможности спасенія или возрожденія, онъ изрекъ:—„Таити умретъ; оно умретъ, чтобы не возродиться“.

*

Тэхура говорила съ какимъ-то религіознымъ ужасомъ о той сектѣ, или тайномъ обществѣ, которое правило островами въ феодальную эпоху—объ обществѣ Арэоевъ.

Въ смутныхъ рѣчахъ ребенка я угадывалъ воспоминанія, оставленныя какимъ-то страннымъ, исключительнымъ учрежденіемъ; я угадывалъ трагическую исторію, полную величественныхъ преступленій, но въ которую трудно проникнуть, такъ какъ она защищена отъ любопытныхъ силою крѣпко хранимой тайны.

Когда Тэхура разсказала мнѣ объ этомъ все, что знала, я сталъ наводить справки повсюду.

Вотъ легендарное происхожденіе этого знаменитаго общества.

Оро, сынъ Таароа, величайшій изъ боговъ, рѣшилъ однажды выбрать себѣ подругу среди смертныхъ.

Онъ желалъ, чтобы она была непорочной и прекрасной, такъ какъ имѣлъ намѣреніе основать вмѣстѣ съ ней среди людей расу, привилегированную и высшую надъ всѣми.

Онъ пересѣкъ Семь Небесъ и спустился на Паіа, высокую гору острова Бора-Бора, гдѣ жили его сестры Теури и Опаоа.

Оро, въ образѣ молодого воина, его сестры въ видѣ молодыхъ дѣвушекъ, отправились въ путь на развѣдки по Островамъ, чтобы постараться открыть тамъ существо, достойное божественнаго поцѣлуя.

Оро схватилъ радугу, одинъ конецъ ея поставилъ на вершину Паіа, а другой на землю: такимъ образомъ Богъ и Богини прошли черезъ долины и воды.

Пышные и прекрасные путешественники устраивали на различныхъ островахъ, гдѣ ихъ принимали, чудесныя празднества, на которыя сбѣгались всѣ женщины.

И Оро наблюдалъ за ними.

Но его сердце проникалось печалью, ибо онъ возбуждалъ любовь къ себѣ, а самъ не любилъ. Онъ не останавливалъ долго своего взора ни на одной изъ дочерей человѣка, такъ какъ ни въ одной изъ нихъ онъ не видѣлъ тѣхъ добродѣтелей и той граціи, о которыхъ мечталъ.

И послѣ многихъ дней, проведенныхъ въ безплодныхъ исканіяхъ, онъ собирался вернуться на небеса, какъ вдругъ увидѣлъ въ Ваитапэ, на островѣ Бора-Бора, молодую дѣвушку поразительной красоты, которая купалась въ маленькомъ озерѣ Аваи-Аіа.

Она была высокаго роста, и всѣ огни солнца пылали и сверкали въ блескѣ ея тѣла, все колдовство любви дремало въ ночи ея волосъ.

Оро, очарованный, попросилъ своихъ сестеръ переговорить за него съ молодой дѣвушкой.

И, въ ожиданіи результатовъ ихъ посольства, онъ удалился на вершину Паіа.

Богини, подойдя къ молодой дѣвушкѣ, привѣтствовали ее, восхвалили ея красоту и сказали ей, что идутъ изъ Аванау, мѣстечка въ Бора-Бора.

— Нашъ братъ просилъ спросить тебя, не согласишься ли ты стать его женой.

Ваираумати,—такъ называлась молодая дѣвушка,—оглядѣла внимательно незнакомокъ и отвѣтствовала имъ:

— Вы совсѣмъ не изъ Аванау. Но ничего. Если вашъ братъ вождь, если онъ молодъ, если онъ хорошъ, то пусть онъ приходитъ: Ваираумати будетъ его женой.

Тэури и Опаоа поднялись безъ промедленія на Паіа сообщить своему брату, что онъ желаненъ.

Оро тотчасъ же, поставивъ радугу такъ, какъ въ первый разъ, вновь спустился на Ваитапэ.

Ваираумати приготовила для его пріема столъ, отягченный лучшими фруктами, и ложе, сдѣланное изъ самыхъ рѣдкихъ матерій и самыхъ тонкихъ цыновокъ.

И подъ тамарисами и пандановыми деревьями, въ лѣсу и на взморьи, оба стройные и сильные, оба божественные, любили они другъ друга. Каждое утро Богъ возвращался на вершину Паіа, каждый вечеръ онъ оттуда спускался, чтобы спать вмѣстѣ съ Ваираумати.

Никакая другая человѣческая дочь не должна была съ той поры видѣть его въ образѣ смертнаго.

И постоянно опущенная между Паіа и Ваитапэ радуга служила ему дорогой.

И вотъ, много лунъ уже свѣтило и погасло съ той поры, какъ въ опечаленныхъ Семи Небесахъ не знали мѣстопребыванія Оро. Тогда два другихъ сына Таароа, Оротэфа и Оурэтэфа, принявъ въ свою очередь человѣческій видъ, отправились на поиски за

своимъ братомъ. Долгое время они бродили по островамъ, не находя его. Наконецъ, достигнувъ Бора-Бора, они замѣтили молодого Бога, который сидѣлъ вмѣстѣ съ Ваираумати въ тѣни священнаго манговаго дерева.

Они были восхищены красотой молодой женщины и пожелали выразить ей свое очарованіе, поднесши ей какіе-нибудь подарки. Оротэфа преобразился тогда въ супоросую свинью, а Оуротэфа одѣлся въ красныя перья; затѣмъ, принявъ человѣкоподобный видъ, они приблизились къ двумъ любовникамъ, держа свои подношенія въ рукахъ.

Оро и Ваираумати приняли съ радостью двухъ знатныхъ путешественниковъ.

Въ эту же ночь свинья принесла семь поросятъ, изъ которыхъ приберегли перваго для позднѣйшаго назначенія; второй былъ принесенъ въ жертву Богамъ, третій былъ посвященъ гостепріимству и предложенъ чужестранцамъ; четвертый былъ названъ: „Жертвенной свиньей въ честь любви"; пятаго и шестого должны были сохранить, чтобы умножить породу, до перваго помета. Наконецъ, седьмого зажарили цѣликомъ на горячихъ каменьяхъ—по обычаю маори, отнынѣ ставшему божественнымъ,—и его съѣли.

Братья Оро вернулись на небо.

Нѣсколько недѣль спустя Ваираумати сказала Оро, что готовится стать матерью.

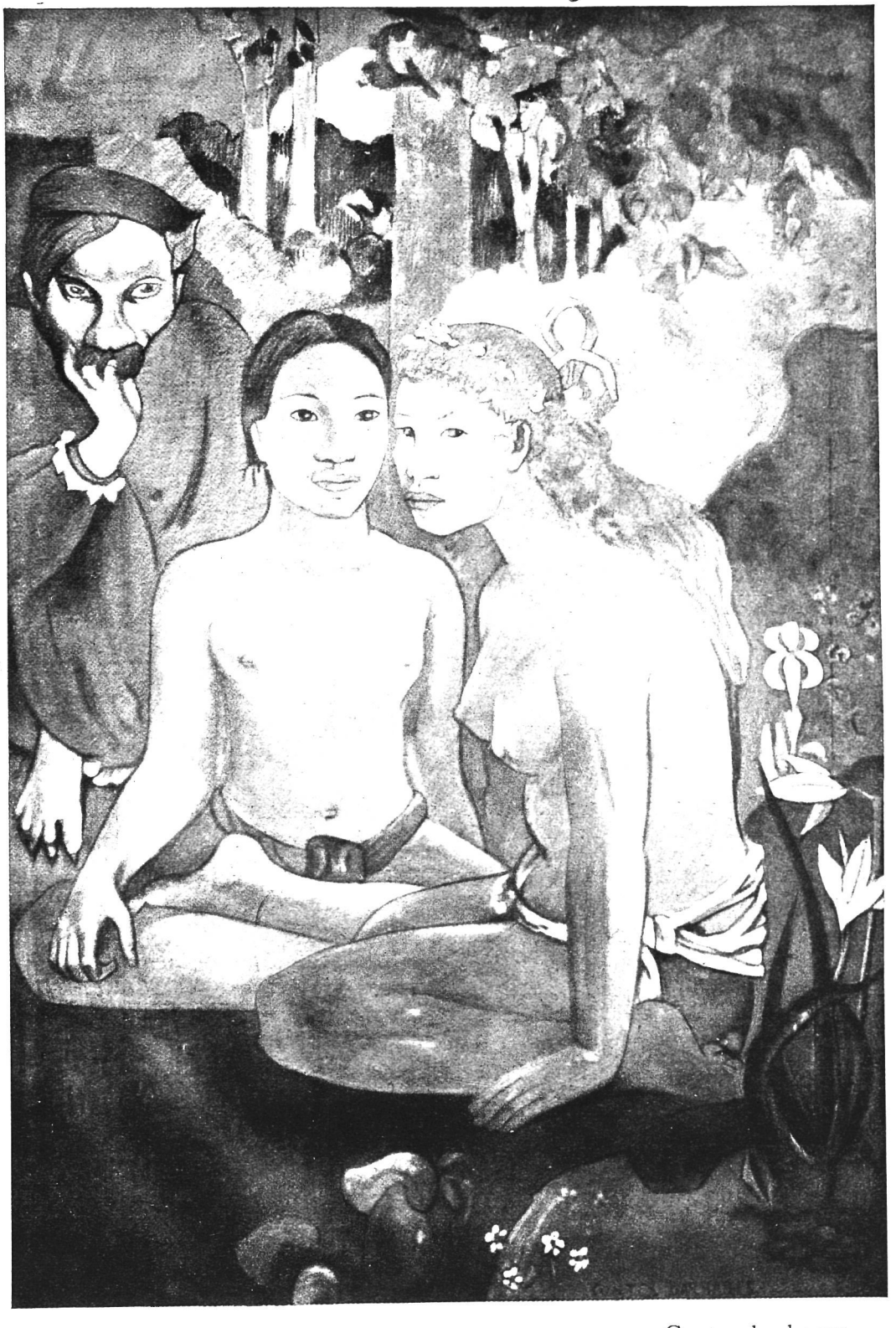
Тогда Оро взялъ перваго изъ семи поросятъ, того, котораго оставили въ сторонѣ, и отправился въ Паіатэа, къ большому мараэ, храму Бога Вапоа.

Тамъ онъ встрѣтилъ человѣка, по имени Махи, которому онъ и передалъ поросенка со словами:

„Maii maïtaï oé téinéï boüaä" (возьми и хорошенько стереги этого поросенка).

И Богъ торжественно добавилъ:

— Это священная свинья. Ея кровью будетъ окрашенъ поясъ людей, которые произойдутъ отъ меня. Ибо въ этомъ мірѣ я сталъ отцомъ. Эти люди будутъ Арэои. Вамъ я вручаю ихъ пре-



П. Гогэнъ. Contes barbares.

рогативы и ихъ имя. Я же самъ больше не могу здѣсь оставаться.

Махи разыскалъ вождя Раіатэа и разсказалъ ему о происшедшемъ. Но, не будучи въ состояніи беречь священный завѣтъ безъ того, чтобы не быть другомъ вождя, онъ добавилъ:

— Мое имя будетъ вашимъ именемъ и ваше моимъ.

Вождь согласился. Они сообща приняли имя Тараманини.

Тѣмъ временемъ Оро, вернувшись къ Ваираумати, сообщилъ ей, что у нея будетъ сынъ, и приказалъ ей назвать его Хоа-Табу-тэ-Раи (священный другъ небесъ).

Затѣмъ онъ сказалъ:

— Время исполнилось, и я долженъ тебя покинуть.

Превратившись тогда въ громадный столпъ пламени, онъ величественно поднялся въ воздухъ, вплоть до высотъ Перирэрэ, главной вершины Бора-Бора. Тамъ скрылся онъ изъ взоровъ своей опечаленной жены и народа, охваченнаго удивленіемъ.

Хоа-Табу-тэ-Раи былъ великимъ вождемъ и сдѣлалъ много добра людямъ. Послѣ своей смерти онъ былъ взятъ на небо, гдѣ и сама Ваираумати заняла мѣсто среди Богинь.

Оро отлично могъ бы быть какимъ-нибудь странствующимъ Браминомъ, занесшимъ на острова Единенія (но когда?) ученіе Брамы (слѣды котораго я уже отмѣтилъ въ океанійской религіи).

При свѣтѣ этого ученія пробудился геній Маори. Умы, способные понимать его, познакомились другъ съ другомъ и объединились, чтобы совершать, — понятно, въ сторонѣ отъ толпы,— данные имъ обряды. Болѣе просвѣщенные, чѣмъ другіе люди ихъ расы, они скоро взяли въ руки религіозную и политическую власть надъ островами, пріобрѣли важныя преимущества и основали очень сильный феодальный строй, который въ исторіи Архипелага былъ наиболѣе славной эпохой.

Несмотря на то, что они, повидимому, не знали письма, Арэои были дѣйствительно учеными; они проводили цѣлыя ночи,

тщательно декламируя древнія „Слова Боговъ“, текстъ которыхъ, закрѣпленный въ настоящее время, можетъ быть переведенъ лишь цѣною упорной работы многихъ лѣтъ. Эти „Слова Боговъ“, единственными хранителями которыхъ были они, и къ которымъ они не имѣли права добавлять что-либо, кромѣ толкованій, сообщали Арэоямъ устойчивость интеллектуальнаго центра, способность къ размышленію, авторитетъ сверхчеловѣческой миссіи и, наконецъ, почетъ, который склонялъ всѣ головы вокругъ нихъ.

Существуютъ и въ нашемъ феодальномъ и христіанскомъ средневѣковьи установленія,—читатель самъ назоветъ ихъ,—аналогичныя вышеописанному; но среди нихъ я совершенно не знаю болѣе страшныхъ, чѣмъ это религіозное и военное общество, чѣмъ этотъ постоянный и вооруженный соборъ, издающій постановленія отъ имени Боговъ, пользующійся всемогуществомъ и распоряжающійся жизнью и смертью.

Арэои учили, что человѣческія жертвоприношенія пріятны Богамъ, и сами приносили въ жертву, въ „мараэ“, всѣхъ своихъ дѣтей, за исключеніемъ первенцовъ: этотъ кровавый обрядъ символизировался въ семи поросятахъ легенды, которые были преданы смерти всѣ, за исключеніемъ перваго, „священнаго поросенка“.

Не будемъ спѣшить съ криками о дикости! Эта варварская обязанность, которой подчиняются столько другихъ первобытныхъ племенъ, имѣла глубокія основанія соціальнаго характера и общаго интереса. У расъ очень плодовитыхъ, каковой нѣкогда была раса маори, безграничный приростъ населенія грозилъ самому національному и физическому существованію ея. Повидимому, жизнь на островахъ была легка, и каждому не надо было много прилежанія, чтобы добыть себѣ все необходимое. Но почва, очень ограниченная по пространству земли, окруженная безмѣрнымъ моремъ, черезъ которое нельзя переплыть на хрупкихъ пирогахъ, быстро ушла бы изъ-подъ ногъ безпрерывно увеличивающагося народа. Море перестало бы доставлять необходимое количество рыбы, лѣсъ—плодовъ. А голодъ не замедлилъ бы вызвать, какъ это было всегда и во всѣхъ странахъ міра, людоѣдство. — И чтобы

удержаться отъ убійства человѣка, маори обрекли на жертву дѣтей. Замѣтимъ къ тому же, что людоѣдство уже проникло въ нравы, когда выступили Арэои, и чтобы уничтожить его, разрушивъ причины его возникновенія, они привили дѣтоубійство уже готовымъ людоѣдамъ. Поэтому можно сказать, хотя трагикомизмъ этого замѣчанія и можетъ порадовать какого-нибудь насмѣшника,— что дѣтоубійство явилось здѣсь значительнымъ смягченіемъ нравовъ. Безъ сомнѣнія, Арэоямъ понадобилась поразительная энергія, чтобы осуществить этотъ шагъ впередъ; они добились его, возвеличивъ себя въ глазахъ народа всѣмъ авторитетомъ Боговъ.

Кромѣ того, дѣтоубійство было для расы могучимъ средствомъ отбора. Это страшное право старшинства, бывшее въ то же время правомъ на жизнь, сохранило въ народѣ чистоту силы, предохраняя его отъ болѣзненныхъ продуктовъ истощенной крови. Оно вскормило также въ этихъ дѣтяхъ, родившихся отъ молодыхъ родителей, чувство неисчезающей гордости. Вотъ эта-то первоначальная сила и послѣдній цвѣтокъ этой гордости восхищаютъ насъ еще и теперь въ оставшихся представителяхъ великой умирающей расы.

Наконецъ, постоянное созерцаніе смерти и непрерывныя встрѣчи съ нею были строгимъ и бодрящимъ обученіемъ. Воины учились у нея презрѣнію къ боли, и вся нація находила въ ней сильную и полезную эмоцію, которая спасала ее отъ тропическаго оцѣпенѣнія и пробуждала отъ томности вѣчнаго отдохновенія. Историческій фактъ, что со дня учичтоженія закона о жертвоприношеніяхъ, маори начали опускаться и, въ концѣ концовъ, утратили всякую духовную жизненность и физическую плодовитость.— Если первое не является причиной второго, то по меньшей мѣрѣ это совпаденіе внушительно.

Быть можетъ, видя еще дальше, Арэои поняли глубокую доблесть, символическую необходимость Жертвы...

Въ общежитіи Арэоевъ проституція была священной обязанностью. Мы измѣнили это. Вовсе не потому, что на Таити, съ

той поры, какъ мы заполнили его благодѣяніями нашей цивилизаціи, проституція прекратилась: она процвѣтаетъ. Но она больше не обязательна и не священна. Она существуетъ просто, безъ всякаго оправданія и безъ величія.

Жреческое достоинство передавалось отъ отца къ сыну, и посвященіе начиналось съ дѣтства.

Общество дѣлилось въ самомъ началѣ на двѣнадцать ложъ, которыя имѣли въ качествѣ великихъ учителей двѣнадцать первыхъ Арэоевъ. Дальше шли сановники второй степени и, наконецъ, ученики. Различныя степени отличались между собой особенной татуировкой на рукахъ, бокахъ, плечахъ и ногахъ.

*

Перенесемся отъ глубокой древности, отъ Матамуа Арэоевъ, къ этой маорійской сценѣ: возведеніе на престолъ короля.

Новый вождь выходитъ изъ своего дворца, облаченный въ пышныя одежды, окруженный знатью Острова съ главарями Арэоевъ впереди, у которыхъ въ волосахъ самыя рѣдкія перья.

Онъ отправляется со своей свитой въ Мараэ.

Замѣтивъ его, жрецы, ожидавшіе его на порогѣ, провозглашаютъ подъ оглушительные звуки барабановъ и трубъ, что церемонія начинается.

Затѣмъ, войдя раньше короля въ храмъ, они помѣщаютъ мертвое человѣческое тѣло предъ изображеніемъ Бога.

Король вмѣстѣ со жрецами читаетъ и поетъ молитвы; послѣ этого жрецъ вырываетъ у покойника оба глаза. Онъ предлагаетъ правый глазъ Богу, а лѣвый глазъ королю: тотъ раскрываетъ ротъ, какъ бы желая проглотить окровавленный глазъ, но жрецъ тотчасъ же отбираетъ его и присоединяетъ къ трупу *).

Затѣмъ, ставятъ изображеніе Божества на рѣзныя носилки, которыя несутъ жрецы. Король, усѣвшись на плечи двухъ вождей, слѣ-

*) Нельзя не узнать символическій смыслъ этого обряда, явное запрещеніе людоѣдства. (Прим. автора).

дуетъ за идоломъ вплоть до берега, сопровождаемый Арэоями, какъ вначалѣ. Въ продолженіе всей дороги жрецы не перестаютъ, приплясывая, трубить въ трубы и бить въ барабаны.

Толпа идетъ позади, молчаливая и благоговѣйная.

Въ береговомъ заливѣ качается священная пирòга, украшенная для этого торжества зелеными вѣтвями и цвѣтами. Туда вносятъ сперва идола. Затѣмъ, снимаютъ съ короля его одѣянія, и жрецы ведутъ его въ море, гдѣ Ату-Мао (Боги-Акулы) должны обласкать и обмыть его въ волнахъ.

Освященный такимъ образомъ во второй разъ поцѣлуемъ моря предъ очами Бога, какъ онъ былъ освященъ въ первый разъ самимъ Богомъ въ его храмѣ, король входитъ въ священную пирòгу, гдѣ великій жрецъ опоясываетъ его „маро оуроу", а вокругъ головы повязываетъ „таоу мата" — повязки королевскаго достоинства.

Стоя на носу священной пирòги, король показывается народу.

И народъ, нарушая, наконецъ, долгое молчаніе, испускаетъ во всѣ стороны торжественные крики:

— Maëva Arü! (Да здравствуетъ король!)

Когда шумъ отъ этого перваго взрыва радости затихаетъ, короля помѣщаютъ на священное ложе, на которомъ только что находился идолъ, и возвращаются по дорогѣ въ Мараэ, приблизительно въ томъ же самомъ порядкѣ.

Снова жрецы несутъ идола. Вожди несутъ короля. Жрецы открываютъ шествіе своей музыкой и танцами.

Народъ идетъ сзади. Но теперь, предаваясь своей радости, онъ не перестаетъ кричать:

— Maëva Arü!

Идола торжественно ставятъ обратно на алтарь.

Этимъ кончается религіозный праздникъ. Начинается праздникъ народа.

Подобно тому, какъ онъ соединился съ Богами въ храмѣ, а съ природой на морѣ, такъ теперь король соединяется со своимъ

народомъ *).—Улегшись на цыновкахъ, онъ готовится къ послѣднему народному чествованію.

Неистовое чествованіе; дикій народъ!!

Это — толпа, выражающая свою любовь человѣку, а этотъ человѣкъ—король. Это—грандіозный до ужаса діалогъ между однимъ и толпой.

Завтра онъ будетъ владыкой, онъ будетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію судьбами подвластныхъ ему и все будущее въ его рукахъ. Народу принадлежитъ только одинъ часъ!

Мужчины и женщины окружаютъ короля, танцуя фаллическіе танцы и стараясь коснуться его тѣла своими тѣлами; не всегда удается ему избѣжать толчковъ, предохранить себя отъ этихъ касаній... Народная эпилепсія растетъ, становится экстатической. Весь тихій островъ дрожитъ отъ ужасающихъ криковъ и въ наступающемъ вечерѣ фантастическимъ видѣніемъ кажется эта обезумѣвшая толпа съ необузданными жестами.

Но вдругъ вторгаются звуки жреческихъ барабановъ и трубъ. Это конецъ чествованія, конецъ празднества, сигналъ отступленія. Самые неистовые покоряются, все затихаетъ, наступаетъ внезапно молчаніе.

Король подымается и, сопровождаемый своей свитой, торжественно входитъ въ свой дворецъ.

*

Гордая раса Маори не стала дожидаться нашихъ совѣтовъ, чтобы обречь себя героизму самоубійства. Если она не подымается, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, на Гору Жертвоприношеній и предпочитаетъ болѣе современный родъ смерти — черезъ разстрѣляніе, то все же она, изъ любви къ своему собственному

*) Слѣдуетъ опасаться, что миссіонеры (которые сохранили намъ эти традиціи) слегка оклеветали, въ понятныхъ цѣляхъ, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, предковъ своей паствы. Но, откинувъ все, что есть грубаго, смѣшного и даже отталкивающаго въ этомъ послѣднемъ обрядѣ, мы согласимся, быть можетъ, что онъ не лишенъ своеобразной красоты. (Прим. автора).

національному идеалу, идетъ на смерть и возвращается къ своимъ богамъ.

По крайней мѣрѣ, подобный примѣръ величія,—о чемъ тщательно умолчала наша печать,—явило свѣту населеніе Раіатэа, одного изъ Подвѣтренныхъ острововъ.

Когда „спеціалисты", руководящіе нашимъ „колоніальнымъ расширеніемъ", рѣшили присоединить къ нашимъ океанійскимъ владѣніямъ и эту маленькую группу острововъ, то они гуманно начали съ дипломатическихъ шаговъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, они допустили грубую ошибку, довѣривъ это дѣло негру Лакаскаду, управлявшему Таити.

Этотъ послѣдній отправилъ на Раіатэа посланца, который хитростью выманилъ на берегъ главнаго вождя островитянъ вмѣстѣ съ его подчиненными. Но едва показались они, какъ съ военнаго корабля, выжидавшаго на нѣкоторомъ разстояніи результатовъ, поспѣшили отправить на островъ вооруженный десантъ, а на самомъ кораблѣ стали подъ сурдинку наводить пушки.

Туземцы, обладающіе очень острымъ зрѣніемъ, отнеслись съ недовѣріемъ къ этимъ маневрамъ и удалились въ полномъ порядкѣ. Десантные же войска были встрѣчены ружейными выстрѣлами и должны были поспѣшно вернуться на судно. Много матросовъ и одинъ мичманъ поплатились жизнью за неумѣлость Лакаскада и его посланца.

Немного спустя г. Шэссе, одинъ изъ тѣхъ „спеціалистовъ", о которыхъ я говорилъ, поручился, что онъ одержитъ верхъ надъ возставшими силой простыхъ уговоровъ, и правительство ему повѣрило. Это обошлось колоніальному вѣдомству въ сотню тысячъ франковъ, потраченныхъ на многочисленные разъѣзды посланцевъ къ разнымъ непокорнымъ вождямъ и на безконечные мелкіе подарки, въ родѣ красныхъ мячей, музыкальныхъ ящиковъ и т. п., туземнымъ женщинамъ.

Но когда эти средства обольщенія оказались вполнѣ безрезультатными, пришлось опять прибѣгнуть къ оружію.

1-го января 1897 года открылись военныя дѣйствія.

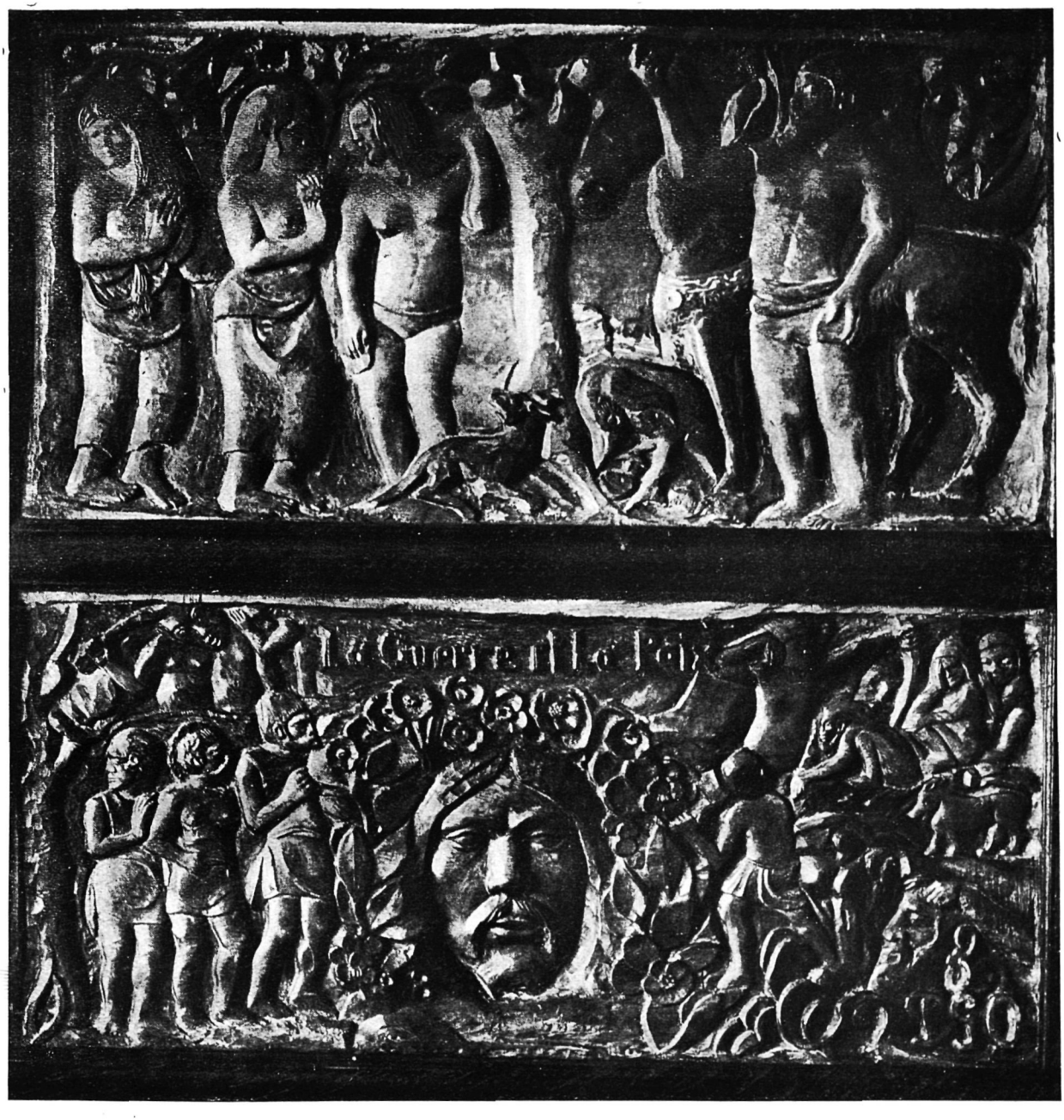
Они должны были затянуться, такъ какъ горы могли скрывать Маори въ теченіе долгаго времени.

— Почему вы не желаете управляться по французкимъ законамъ, подобно населенію Таити?—спросили одного туземца за нѣсколько дней до начала военныхъ дѣйствій.

— Потому что мы не продажны,—отвѣтилъ онъ,—потому что намъ и самимъ хорошо и мы желаемъ быть независимыми. А, затѣмъ, мы знаемъ, особенно на примѣрѣ Таити, въ чемъ состоятъ благодѣянія вашей страны. Едва вы водворитесь, какъ забираете себѣ все, землю и женщинъ, а насъ, подъ предлогомъ наказанія за пьянство и воровство, вы отправляете въ тюрьмы, конечно, для того, чтобы мы почувствовали вкусъ къ добродѣтелямъ, о которыхъ вы много говорите, но которымъ вы не слѣдуете. А штрафы! А гербовая бумага и налоги, а жандармы, а чиновники!..

— Но на что же надѣетесь вы?

— Ни на что. Мы знаемъ, что будемъ побѣждены. Но что же изъ того? Если бы мы подчинились, то главные наши вожди были бы посланы въ Нумею (Новая Каледонія), въ каторжныя работы, а такъ какъ для Маори смерть вдали отъ родной земли постыдна, то мы и предпочитаемъ умереть дома. Не мы вызвали безпорядки, но покоя не будетъ до той поры, пока маори и французы будутъ находиться рядомъ. Поэтому пусть перебьютъ насъ всѣхъ. Тогда и вамъ придется ссориться только между собой. А у насъ... у насъ нѣтъ иного убѣжища, кромѣ горъ..



П. Гогэнъ. Война и Миръ (барельефъ).

ГЛАВА VII.

Вотъ уже дней пятнадцать, какъ появились въ большомъ количествѣ и стали невыносимыми мухи, рѣдко попадавшіяся раньше.

И обрадовались всѣ маори: значитъ, бониты и тунцы подымутся со дна. Мухи возвѣщали наступленіе сезона рыбной ловли, сезона работы. Но не забудемъ, что на Таити трудъ — удовольствіе.

Каждый провѣрялъ прочность своихъ удочекъ, своихъ крючковъ. Женщины и дѣти съ необычайной живостью принялись таскать сѣти или, скорѣе, длинныя рѣшетки, сплетенныя изъ кокосовыхъ листьевъ, вдоль берега, — по коралламъ, наполняющимъ морское дно между землей и линіей рифовъ. Такимъ путемъ имъ удалось выловить кое-какихъ мелкихъ рыбешекъ, до которыхъ тунцы большіе охотники.

Когда всѣ приготовленія были окончены, на что потребовалось не менѣе трехъ недѣль, на море спустили двѣ соединенныхъ вмѣстѣ пирóги, на носу которыхъ были придѣланы очень длинные шесты; ихъ можно было быстро подымать при помощи двухъ веревокъ, закрѣпленныхъ на кормѣ. Къ шесту придѣланъ крючекъ

съ наживкой; какъ только рыба клюнетъ, ее сейчасъ же вытаскиваютъ изъ воды и бросаютъ въ лодку.

Мы выѣхали въ море рано утромъ (я, конечно, участвовалъ въ праздникѣ) и быстро пересѣкли линію рифовъ. Мы пустились довольно далеко въ открытое море. Я и сейчасъ еще вижу черепаху, которая высунувъ голову изъ воды, смотрѣла, какъ мы проплывали мимо.

Всѣ рыбаки были въ веселомъ настроеніи и гребли дружно.

Мы достигли мѣста, гдѣ море очень глубоко, называвшагося „ямой тунцовъ“ и находившагося противъ гротовъ Мара. Говорятъ, что сюда приплываютъ эти рыбы для ночного сна въ глубинѣ, недоступной акуламъ.

Туча морскихъ птицъ паритъ надъ ямой, слѣдитъ за тунцами. Какъ только рыба покажется на поверхности, птицы съ невѣроятной быстротой падаютъ въ море и, затѣмъ, снова подымаются съ клочкомъ мяса въ клювѣ.

Такъ повсюду, въ морѣ и воздухѣ, со всѣхъ сторонъ, вплоть до нашихъ пирогъ замышлялась рѣзня.

Когда я спросилъ своихъ товарищей, почему они не спустятъ длинную леску на дно, въ „яму тунцовъ“, мнѣ отвѣтили, что это невозможно—мѣсто священно.

— Тамъ резиденція морского Бога.

Я предчувствовалъ легенду и безъ труда добился, чтобы мнѣ разсказали ее.

Роуа Хату, нѣчто въ родѣ таитянскаго Нептуна, спалъ въ этомъ мѣстѣ на днѣ моря.

Одинъ Маори оказался настолько неосторожнымъ, что сталъ тамъ ловить рыбу, и его крючекъ зацѣпился за волоса Бога, и Богъ проснулся.

Въ гнѣвѣ поднялся онъ на поверхность воды, чтобы посмотрѣть, кто осмѣлился нарушить его покой, и когда онъ узналъ, что виноватъ былъ человѣкъ, то онъ сейчасъ же рѣшилъ, что долженъ погибнуть весь человѣческій родъ, чтобы искупить грѣхъ одного.

Отъ наказанія, однако,—загадочная снисходительность,—былъ избавленъ самъ виновникъ преступленія.

Богъ приказалъ ему отправиться со всей своей семьей на Тоа-Марама*), которая, по толкованію однихъ, является островомъ или горой, а по мнѣнію другихъ, пирогой или „ковчегомъ".

Когда рыбакъ и его семейство оказались въ указанномъ мѣстѣ, то морскія воды начали подыматься. Мало-по-малу онѣ захлестнули землю до самыхъ высокихъ вершинъ, и все живое погибло въ нихъ, за исключеніемъ тѣхъ, кто укрылся на (или въ) Тоа-Марама.

Позднѣе они снова заселили острова.

Мы проѣхали мимо „Ямы тунцовъ", и владѣлецъ пирогъ велѣлъ одному изъ людей опустить шестъ въ море и закинуть крючки.

Ждали нѣсколько долгихъ минутъ. Ни одинъ тунецъ не клюнулъ.

Теперь наступила очередь другого гребца, и на этотъ разъ клюнулъ великолѣпный тунецъ и погнулъ шестъ. Четыре сильныхъ руки стали подымать жердину, натянувъ кормовыя веревки, и тунецъ появился на поверхности. Но большая акула вдругъ мелькнула въ волнахъ: нѣсколько ударовъ ужасныхъ зубовъ, и на крючкѣ осталось только отрѣзанная голова.

Хозяинъ подалъ знакъ мнѣ. Я закинулъ удочку.

Спустя очень короткое время, мы выудили громаднаго тунца. Я услыхалъ, хотя и не обратилъ на это достаточно вниманія, какъ мои сосѣди пересмѣивались и шептались другъ съ другомъ.

Оглушенная ударомъ палки по головѣ, рыба трепетала въ судорогахъ агоніи и извивалось въ пирогѣ, а ея тѣло, какъ зеркало, сверкало блестками и отбрасывало тысячи огней.

Во второй разъ мнѣ повезло точно такъ же.

Французъ, рѣшительно, приносилъ счастье. Мои товарищи радостно поздравляли меня, увѣряя, что я родился подъ счастливой звѣздой, и я, исполненный гордости, не отрицалъ этого.

---

*) Тоа-Марама означаетъ „воинъ луны". Это словотолкованіе позволяетъ думать, что коварная Хина играла какую-то роль, по народнымъ вѣрованіямъ, въ катастрофѣ потопа.

Но, среди хора похвалъ, я различилъ, какъ и при первой удачѣ, какое-то перешептываніе и непонятный смѣхъ.

Рыбная ловля продолжалась до вечера.

Когда изсякъ запасъ маленькихъ рыбокъ, служившихъ прикормкой, и солнце залило краснымъ пламенемъ горизонтъ—десять великолѣпныхъ тунцовъ составляли грузъ нашей пироги.

Мы приготовились къ возвращенію.

Пока все приводили въ порядокъ, я спросилъ у одного юноши смыслъ тѣхъ словъ, которыми они обмѣнивались шепотомъ, и смѣха, которымъ они встрѣтили обѣ мои удачи. Онъ отказался отвѣтить мнѣ. Но я настаивалъ, зная, какъ мало можетъ противиться Маори и какъ скоро сдается онъ, при энергичномъ давленіи.

Мой собесѣдникъ кончилъ тѣмъ, что пояснилъ мнѣ: если рыба попалась на крючекъ нижней челюстью,—а мои оба тунца были пойманы именно такимъ образомъ,—то это означаетъ невѣрность вахинэ во время отсутствія ея танэ.

Я улыбнулся недовѣрчиво...

И мы возвратились.

Ночь подъ тропиками опускается быстро. Надо было опередить ее. Двадцать два проворныхъ весла разомъ подымались и опускались въ море, а гребцы, чтобы подбодрить себя, кричали въ тактъ. Свѣтящаяся борозда открывалась позади нашихъ пирогъ.

У меня было ощущеніе какого-то безумнаго бѣгства: грозные владыки океана преслѣдовали насъ; вокругъ скакали, словно фантастическія стада съ неясными очертаніями, перепуганныя и любопытныя рыбы.

Два часа спустя мы приблизились къ проходу между рифами.

Море здѣсь яростно бушуетъ, и проходъ опасенъ своими волнами. Нелегокъ маневръ, которымъ приходится ставить носъ пироги въ разрѣзъ бурунной волны. Но туземцы ловки, и я съ большимъ интересомъ, хотя и не безъ нѣкотораго страха, слѣдилъ за ихъ удивительно ловкими поворотами.

Передъ нами земля освѣщалась движущимися огнями—пламенемъ огромныхъ факеловъ, сдѣланныхъ изъ сухихъ вѣтвей кокосовыхъ пальмъ. Это было поразительное зрѣлище: на пескѣ у освѣщенныхъ волнъ насъ поджидали семьи рыбаковъ. Нѣкоторыя фигуры сидѣли неподвижно, другія бѣгали вдоль берега, помахивая факелами; дѣти прыгали тамъ и сямъ и издалека были слышны ихъ звонкіе крики.

Сильнымъ движеніемъ пирòга врѣзалась въ песокъ.

Тотчасъ же приступили къ дѣлежу добычи.

Всѣ рыбы были разложены на землѣ, и владѣлецъ пирòги раздѣлилъ ихъ на столько равныхъ частей, сколько было человѣкъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей,—принимавшихъ участіе въ ловлѣ тунца и въ ловлѣ маленькихъ рыбокъ, служившихъ приманкой.

Это составило тридцать семь частей.

Не теряя времени, моя вахинэ взяла топоръ, наколола дровъ и зажгла огонь, въ то время какъ я нѣсколько пообчистился и одѣлся, такъ какъ ночь была прохладная.

Изъ нашихъ двухъ долей добычи одна была сварена, а свою долю Тэхура сохранила въ сыромъ видѣ.

Затѣмъ она долго разспрашивала меня о различныхъ происшествіяхъ ловли, и я снисходительно удовлетворилъ ея любопытство. Она радовалась всему, довольная и наивная, и я наблюдалъ за ней, ничуть не давая ей замѣтить мою тайную озабоченность. Въ глубинѣ моей души проснулось какое-то безотчетное безпокойство и не хотѣло больше улечься. Я горѣлъ желаніемъ задать Тэхурѣ одинъ вопросъ, одинъ опредѣленный вопросъ...—Я могъ сколько угодно говорить себѣ: „Къ чему?“ Но что-то отвѣчало во мнѣ: „Кто знаетъ?“

Наступилъ часъ сна, и когда мы оба растянулись рядомъ, я вдругъ спросилъ:

— Ты была умницей?

— Да.

— А твой сегодняшній любовникъ пришелся тебѣ по вкусу?

— У меня не было любовника!

— Ты лжешь! Рыба сказала мнѣ!

Тэхура поднялась и пристально посмотрѣла на меня. На ея лицѣ отпечаталось выраженіе какого-то непередаваемаго мистицизма и торжественности, какое-то странное незнакомое величіе, чего я никогда не ожидалъ отъ ея физіономіи, обыкновенно радостной и почти дѣтской.

Новая атмосфера возникла въ нашей хижинѣ: я чувствовалъ, что Нѣкто Высшій сталъ между нами. Да, вопреки своей волѣ, я испытывалъ власть вѣры, я ожидалъ предостереженія съ неба, и въ то же время, съ усиліемъ возвращаясь къ пустотѣ нашего скептицизма,—такой безплодной по сравненію съ пламенностью вѣры или даже суевѣрія,—я не сомнѣвался, что никакого предостереженія не будетъ...

Тэхура тихо встала и удостовѣрилась, что наша дверь хорошо закрыта; затѣмъ, вернувшись на середину комнаты, она громко произнесла слѣдующую молитву:

„Спаси меня! Спаси меня!
„Насталъ вечеръ, насталъ Божій вечеръ!
„Будь при мнѣ, мой Боже!
„Остереги меня, Господи!
„Охрани меня отъ чаръ и дурныхъ совѣтовъ;
„Охрани меня отъ внезапной смерти,
„Отъ злыхъ желаній и отъ заклятій;
„Охрани меня отъ земельныхъ тяжбъ,
„—Да царитъ миръ вокругъ насъ!
„О мой Боже, охрани меня отъ злобныхъ воиновъ,
„Охрани меня отъ того, кто бродитъ съ угрозами,
„Кто радъ наводить страхъ,
„Отъ того, чьи волосы всегда стоятъ дыбомъ!
„—Да будемъ живы я и мой духъ,
„О мой Боже“!

Конечно, въ этотъ вечеръ вмѣстѣ съ Тэхурой молился и я.

Окончивъ свою молитву, она приблизилась ко мнѣ и сказала съ глазами полными слезъ:

— Надо побить меня, надо много меня бить.

И, глядя на глубокую выразительность этого лица и на совершенную красоту этой живой статуи, я представлялъ себѣ само Божество, къ которому обращалась съ молитвою Тэхура.

Да будутъ на вѣки прокляты мои руки, если онѣ осмѣлятся подняться на это совершеннѣйшее твореніе Природы!

И вотъ, обнаженная, съ глазами спокойными и полными слезъ, она казалась мнѣ снова одѣтой въ желто-оранжевое покрывало непорочности, въ желто-оранжевое покрывало Биксу.

Она повторила:

— Надо меня побить, надо много меня бить, иначе ты долго будешь сердиться и ты будешь боленъ...

Я обнялъ ее.

И теперь, любя ее безъ недовѣрія и такъ же сильно, какъ сильно я восхищался ею, я повторилъ въ душѣ слѣдующія слова Будды: „Да, кротостью надо побѣждать насиліе, добромъ—зло, истиной—ложь“.

Эта ночь была божественной, какъ столько другихъ ночей, больше, чѣмъ всѣ другія ночи,—и день занялся радостный.

Рано утромъ теща принесла намъ нѣсколько свѣжихъ кокосовъ.

Глазами она задавала вопросы Тэхурѣ. Она знала.

Съ очень тонкой игрой на лицѣ, она сказала мнѣ:

— Ты вчера ловилъ рыбу. Все обошлось хорошо?

Я отвѣтилъ:

— Да, я надѣюсь начать снова—въ скоромъ времени.

ГЛАВА VIII.

Разсказчикъ кончаетъ.

Мнѣ нужно было вернуться во Францію. Настоятельныя семейныя дѣла призывали меня обратно.

Прощай же, гостепріимная Сладостная Земля, родина свободы и красоты!

Я уѣзжаю, состарившись на два года, помолодѣвъ на двадцать дѣтъ, бо́льшимъ варваромъ, чѣмъ былъ по пріѣздѣ, и гораздо болѣе просвѣщеннымъ.

Да, дикари многому научили стараго цивилизованнаго человѣка—многому изъ науки жизни и изъ искусства быть счастливымъ научили эти невѣжды. Въ особенности заставили они меня лучше познать самаго себя, повѣдали мнѣ мою собственную правду.

— Въ этомъ ли была твоя Тайна, о, загадочный міръ? О, міръ, загадочный тѣмъ, что ты—Сама Ясность, ты пролилъ въ меня свѣтъ, и я выросъ въ преклоненіи передъ твоей древней красотой,—незабываемой юностью Природы. И я сталъ лучше, оттого что я понялъ и полюбилъ твою человѣческую душу—этотъ цвѣтокъ, который отцвѣтаетъ и ароматъ котораго никто отнынѣ не будетъ вдыхать...

Когда я покидалъ набережную, въ моментъ отплытія я взглянулъ въ послѣдній разъ на Тэхуру.

Она плакала нѣсколько ночей подъ рядъ, и теперь, усталая и все еще печальная, но спокойная она сидѣла на камнѣ, свѣсивъ ноги, касаясь широкими и крѣпкими ступнями соленой воды.

Цвѣтокъ, который она носила утромъ за ухомъ, упалъ—увядшій—на ея колѣни.

Отовсюду, другія женщины, такія же нѣмыя, усталыя, угрюмыя, смотрѣли на тяжелый дымъ парохода, который уносилъ насъ всѣхъ, навсегда и далеко,—любовниковъ минувшаго дня.

И съ мостковъ парохода еще долго казалось мнѣ, что я читаю на этихъ женскихъ устахъ старые маорійскіе стихи:

Вы, легкіе вѣтерки юга и востока,
Слетающіеся надъ моей головой для ласки и игры,
Поспѣшите на другой островъ,
Тамъ найдете вы, подъ тѣнью любимаго дерева,
Того, кто покинулъ меня—
Скажите ему, что вы видали меня въ слезахъ...

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Я. Тугендхольдъ. Поль Гогэнъ 1

Поль Гогэнъ. „Ноа—Ноа“ 25

РЕПРОДУКЦІИ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ.

П. Гогэнъ.—„Автопортретъ“, „Таитянка съ плодомъ“, „Таитійскій пейзажъ“, „Портретъ“, „Флейтистка“, „Пейзажъ“, „Женщины Маори“, „Бдѣніе духа мертвыхъ“, „Таитянка“, „Contes barbares“, „Война и Миръ“.

РЕПРОДУКЦІИ ВЪ ТЕКСТѢ.

П. Гогэнъ—„Радости Бретани“ (съ литогр.) стр. 1.—„Стрекозы и муравьи“, сцены изъ жизни Мартиника (лит.) стр. 22.—„Ноа—Ноа“, фронтисписъ съ рукописи Гогэна (акв.) стр. 25.—Таити (акв.) стр. 39.—„Таитянки“ (фрагментъ картины) стр. 55.—„Хина говорила Тэфату“ (рис.) стр. 71.—„Таитянки“ (рис.) стр. 89.—Купальщицы (грав. на деревѣ) стр. 95.—Рисунокъ на стр. 117 сдѣланъ по Гогэну, какъ и обложка книги; маска на стр. 125—гравюра Ж. Бельтрана съ дерев. скульптуры Гогэна.

Photographies d'Œuvres d'Art

obtenues par

Les Procédés E. DRUET

108, Faubourg Siant-Honoré — PARIS (VIIIe).

PEINTURES et SCULPTURES

des Maîtres modernes et contemporains: Carrière — Cézanne — Courbet — Degas — Delacroix — M. Denis — Gauguin — Van Gogh — Ingres — Manet — Cl. Monet — Pissarro — Renoir — K. X. Roussel — Sisley — de Toulouse-Lautrec — Vuillard — Bourdelle — Bugatti — Dalou — Dejean — Desbois — Hoetger — Maillol — Rodin, etc., etc.

CARTES POSTALES TIRÈES A LA MAIN D'APRÉS LES CLICHÉS DES PEINTURES ET SCULPTURES ANCIENNES ET MODERNES: la pièce O fr. 20, la douzaine 2 fr. 20

CATALOGUE: Peinture et Sculpture anciennes..... 1 franc.
„ Peinture et Sculpture modernes..... 2 francs.
Remboursables à la première commande de 50 francs.

569 X

Ц. 2 р. 50 к.

Складъ изд.: Т-во типографіи А. И. Мамонтова.
Москва, Арбатская пл., Филипповскій, 11.